

***СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА***

НАУЧНЫЙ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

**№ 2 (16)
2007**

Сургут
Издательство СурГУ
2007

Издание зарегистрировано в Западно-Сибирском межрегиональном
территориальном управлении Министерства РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (г. Тюмень).
Свидетельство ПИ № 17-0414 от 15 апреля 2002 г.
Выходит два раза в год

Учредитель и издатель

Сургутский государственный университет
Ханты-Мансийского автономного округа

Редакционный совет

Н.Л. Западнава, А.К. Карпов, В.М. Куриков, Г.И. Назин (*председатель*),
Н.Я. Стрельцова, Я.С. Черняк, Л.А. Чистова

Редакционная коллегия

Л.А. Авдеев, Г.А. Выдрина, И.П. Грехова, Ю.А. Дворяшин,
Т.Ю. Денисова (*ответственный редактор*), С.П. Малахов, М.Ю. Мартынов,
В.В. Мархинин (*главный редактор*), Е.А. Немысова, В.А. Острейковский,
В.И. Полищук, А.И. Прищепа, В.Д. Пузанов, Я.Г. Солодкин, В.А. Тен,
О.И. Усминский, В.Н. Шевченко

Адрес редакции

Т. Ю. Денисовой, СурГУ («Северный регион»)
ул. Энергетиков, 14
г. Сургут Тюменской обл.
628412

☎ 8-912-813-72-91

E-mail: denisovasever86@bk.ru
nreg@surgu.ru
www.surgu.ru/sev_reg.htm

© Сургутский государственный
университет, 2007

Департамент образования и науки
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Сургутский государственный университет ХМАО

СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН: НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Научный и культурно-просветительский журнал
Издается с 2000 г.

2007

№ 2

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции..... 6

НАУКА. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ.

С.В. Сотникова

Андроновский (Федоровский) погребальный обряд: реконструкция способов
обращения с кремированными останками..... 7

С.Н. Шилов, Е.И. Сорогин

К вопросу об особенностях погребальной обрядности Алакульского
могильника бронзового века в Южном Зауралье 16

С.А. Денисов

Опыт технологического исследования традиционной кузнечной продукции
(на археологическом материале Западной Сибири) 23

В.Б. Хозиев, М.В. Самойлова

О психологической природе алекситимии у ханты 34

Н.П. Плеханова, Г.В. Кравчук

Исследование этнической картины мира народа ханты 46

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

П.И. Совертков

Расширение исследовательского поля по математике для развития индивидуальности..... 56

С.Л. Зубарева

Достижения и нерешенные проблемы образования народов Севера в 1950 – 1960 гг. 67

А.Н. Шевкунов

Роль и место образовательной области «Технология» в учебном процессе
 общеобразовательной школы 74

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ**Д.Н. Маслюженко**

Шибаниды в золотоордынских делах во второй половине XIV – начале XV веков:
 истоки сибирской государственности..... 82

Е.И. Сорогин

Причины «Великой Замятни» как общего кризиса
 высокоразвитого кочевого общества 91

Я.Г. Солодкин

К истории создания основной редакции «Повести о Сибири и о сибирском взятии»
 Саввы Есипова 101

В.С. Шмаков

Мультикультурализм – политика консолидации 106

Д.А. Топкаев

Некоторые аспекты создания миграционной привлекательности Сибирского региона
 на примере Кемеровской области 118

Р.Ю. Федоров

Регион как социокультурное пространство: освоение, коммуникации ценности 128

М.И. Ташлыкова

Подготовка кадров для учреждений культуры Севера Тюменской области
 (1965-1980-е гг.)..... 135

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ**Л.Д. Ганеева**

Большая перемена, или о статусе современной молодежи 146

URBI ET ORBI**В.В. Корнеев**

Авторский/народный танец: топология пространственного дискурса 155

С.А. Васеничев, Е.В. Иванчихина

Сфера смерти как личностное новообразование: внутренние и внешние аспекты 169

СООБЩЕНИЯ

Научные форумы	178
Вести из лабораторий	180
Ф.Д. Рассказов, А.С. Шевчук Психологические особенности супружеских взаимоотношений.....	185
Наши авторы	191

От редакции

Дорогие друзья!

Вы держите в руках очередной номер журнала «Северный регион: наука, образование, культура». Внимательный читатель наверняка заметит, что журнал, сохранив привычный дизайн и традиционные рубрики, все же немного изменился. Надеемся, что появление таких разделов, как «Вести из лабораторий», «Научные форумы», «Приглашение к дискуссии», «Urbi et orbi» позволит привлечь к сотрудничеству новых авторов, увеличить круг обсуждаемых научных проблем, шире представить исследовательскую деятельность ученых нашего университета, города, региона.

Приглашая вас к сотрудничеству, мы ждем материалы, тематически связанные, в первую очередь, с проблемами северных регионов и Сибири, разнообразного формата и характера – от полновесных академических статей до кратких, в несколько строк, сообщений о результатах научных исследований, научных форумах, ярких культурных событиях.

С интересом будут восприняты материалы дискуссионного характера и отклики на уже опубликованные работы, рецензии на вышедшие научные и учебно-методические труды.

С условиями публикации вы можете ознакомиться на последних страницах журнала.

С уважением – коллектив редакции журнала «Северный регион».

НАУКА. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

С.В.Сотникова

АНДРОНОВСКИЙ (ФЕДОРОВСКИЙ) ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД: РЕКОНСТРУКЦИЯ СПОСОБОВ ОБРАЩЕНИЯ С КРЕМИРОВАННЫМИ ОСТАНКАМИ

В эпоху бронзы обширные пространства степной и лесостепной зоны Южного Урала, Казахстана и Западной Сибири занимало население андроновской культурно-исторической общности. На данном этапе изученности большинство исследователей считает, что в эту общность входили две самостоятельные культуры – алакульская и федоровская. Вопрос об этнической принадлежности этого населения является спорным. Е.Е.Кузьмина [1] и многие другие исследователи относят всех андроновцев, как федоровцев, так и алакульцев, к индоиранцам. Поэтому для интерпретации андроновского материала, как правило, привлекаются иранские и индоарийские письменные источники. Вместе с тем существует мнение, что федоровцев следует относить к ранним уграм [2]. По-мнению А.Ф.Шорина, угорским являлось черкаскульское население, с которым активно контактировали федоровцы Южного Зауралья [3]. Как свидетельствуют лингвистические данные, приводимые В.И.Абаевым, контакты арийского и уральского населения уходят в глубокую древность [4]. Это дает основание для привлечения аналогий из угорской этнографии.

Одним из ярких элементов погребального обряда андроновцев (федоровцев) являлся ритуал сожжения умершего. Опираясь на иранские и угорские параллели, представляется возможным реконструировать некоторые элементы андроновского обряда кремации и связанные с ним представления.

Обряд кремации является характерной чертой погребального ритуала андроновского (федоровского) населения. В западных районах, прежде всего Южном Зауралье, этот способ захоронения является основным, в восточных районах погребения с сожжением, как правило, немногочисленны. Исключения составляют отдельные могильники Западной Сибири (Ур и т.п.). По материалам федоровских погребальных памятников прослеживаются различные способы обращения с кремированными останками. Можно выделить следующие варианты:

Вариант 1. Кремированные останки образуют компактные скопления в центральной или восточной части могильной ямы. В западной обычно находятся сосуды и кости животных (ребра). Имеются также коллективные захоронения с четким разделением костей на отдельные скопления. В некоторых могилах среди кремированных костей обнаружены бронзовые украшения, что свидетельствует об особом отношении к останкам сожженного человека. Наиболее выразительная картина зафиксирована в алакульско-федоровском погребении 2 кургана 3 могильника Кулевчи VI (Южное Зауралье). В этом погребении в восточной части дна находились два скопления кальцинированных костей, с каждым из которых был связан комплекс украшений. Скопление 1 в юго-восточном углу имело неправиль-

ные, вытянутые с юго-запада на северо-восток, очертания (0,95 на 0,35 м). Непосредственно на слое кальцинированных костей располагались детали накосника: две ленты бронзовых обойм с крупной обоймой на одном конце и с листовидными бронзовыми привесками на другом. У северо-восточного окончания этого скопления зафиксированы две низки бронзовых бус. Аналогичные украшения часто встречаются на берцовых костях, погребенных по способу трупоположения. Н.Б.Виноградов, опираясь на гипотезу М.П.Грязнова, интерпретировал эти находки как захоронение праха, помещенного в "куклу", украшениями которой были накосник и низки бронзовых бус [5]. Предположение об использовании в андроновском ритуале куклы, высказанное в свое время М.П.Грязновым [6], и сейчас поддерживается многими исследователями [7].

Однако большая часть погребений по обряду кремации не содержит столь выразительных свидетельств, позволяющих говорить о наличии куклы. Вместе с тем компактное расположение остатков кремации, распространение коллективных захоронений с четким разделением костей на отдельные скопления дают основание предполагать, что останки могли быть во что-то завернуты. Возможно, это была одежда умершего, что подтверждается находками среди костей разнообразных украшений, обычно нашиваемых на одежду (бус, пронизок, бляшек, подвесок), либо прикрепляемых к головному убору (накосники, височные кольца) [8]. В алакульско-федоровском могильнике Солнце-Талика захоронение в кургане 2 содержало три скопления кальцинированных костей, а из заполнения могилы и норы извлечены обломки бронзовых украшений, в частности, височного кольца или браслета выпукло-вогнутого сечения [9]. Находки украшений в погребениях с сожжением характерны также для федоровских памятников Казахстана, известны такие комплексы и на территории Западной Сибири. Например, в погребении 1 кургана 1 могильника Сангуыр II (Центральный Казахстан) среди скопления полупережженных костей погребенного обнаружены четыре бронзовых бляшки, две пронизи и кусочек фаланговой кости животного с отверстием. В могиле 7 кургана 1 среди полупережженных костей находились 64 бронзовые бусины. В могиле из ограды Б найдены два бронзовых кольца с раструбом, два целых браслета, один в обломках и две бусины [10]. В могильнике Бугулы I (Центральный Казахстан) в погребениях с сожжением также встречены украшения, но их местоположение точно не указывается. В могиле из ограды 1 найдена бронзовая пронизка, в могиле из ограды 3 – около 50 бронзовых бусин и круглое бронзовое зеркало, в могиле 2 ограды 4 – около 50 бронзовых пронизок [11].

Предположение о заворачивании кремированных останков в одежду погребенного требует дополнительного обоснования, так как во многих погребениях украшения не обнаружены. Определенную помощь в объяснении этого факта могут оказать этнографические параллели. Например, у казахов традиционная одежда орнаментировалась вышивкой или аппликацией с вышивкой независимо от того, из каких материалов она изготавливалась. А нашивные украшения являлись лишь дополнительным убранством [12]. По-видимому, в среде андроновцев-скотоводов основным украшением одежды была аппликация из разноцветных кусочков кожи. Поэтому в большинстве погребений единственным свидетельством использования одежды в ритуале является компактное расположение кремированных костей.

Аналогии данному способу обращения с кремированными останками имеются в культуре хеттов, сложившейся при участии индоевропейского населения. Среди табличек из Богазкёя есть ряд фрагментов, относящихся к описанию ритуала похорон царя или царицы. Согласно описанию, в первый день совершалась кремация тела, на второй день женщины

собирали кости. “Кончив собирать кости, они заворачивают их вместе с льняной тканью в “красивую одежду” и кладут их на стул; а если это женщина, они кладут их на скамеечку... Перед стулом, на котором лежат кости, они ставят стол и угощают горячими хлебами... И всех, кто пришел собирать кости, они потчуют едой... [Затем] они берут кости... и приносят их в его “Каменный дом”” [13].

Вариант 2. Кремированные останки образуют антропоморфную выкладку.

В федоровском могильнике Уйтас-Айдос (Центральный Казахстан) в двух каменных ящиках (огр.2, м. 4, 5) зафиксированы антропоморфные выкладки из кремированных костей, которые сопровождалась сосудами. В могиле 4 выкладка длиной около 30 см и толщиной 50 см располагалась вдоль южной стенки. В могиле 5 выкладка зафиксирована по центру ящика, она была вытянута по линии 3-В и имела длину около 60 см и толщину 7 см. В юго-западном углу обеих могил найдены сосуды [14]. Во многом сходный вариант обращения с кремированными останками умершего практиковался ведийскими ариями. Как следует из комментария к “Погребальному гимну”, содержащемуся в “Атхарваведе” (XVIII, 4. 16-28), кости, оставшиеся после кремации, складывали в виде человеческой фигуры. Затем, ориентируясь на стороны света, ставили вокруг этой фигуры блюда с ритуальной пищей и сопровождали обряд произнесением соответствующих ритуальных формул [15].

Вариант 3. Кремированные останки помещены в сосуд.

Подобный способ обращения с кремированными останками встречается на территории Центрального Казахстана. В ограде 3 могильника Шет I в одном из погребений кремированные кости были помещены в сосуд. В ограде 10 могильника Сангру II в грунтовой яме найдена нижняя часть сосуда, заполненная кальцинированными костями [16]. В могильнике Уйтас-Айдос (м. 4, огр. 2) в юго-западном углу погребальной камеры стоял сосуд, наполовину заполненный утрамбованными кремированными костями, а вдоль южной стенки располагалась антропоморфная выкладка из обожженных костей [17]. В могильнике Бурлук I (Северный Казахстан) в ограде 9 под камнями в ямке найден развал сосуда с пережженными костями [18]. На территории Западной Сибири в могильнике Старый Тартас-4 в погребении, расположенном во рву кургана 19, обнаружен сосуд, содержащий жженые кости [19].

Возможно, помещение кремированных останков в сосуд также являлось средством антропоморфизации. В связи с этим обращает на себя внимание наблюдение М.П.Грязнова, который сравнивал орнаментацию посуды эпохи бронзы, в том числе и андроновской, с орнаментацией кожаной и меховой одежды некоторых коренных народов Южной Сибири и Казахстана. Он указывал на возможность перенесения орнамента с одежды на посуду [20].

Аналогии рассматриваемому способу обращения с кремированными останками имеются в поэме Гомера “Илиада”. В гомеровских поэмах нашли отражение многие важные черты реального греческого общества IX-VIII вв. до н.э. (геометрического периода по археологической периодизации) [21], то есть хронологически достаточно близкой эпохи. Данная аналогия представляется вполне уместной с учетом индоевропейского прошлого греческого населения. В “Илиаде” дается описание обряда похорон Патрокла и Гектора, в ходе которого происходит кремация тела и последующее захоронение кремированных остатков. После сожжения тела Патрокла

Сруб угасили, багряным вином поливая пространство
Всё, где пламень ходил; и обрушился пепел глубокий;
Слезы лиющие, друга любезного белые кости
В чашу златую собрали и туком двойным обложили;
Чашу под кушу внеся, пеленою тонкой покрыли;

Кругом означили место могилы и, бросив основы
Около сруба, поспешно насыпали рыхлую землю.
Свежий насыпав курган, разошлись они.

(Илиада, XXIII, 251-257)

Обряд захоронения кремированных костей Гектора отличается лишь более сложной конструкцией перекрытия над могильной ямой:

Сруб угасили, багряным вином оросивши пространство
Всё, где огонь разливался пылающий; после на пепле
Белые кости героя собрали и братья и други,
Горько рыдая, обильные слёзы струя по ланитам.
Прах драгоценный собравши, в ковчег золотой положили,
Тонким обвивши покровом, блистающим пурпуром свежим.
Так опустили в могилу глубокою и, заложивши,
Сверху огромными частыми камнями плотно устлали;
После курган насыпали...

(Илиада, XXIV, 791-799)

Таким образом, обряд погребения, представленный в поэмах Гомера, предполагал собиране кремированных останков в сосуд, заворачивание его в погребальное покрывало, а затем захоронение в могиле или срубе.

В Греции в геометрический период происходит распространение обряда кремации и ваз, расписанных в геометрическом стиле и предназначенных для погребения. В свете предложенной интерпретации захоронения кремированных костей в сосуде, как способа антропоморфизации останков, представляет интерес эволюция этого ритуала в Греции в геометрический период. В работе Л.И.Акимовой [22] отмечается, что постепенно идет процесс разобщения земной и подземной сферы, погребальные расписные вазы начинают выходить из-под земли и становятся надгробиями. При этом урны не исчезают. Погребальный сосуд как бы зримо раздваивается и начинает существовать одновременно в двух разных пространствах – земном и подземном. Примечательно и то, что урна с прахом и сосуд надгробие нередко ставились на одной вертикали, представляя собой как бы две формы одной сущности. Урны с течением времени становились все более скромными, а сосуды-надгробия – вроде дипилонских ваз – величественными и монументальными. Вместе с тем, сосуды-надгробия не теряли связи с подземным миром: они заглублялись в землю при установке на могилах, в ряде случаев они имели отбитые днища, вероятно, для совершения возлияний. Л.И.Акимова считает, что постепенно происходит антропоморфизация сосуда-надгробия, что проявилось не только в увеличении размеров до 1,5 метров, но и в дифференциации пластической формы, уподоблении ее человеческому телу. Она обращает внимание на то, что в дальнейшем, в VII в до н.э., на месте таких ваз появляются статуи, передающие образ умершего [23]. Учитывая основной вектор развития греческого ритуала, направленный ко все большей антропоморфизации погребального сосуда вплоть до создания погребальной статуи, можно предположить, что уже на начальной стадии сосуд с кремированными останками связывался с образом сожженного человека, что и послужило основой его дальнейшей эволюции по пути все более полной передачи образа умершего.

Вариант 4. Кремированные останки помещены в деревянную обкладку.

В могильнике Юрман I (Западная Сибирь) захоронения по способу трупосожжения были обнаружены в курганах 1 (2 погребения) и 3. Трупосожжения представляли собой овальные в плане скопления, размером 0,5 на 0,3 м, очевидно, первоначально помещенные в

специальные деревянные обкладки, от которых на дне камер сохранились деревянные плашки, ограничивающие место, куда были положены кремированные останки [24].

Вариант 5. Кремированные останки рассыпаны по всему дну могильной ямы. Встречается достаточно редко, в основном в южных районах распространения андроновского населения. А.Г.Максимова отмечает, что в могильнике Тау-Тары кремированные кости иногда рассыпались почти по всей западной части могильной ямы [25]. В могильнике Таш-Тюбе II остатки трупосожжения также были разбросаны по всей площади погребальных камер. П.Н.Кожемяко считает это одной из отличительных черт данного памятника [26].

Вероятно, андроновский ритуал предусматривал антропоморфизацию кремированных останков, помещаемых в могилу. Антропоморфизация могла осуществляться различными способами: антропоморфной выкладкой, помещением кремированных останков в погребальную куклу, одежду умершего, сосуд. Менее распространены были другие способы обращения с остатками кремации.

Вопрос о причинах перехода андроновского (федоровского) населения к обряду кремации еще далек от разрешения. По мнению М.Ф.Косарева, обряд сожжения обеспечивал разделение двух жизненных сил или субстанций – бессмертной души дыхания и души тени. У каждой души был свой путь. Бессмертная душа-дыхание вместе с дымом погребального костра поднималась на небо, а затем возрождалась в младенце. Душа-тень в ходе различных ритуалов направлялась в Нижний мир. М.Ф.Косарев отмечает, что этот способ захоронения распространяется в Сибири, в основном, с энеолитической эпохи и особенно характерен для урало-западносибирской части территории [27]. Согласно лингвистическим данным, ритуал сожжения и представление о двух видах душ (душе-тени и душе-дыхании) восходят еще к индоевропейскому периоду [28].

Отличительной чертой ритуала сожжения являлось уничтожение телесной оболочки умершего человека, что потребовало от андроновского населения ритуального восстановления образа.

Согласно этнографическим данным с образом человека, с его телесной оболочкой, связана прежде всего душа-тень. Интересные сведения о душе-тени имеются в угорской этнографии. Душа-тень называлась у манси и северных хантов ис, ис-хор, что означало “тень”, “тень-облик” [29]. Слово хор (курр) переводится как “образ, фигура, изображение” [30]. В.Н. Чернецов отмечал, что душа ис после смерти человека следовала вместе с телом в могилу, поэтому называлась еще “могильной” душой. Эта душа продолжала существовать до тех пор, пока сохранялось что-то от тела, а затем превращалась в жучка [31]. Е.И.Ромбандеева сообщает несколько иные сведения. По поверьям северных манси, человек после смерти начинал жить обратной жизнью, а затем мужчина превращался в жука, а женщина - в паука [32].

Ис-хор тесно связывалась не только с самим телом, но и с его “образами” – чувственно воспринимаемыми подобиями человека. Такими “образами” являлись изображения человека, отпечатки его тела на снегу, отражение в воде, фотография [33].

Ис-хор была также связана с одеждой человека. По сведениям Т.А.Молдановой, у казымских хантов одежда, которую носил человек, начинала обладать особым свойством, она становилась исан-хуран [34]. Согласно угорским представлениям, объекты, имеющие форму человеческого тела, требовали осторожного обращения. Старую одежду живых людей не бросали на землю, а вешали на дерево, отпечатки в снегу стирали, в прошлом избегали фотографирования, так как через человеческие подобия можно было нанести вред ис-хор [35]. Кроме того, опасались, что ис-хор может предпочесть изображение живому телу, фо-

тоаппарат называли “берущий образ” [36]. Восточные ханты считали, что оставленный в снегу отпечаток тела йипл может приходиться по ночам и пугать людей [37].

Можно предположить, что в андроновском погребальном обряде восстановление разрушенного в ходе сожжения образа умершего с помощью вещей, повторяющих форму человеческого тела, было обусловлено потребностью создать вместилище для души-тени, чтобы она не беспокоила живых. Присутствие в погребениях с кремацией сосудов с напутственной пищей и ребер животных свидетельствует о том, что в могиле отправлялись обряды, связанные с кормлением этой души и проводами ее в Нижний мир.

Как свидетельствуют этнографические материалы, отношение к двум видам душ – душе-дыханию и душе-тени – было различно. По отношению к реинкарнирующей душе отправлялись обряды, направленные на ее возвращение в свой коллектив. Возвращение души-тени, наоборот, было нежелательным, поэтому проводились специальные обряды, связанные с проведением границы, отделяющей мир живых от мира мертвых. Угорские народы, возвращаясь с похорон, на дороге клали, перегораживая ее, бревно, полено, ветви, кресты из прутьев, палок, разводили костер. По свидетельству К.Ф.Карьялайнена, втыкали на дороге топор, обращенный острием к месту погребения [38]. Селькупы рисовали на дороге, ведущей с кладбища, поперечные полосы или перегораживали ее прутиками, воткнутыми в снег, землю [39]. Кеты, уходя от захоронения, клали поперек тропинки палку, которая преграждала умершему путь обратно к людям. Чукчи проводили позади идущих с похорон черту поперек дороги, символизирующую бездну или глубокую реку, рядом оставляли один или несколько камешков, означающих крутые горы [40].

Вероятно, подобные охранительные меры существовали и у ведийских ариев. В одном из гимнов “Атхарваеды” (XII, 2), посвященном погребальной церемонии, сказано: “Трижды семь раз, покойные риши / Задерживали смерть стиранием следа” (XII, 2, 29); “Идите, стирая след Смерти, / Прнося дальше свою долгую жизнь!” (XII, 2, 30). В комментариях к гимну данные строки сопоставляются с магическим обрядом, состоявшим в том, что за похоронной процессией веткой стирали след на дороге [41].

В “Ригведе” нет прямых упоминаний о судьбе души-тени. Но об этом, возможно, свидетельствуют следующие строки “Похоронного гимна” (X. 18. 1): “Прочь, о Смерть! Ступай другим путем! Твой собственный (путь) иной, чем путь, исхоженный богами”. В этом же гимне имеются сведения о ритуале проведения границы между миром живых и миром мертвых (X. 18. 4): “Эту преграду я устанавливаю для живых, Пусть же никто другой среди них не отправится к этой цели! Да проживут они сотню обильных осеней! Да закроют они смерть этой горой!”. В более поздних индийских текстах данный ритуал занимает достаточно важное место. На десятый день после трупосожжения между местом, где оно было произведено, и деревней совершался ряд ритуальных действий, одним из которых было “возложение камня”. Такой камень воспринимался в качестве горы, преграждающей путь смерти [42].

Безусловно, перечисленные выше обряды, связанные с проведением границы и направленные на защиту живых, практически невозможно зафиксировать в ходе археологических раскопок. Однако некоторые детали андроновского погребального обряда позволяют высказать предположение о существовании подобных ритуалов и представлений в среде андроновского населения. Одним из таких свидетельств можно считать наличие деревянных или каменных перекрытий над могильными ямами. В федоровских могилах в стенках ямы делались даже специальные уступчики для поддержания перекрытия. Некоторые погребения имели два слоя перекрытия. Например, в могиле 1 из кургана 15 Кинзерского мо-

гильника прослежен мощный деревянный накат из двойного ряда бревен [43]. Другим свидетелем ритуалов, связанных с проведением границы, могут служить каменные оградки, сооружаемые вокруг могил. Э.Р. Усманова в ходе работ на могильнике Лисаковский обратила внимание на следующие конструктивные особенности оград. Камни не укладывались в одну линию кольца, которое очерчивало площадку с захоронением. Контур ограды “конструировался” из полуovalов, кругов и незаконченных отрезков разных форм. Нередко к кольцу пристраивались каменные выкладки, выполненные в такой же манере. Исследовательница отмечает, что подобная постановка камней создает иллюзию запутанности, и считает возможным говорить, применительно к конструкции оградок, о прообразе лабиринта. Она рассматривает ограду как “место, куда входили по запутанным путям с целью достижения иного мира”, а также как “преграду для живых и вечный дом для мертвых” [44]. В свете вышеизложенного представляется возможным дать другое толкование данному факту. “Запутанная” конструкция оград являлась препятствием на пути души-тени в мир живых. Ограда была преградой для мертвых, чтобы они не беспокоили живых.

Опираясь на данные этнографии и древних письменных источников, можно реконструировать андроновский ритуал кремации и связанные с ним представления. После сожжения совершалось захоронение кремированных останков. Андроновцы стремились придать им антропоморфную форму (одежда, кукла, сосуд, антропоморфная выкладка). Повидимому, антропоморфизированные останки рассматривались какместилище души-тени. Наличие в западной половине погребальной камеры сосудов и ребер животных свидетельствует о том, что в могиле отправлялись обряды, связанные с кормлением этой души и проходами ее в Нижний мир. Перекрытия могильных ям и оградки, вероятно, выполняли роль границы, препятствующей возвращению души-тени в мир живых.

Список сокращений

КСИА – Краткие сообщения Института археологии
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
РА – Российская археология
СА – Советская археология
ТИЭ – Труды Института этнографии

Примечания

1. Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981. – С. 116.
2. Косарев М.Ф., Потемкина Т.М. Городище Чудская гора в свете этнической интерпретации андронидных культур Западной Сибири // Урало-Алтаистика. – Новосибирск, 1985. – С. 37.
3. Шорин А.Ф. К этнической характеристике черкаскульской культуры // РА. – 1994. – № 4. – С. 54-62.
4. Абаев В.И. Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. – М., 1981. – С. 84-89.
5. Виноградов Н.Б. Кулевчи-VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. – 1984. – № 3. – С. 140-145, 151.
6. Грязнов М.П. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней

бронзы // КСИА. 1970. Вып. 122. – С. 37.

7. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004. – С. 68.

8. Сотникова С.В. Андроновский (федоровский) обряд кремации: к реконструкции ритуала // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 1. – Барнаул, 2003. – С. 181-182.

9. Виноградов Н.Б., Костюков В.П., Марков С.В. Могильник Солнце-Талика и проблема генезиса федоровской культуры бронзового века Южного Зауралья // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск, 1996. – С. 133-134.

10. Кадырбаев М.К. Могильник Сангуыр II // Труды института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 12. – Алма-Ата, 1961. – С. 52-55.

11. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966. – 73-76.

12. Шевцова А.А. Казахский традиционный свадебный костюм (XIX-начало XX века) // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. V. – М., 2006. – С. 39.

13. Герни О.М. Хетты. – М., 1987. – С. 146-147.

14. Усманова Э.Р., Варфоломеев В.В. Уйтас-Айдос – могильник эпохи бронзы // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы; Москва, 1998. – С. 47-48, 57.

15. Атхарваеда. Избранное. – М., 1995. – С. 377-378.

16. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетбак-Далы). – Алма-Ата, 1992. – С. 90, 109.

17. Усманова Э.Р., Варфоломеев В.В. Указ. Соч. С. 47.

18. Зданович Г.Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей. – Свердловск, 1988. – С. 87.

19. Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3 (11). – С. 52.

20. Кирюшин Ю.Ф. Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновской культуры // “Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...”. – Барнаул, 1995. – С. 58-59.

21. История Европы. Т. 1. Древняя Европа. – М., 1988. – С. 224.

22. Акимова Л.И. Об отношении геометрического стиля к обряду кремации // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. – М., 1990. – С. 230-234.

23. Там же. С. 233. Прим. 38, - С. 236.

24. Савинов Д.Г., Бобров В.В. Курганы андроновской культуры могильника Юрман I в Западной Сибири // Археологические вести. – 1995. – № 4. – С. 85.

25. Максимова А.Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-Тары // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 14. – 1962. – С. 38.

26. Кожемяко П.Н. Погребения эпохи бронзы в Киргизии // Изв. АН КиргССР. Сер. общ. наук. 1960. – Т. 2. – Вып. 3. – С. 94.

27. Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. – М., 2003. – С. 158-159.

28. Иванов В.В. Структура гомеровских текстов, описывающих психические состояния // Из работ московского семиотического круга. – М., 1997. – С. 560-571.

29. Зенько А.П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении

- обских угров. – Новосибирск, 1997. – С. 73-74.
30. Кулемзин В.М. Кор // Мифология хантов. – Томск, 2000. – С. 156.
31. Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // ТИЭ. Новая серия. Т. 51. – 1959. – С. 118, 125.
32. Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. – Сургут, 1993. – С. 73.
33. Зенько А.П. Представления о сверхъестественном... – С. 73.
34. Молданова Т.А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. – Томск, 1999. – С. 44.
35. Зенько А.М. Представления о человеке в традиционном мировоззрении обских угров. // Этнография народов Западной Сибири. – М., 2000. – С. 173.
36. Кулемзин В.М. Указ. соч. – С. 156.
37. Зенько А.М. Представления о человеке... С. 173.
38. Семейная обрядность народов Сибири. – М., 1980. – С. 139; Чернецов В.М. Указ. соч. – С. 147.
39. Прокофьева Е.Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера. – Л., 1977. – С. 74.
40. Косарев М.Ф. Указ. Соч. – С. 98.
41. Атхарваведа... – С. 388.
42. Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. – 1968. – № 145. – С. 123.
43. Кузьмина Е.Е. О соотношении типов андроновских памятников Урала // Памятники древнейшей истории Евразии. – М., 1975. – С. 225.
44. Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. – Караганда-Лисаковск, 2005. – С. 79-82.

С.Н. Шилов, Е.И. Сорогин

**К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ
АЛАКУЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА БРОНЗОВОГО ВЕКА
В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ**

Алакульский могильник – эпонимный памятник знаменитой культуры андроновской культурно-исторической общности. Некрополь располагается в лесостепном Притоболье (с.Пивкино, Щучанский район, Курганская область). Памятник был открыт краеведом Р.Г. Игнатьевым, выделившим группу курганов близ оз. Алакуль. Первые раскопки некрополя были проведены археологической экспедицией Челябинского областного музея под руководством К.В. Сальникова в 1938 г. Тогда Сальников К.В. отметил 66 чётко фиксируемых курганов, и раскопал 2 насыпи, в которых находилось 50 погребений. Раскопки позволили выделить алакульскую культуру.

В 1969 году исследования могильника продолжила Е.Е. Кузьмина (г. Москва), ею были раскопаны 2 кургана (№15 и №49). Курган №15 включал в себя 6 погребений и охарактеризован Кузьминой Е.Е. как жертвенное место: «...в кургане №49 взрослого погребения нет, лишь три погребения младенцев (№№1, 5 и 6), ориентированные по линии юго-запад. Были 2 ритуальных захоронения в отдельных ямах черепов младенцев и сосудов (№№3, 4). Вполне вероятно, что яма №2, где обнаружено только небольшое количество костного тлена, также содержала захоронение только черепа и сосуда. Три ритуальных очажных ямы (идут почти по оси к югу по линии север – юг). Несколько жертвенников, что содержат скопления охры. Под насыпью 9 сосудов. В центре ритуальное захоронение черепа и ног коня. Курган №49 – жертвенное место» [1].

В 1989 г. Н.Б. Виноградов провёл поверхностный осмотр некрополя, отметив аварийное состояние могильника, почти полностью сnivelированного распашкой. С 1999 по 2003 г. аварийные раскопки распахиваемого памятника проводила археологическая экспедиция КГУ под руководством С.Н. Шилова. Измерения высоты курганов показали, что высота части насыпей существенно снизилась, а большинство курганов разрушено пахотой. Сальников К.В. приводит таблицу, где указано, что из 66 курганов высота 2 курганов была более 100 см., 17 курганов – от 51 до 100 см., и 21 кургана – от 31 до 50 см. [2, 52]. Уже в 1999 г. визуально фиксировалось около 10 едва заметных всхлопнений. Измерения показали, что лишь высота курганов №№ 1, 61 и 18 превышала 50 см., а средняя высота остальных была равна 20 – 30 см.

В 1999 г. раскопаны курганы №№ 1, 14, 55, содержащие 38 погребений. Анализ сопроводительного инвентаря позволил расширить время существования могильника до XV – сер. XIV вв. Всего в 1999-2003 гг. изучены 15 курганов с 159 погребениями. Были также исследованы 4 погребения в межкурганном пространстве курганов №27 и 35. Анализ данных, полученных в результате исследований, позволил реконструировать алакульские женский и детский костюмы, уточнить особенности палеодемографической ситуации и сделать ряд выводов о погребальном обряде алакульцев в Западной Сибири в сер. II тыс. до н.э.

По материалам раскопок Алакульского могильника авторами была предпринята по-

пытка анализа специфики статуса погребального обряда. Так Д.Г. Здановичем, опиравшимся на труды Дж. Брауна, сформулированы три основных параметра статуса погребального обряда. Первый – количество энергии, затраченное на отправление обряда, второй – наличие определенных артефактов или атрибутов, символизирующих «авторитетное» положение в обществе некоторых погребенных, либо фактов половозрастного ранжирования, и третий – наличие отклонений в демографической структуре погребального комплекса от предполагаемой нормальной структуры популяции [3, с. 24-25]. По первому параметру стоит отметить, что ряд археологов считают, будто количество трудозатрат на сооружение курганов было очень велико, считая данное утверждение одним из доказательств того, что курганы строились только для очень немногочисленной элиты общества. Например, А.Т. Синюк считает, что количество трудозатрат на сооружение курганов, если бы они предусматривались для всех членов общества, оказалось бы совершенно фантастическим [4, 286]. Работу по реконструкции количества трудозатрат проводил в своей работе Зданович Д.Г., опираясь на материалы Синташтинского могильника [3]. Однако осуществить подобное в отношении Алакульского могильника практически невозможно, т.к. большинство насыпей некрополя сnivelированы распашкой, и уже нельзя реконструировать наземные сооружения, которые могли быть воздвигнуты на курганах. Можно предположить, что высота части курганных насыпей была не очень велика и вряд ли превышала 1/8 диаметра кургана (данное наблюдение было сделано на основе анализа могильников Камышное 1 и Субботинского, часть курганов которых не тронуты распашкой). К примеру, высота кургана №14 при диаметре 16,8-17 м. не превышает 1,9-2 м., но восстановить количество трудозатрат на сооружение одной курганной насыпи Алакульского некрополя практически невозможно.

По второму параметру, т.е., наличию определенных артефактов или атрибутов, символизирующих «авторитетное» положение в обществе некоторых погребенных, отметим ряд моментов. Несмотря на сильную разрушенность погребений еще в древности, керамическая коллекция на данный момент насчитывает более чем 300 сосудов, а также имеется значительное количество бронзового инвентаря. В центральных погребениях курганов №№8, 38 были обнаружены булавы (в кургане №8 – бронзовая, а в кургане №38 – каменная). На данный момент нет единой точки зрения по функциональному назначению булавы, но большинство исследователей считает булаву инсигнией власти [5, с.100; 6, с.177]. Булава также использовалась и в ритуальных целях, т.к. лица, несшие на себе функции управления, были наделены жреческими функциями и, занимали авторитетное положение в обществе. Таким образом, независимо от функциональной принадлежности данной инсигнии, она, несомненно, является признаком элиты, и то, что булава не забиралась потомками при последующем проникновении в погребения предков, связано, по нашему мнению, с тем, что ритуальные или иные функции, атрибутом которых была булава, не передавались по наследству. Но данная точка зрения гипотетична, и имеет под собой лишь косвенные доказательства.

Признаком элитности погребения может служить и его богатство. Приведем пример из материалов последних лет раскопок. Вот описание взрослого неграбленного (что крайне редко для данного некрополя) погребения кургана №18-а Алакульского могильника. «Форма погребения прямоугольная, длинными сторонами ориентирована на юг. Заполнение могилы составляла перемешанная темно-серая супесь с вкраплениями суглинка. В погребении находились остатки деревянной конструкции, лежащие вдоль южной стенки.

В погребении расчищен полный костяк женщины. Рост – 162 см, возраст – 18-20 лет (определение А.Н. Нечволода, г.Уфа). Погребенная лежала на левом боку, руки очень сильно согнуты в локтях вдоль груди (возможно при жизни были стянуты верёвкой), кисти пе-

ред лицом; ноги слегка согнуты в коленях.

У южной стенки могилы находился крупный алакульский сосуд ($d = 23$ см), орнаментированный трёхзонально – треугольниками и меандром, в резной, прочерченной манере.

Помимо сосуда и остатков погребальной пищи найден разнообразный набор украшений: 7 бронзовых подвесок в 1,5 оборота, каждая вторая из них в золотой фольге, располагались под черепом, а одна находилась у десятого позвонка. Вероятней всего, они украшали шапочку или косы женщины. С боков черепа расчищены 2 плохо сохранившихся бронзовых височных кольца. Под челюстью, в районе груди, была обнаружена низка пастовых бусин с тремя металлическими крестовидными подвесками, две из которых изготовлены предположительно из серебра. На каждой руке погребенной было надето по два браслета (1 из них желобчатый, второй – с закруглёнными в спираль концами, толщина обоих около 0,8 мм). Восточнее берцовых костей найдены две низки бронзовых бус, возможно украшавших штаны или юбку женщины» [7].

К наиболее богатым следует отнести и центральное погребение кургана №27, где обрушившаяся часть накатника сохранила от разграбления северную половину захоронения. В нём располагались останки девушки 12-14 лет, рядом находились бронзовые, золотые и пастовые украшения, в том числе и бронзовая шейная гривна и остатки наосника, в грабительском лазе, были обнаружены 2 подвески в полтора оборота, обернутые золотой фольгой. Данные находки подтверждают, факт, что в могильнике захоронены нерядовые представители алакульского общества.

Третьим параметром элитности могильника является наличие отклонений в демографической структуре погребального комплекса от предполагаемой нормальной структуры популяции. Антропологический анализ погребений из 16 курганов показал, что из 164 погребений находящихся в них, 28 погребений не содержали антропологический и остеологический материал, а в 14 погребениях кости были в крайне плохой сохранности, что не возможно определить, сколько человек в них захоронено. Таким образом, получено 112 погребений, содержавших антропологический материал. Проведённый анализ показал, что в 112 могилах находился 151 субъект. Из них состояние 6 (4%) не позволило сделать какие-то выводы об их возрастной группе, лишь можно предположить, что они принадлежали к взрослым. Анализ других показал, что 94 (62,2%) костяков относились к возрастной группе *Infantilis I*, 11 (7,2%) – *Infantilis II*, 24 (15,8%) костяка – к группе *Infantilis* (т.е. являлись детскими, но плохое состояние антропологического материала не позволяет сделать более конкретного определения). Десять костяков (6,6%) принадлежит к группе *Juventus*, 4 (2,6%) – *Adultus*, 1 (0,6%) – *Maturus*, 1 (0,6%) – *Senilis*. Такие показатели отражают непропорционально большое количество детских погребений до 6–7 лет. С учётом неопределённых костяков, доля детских погребений до 6-7 лет (*Infantilis I*) может достигать 75-80%, причём внутри данной группы процент младенческих захоронений превышает 90%. Анализ же центральных взрослых погребений продемонстрировал следующую картину. По данным раскопок выявлено, что на Алакульском могильнике нет одиночных захоронений, безоговорочно принадлежащих лицам мужского пола. Были найдены останки четырёх мужчин, причём один в парном захоронении, два – в тройном, а ещё один – в погребении, содержавшем кости пяти человек. Останки женщин содержались в 8 центральных погребениях, из них 4 являлись одиночными. В процентном соотношении на 25% мужских костяков приходилось 75% женских. И хотя 13 центральных погребений не дают точной половозрастной характеристики, однако, сделать выводы о том, что в них процентное соотношение мужчин больше, чем предыдущих, мы не можем.

Отклонения в палеопопуляции данного некрополя могут доказывать, что и по третьему параметру Алакульский могильник относится к элитным. Причём отметим, что по двум параметрам из трех можно сделать вывод, что в могильнике захоронены не простые члены общества, а небольшая элита, состоящая в основном из женщин. Следует предположить, что женщины, погребенные на Алакульском могильнике, имели высокий статус и, возможно, выполняли какие-то культовые функции.

Здесь стоит остановиться на точке зрения Д.И. Епимахова и А.В. Ражева относительно феномена многочисленности детских погребений бронзового века. Они, отметив наличие коллективных детских захоронений, выдвинули следующую гипотезу. «Близкая во времени смерть многих людей происходит в результате инфекционного заболевания, передающегося от коров. При этом заболевании в первую очередь должны страдать дети, потребляющие в отличие от взрослых цельное молоко. Болезнь не должна вызывать панического страха, т.е. передаваться от человека к человеку и иметь высокой летальности. Неоспоримо существование у населения андроновского круга культа домашних животных. Вполне вероятно, что заражение от культовых животных могло рассматриваться животноводческим населением как передача части их мистических свойств человеку. Смерть от такой болезни автоматически переводила человека в привилегированный слой» [8, с.247].

Однако данная точка зрения не находит подтверждения по материалам Алакульского могильника. Доля детских коллективных погребений от общего количества захоронений очень невелика. Погребения *Infantilis I* в большинстве являются либо одиночными, либо парными. Кроме этого, около 80% из погребений возрастной группы *Infantilis* занимают младенческие захоронения до 1 года, т.е. того возраста, когда дети находятся в грудном возрасте и потребляют материнское молоко, а не молоко животных. К тому же, не обладая современными знаниями о микробах и вирусах, древние вряд ли прослеживали взаимосвязь между употреблением молока и заражением болезнью. Вопрос о необычно большом количестве детских захоронений бронзового века в Среднем Притоболье следует считать открытым, и факт отклонения демографической ситуации на Алакульском могильнике бесспорен.

На Алакульском могильнике широко представлены нетрадиционные формы погребальной обрядности.

Наиболее распространённой формой погребальной обрядности алакульцев является захоронение в позе адорации, чаще всего скорченно, на левом боку, в грунтовых могильных ямах, иногда снабжённых одно-двухвенцовыми срубками. Однако на Алакульском могильнике встретился ряд захоронений с нестандартными формами погребения. К таковым относятся погребения в кургане № 49 (раскопки Кузьминой Е.Е., 1969 г.), где были зафиксированы случаи декапитации.

Кроме этого случаи отсечения головы были зафиксированы и раскопками последних лет. Вот описание антропологического материала из двух погребений, относящихся к раскопкам кургана №20 в 2001г. В центре погребения №4 «на его поверхности и глубине от 5 до 10 см. зафиксировано скопление человеческих костей, в том числе фрагменты черепной коробки, сильно разрушенные норой. Большинство осколков мелкие и неопределимые. Это не позволяет проследить позу и ориентировку умершего. На глубине 30 см. по центру расположены останки ребенка, лежащего скорченно на левом боку, головой ориентированного на юг, а лицом на запад. Сохранность костей хорошая. Руки сильно согнуты под острым углом к лицу. Череп оказался частично раздавлен сосудом № 1 и скрыт остатками перекрытия. Кроме того, крупные фрагменты второго черепа, по всей видимости, лежащего изначально на той же глубине в ногах, оказались раскиданы по могиле. Так, правая сторона ле-

жала на уровне низа грудной клетки, верхний свод в ногах в 10 см. от северной стенки. Крупный фрагмент черепа лежал на дне сосуда № 2. По всей видимости, в данном погребении оказались погребенными останки одного ребенка и череп другого. <...>В центре погребения №6 на глубине 18 см. расчищены останки ребенка, лежащего скорченно на левом боку, с подогнутыми под прямым углом ногами. Руки подняты к лицу. Ориентирован головой на северо-северо-запад, лицом на северо-северо-восток. Сохранность костей хорошая. Отсутствуют кости ступни и череп. В то же время в погребении № 4, которое находится в 40 см к северу, обнаружено два черепа»[9].

Причины появления подобных погребений также принято делить на естественные и ритуальные. К первым относится рассечение тела как условие смерти и часть сочлененного трупа отсутствует как результат механического повреждения в результате убийства или других видов смерти. Ритуальные расчленения делятся на два основных типа: убийство вредоносного умершего и своеобразное «жертвоприношение». Кроме того, нельзя забывать и того, что существовало уже отмечавшееся представление о том, что лишь после очищения тела от мягких тканей душа отходит в другой мир [10].

К редким формам захоронений на Алакульском могильнике относятся погребения №1,2 кургана №61, где найдены кальцинированные кости, что свидетельствует об обряде кремации. Данный обряд более характерен для фёдоровской культуры, что подтверждает керамический материал из подобных могил. Однако, по подсчётам Усмановой Э.Р. (по материалам могильника Лисаковский), кремация в алакульских погребениях составляет 14 процентов [11, 12]. Другие исследователи также отмечают наличие случаев кремации в могильниках алакульской культуры, хотя эта форма захоронения и не является массовой.

Интересной формой погребального обряда для алакульской культуры является сооружение кенотафов. Хотя из-за сильной ограбленности часто очень трудно определить каким является погребение – кенотафом или полностью ограбленным захоронением, всё же можно предположить, что центральное захоронение кургана №61 является кенотафом. По определению «классический кенотаф – это погребальный памятник, отличающийся от обычных курганов отсутствием костяков, хотя весь обряд захоронения совершён полностью» [13; 14].

Центральное захоронение кургана №61 характеризуется следующими чертами: «Заполнение погребения состояло из темного гумуса с вкраплениями светлого суглинка. В западной части могилы вдоль стенки заполнения прорезают норы.

В центральной части погребения фиксируется пятно более светлого, серого заполнения с мелкими вкраплениями кальцинированных костей и органики – грабительский вскоп (пятно овальной формы вытянутое по линии север – юг). Изначальные размеры пятна вскопа 153 на 75 – 85 см, при дальнейшей расчистке погребения уменьшились до 120 на 73 см.

По периметру погребения на глубине 20 см. зафиксирован уступ шириной от 11 до 32 см, в результате погребение приобрело почти четкую прямоугольную форму, и его размеры составили 174 на 253 см. После расчистки погребение имело отвесные стенки и ровное дно. Глубина погребения составила 57 см.

Останков захороненного не обнаружено, кроме небольшого фрагмента пластинчатой кости в заполнении могилы.

В погребении обнаружены развалы двух сосудов. Сосуд № 1 располагался на глубине 57 см. в юго-восточном углу погребения, в 25 см. от южной стенки и в 45 см. от восточной стенки. Сосуд лежал на боку, устьем направлен на восток. Сосуд сильно раздавлен, но почти полностью реконструируется. Сосуд горшечной формы с четким уступом и двумя сквозными отверстиями по шейке друг напротив друга»[9].

Данное погребение, которое по планиграфии и керамике вписывается в погребальный обряд алакульцев, можно считать кенотафом, т.к., несмотря на грабительский вскоп (который был очень невелик), при грабеже в захоронении остаётся какой-то мелкий погребальный инвентарь (бусины, кусочки костей и т.д.). В центральном же погребении кургана №61 подобных артефактов не обнаружено.

Подводя итог по исследованию погребальной обрядности на Алакульском могильнике, можно констатировать, что в большинстве захоронений некрополя была захоронена социальная верхушка алакульского общества. Кроме того, в могильнике широко представлены разные способы захоронения, характерные для андроновской культурно-исторической общности.

Примечания

1. Кузьмина Е.Е. Отчёт о работе Еленовского отряда в 1969 г. // Архив ИА АН СССР. – Р.1, №3394.
2. Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль. Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. 1 / Под ред. С.В. Киселёва. – М., 1952
3. Зданович Д.Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи бронзы. – Челябинск, 1997.
4. Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996
5. Горелик М.В. Вооружение Древнего Востока. – М., 1991
6. Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. Энеолитическое захоронение Гладунино-3 в системе доандроновского погребального обряда // Вопросы археологии Урала. Вып.24. – Екатеринбург, 2002. – С.165-191
7. Отчёт Курганского государственного университета о проведении на территории Курганской области в Щучанском и Звериноголовском районах археологических исследований Шиловым С. Н. по открытым листам №626 (форма 4) и №627 (форма 3), Курган, 2003.
8. Ражев Д.И., Епимахов А.В. Некрополи бронзового века: феномен многочисленности детских погребений // Экология древних и современных обществ. Доклады конференции. – Вып.2. – Тюмень, 2003.
9. Отчёт Курганского государственного университета о проведении на территории Курганской области в Щучанском и Звериноголовском районах археологических исследований Шиловым С. Н. по открытым листам №626 (форма 4) и №627 (форма 3), Курган, 2002.
10. Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. Нетрадиционные формы погребальной обрядности в Алакульском могильнике эпохи средней бронзы // Зырянские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Курган, 2003. – С.17-18
11. Усманова Э.Р. Андроновский погребальный обряд и проблема хронологии и периодизации (по материалам могильника Лисаковский) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тезисы докладов всесоюзной научной конференции. – Барнаул, 1991.
12. Усманова Э.Р. О менталитете «фёдоровцев» и «алакульцев» в погребальной обряде (по материалам могильника Лисаковский). // Россия – Восток: проблемы взаимодействия, Ч.5., кн.1. – Челябинск., 1990.

13. Грушин С.П. Причины появления кенотафов // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Тезисы докладов к XXXVI РАЭСК. Ч. 2. –Иркутск, 1997.
14. Грушин С.П. Типы кенотафов и причины их сооружения// Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. Тезисы докладов. – СПб., 1996.

С.А. Денисов

**ОПЫТ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ
КУЗНЕЧНОЙ ПРОДУКЦИИ
(НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)**

Исследователи отмечают, что для реконструкции древних производств металл, как и иные производственные источники древности, нуждается в тщательном технологическом исследовании. При изучении технологии обработки металлов значительный объем информации связан с приемами литья,ковки, штамповки, сварки, методами нагрева и его скоростью, режимами химико-термической обработки [1].

В настоящее время среди исследователей, занимающихся технологическим изучением металлических изделий из археологических памятников, утвердилось представление, что полная реконструкция технологических процессов металлообработки возможна только при комплексном изучении изделий. Комплексный подход подразумевает как визуально-морфологическое исследование поверхности изделия, так и изучение внутренней структуры металла методами естественных наук [2].

Принципы изучения поверхности вещей, изготовленных из цветных металлов, были в свое время изложены Б.А. Рыбаковым в работе, посвященной ремеслу Древней Руси [3]. Исследовательская практика последующих десятилетий показала, что методика изучения поверхности изделий из цветного металла достаточно продуктивна. Обобщая предшествующий опыт изучения поверхности медных и бронзовых изделий, А.Д. Дегтярева приводит серию наиболее значимых признаков поверхности, анализ которых позволяет наметить в общих чертах технологическую схему изготовления изделия и уточнить в ряде случаев функциональное назначение орудия. По ее мнению, при осмотре поверхности предметов особое внимание следует обращать на литейные особенности – остатки швов, заусенцев, наличие выщербин, литейных пор, усадочных раковин и т.д. [4]. Не менее информативны и следы, оставленные в результате механической обработки изделий. Так, в результате технологического анализа реконструируется три способа изготовления проволоки. характерных для кузнецов Древней Руси. Проволока, вытянутая на наковальне молотком без дополнительных приспособлений, имеет неровное сечение, различный диаметр на отдельных участках, следы ударного инструмента. Анализ проволоки, полученной методом волочения, показал, что она имеет равномерное сечение на всем протяжении, при этом видны продольные параллельные риски от калибровочных отверстий. Ковка проволоки на наковальне с желобком и аналогичным верхним штампом позволяет получить ровное округлое сечение проволоки без царапин и продольных рисков (следов от отверстий железной доски – «волочила») [5].

Изучение палеометалла методами естественных наук неоднократно обсуждалось в работах Б.А. Колчина, Б.Б. Гинцбург, Н. В. Рындиной, Н.М. Зинякова, и не нуждается в особом представлении [6]; [7]; [8]; [9].

Важным источником археологической информации в традиционной металлообработке признаются и экспериментальные исследования. В свое время на это указывали Б.А. Кол-

чин, О.Ю. Круг, Д.П. Недопако, Ю.А. Семькин [10]; [11]; [12]. Вместе с тем, в исследованиях традиционной кузнечной продукции примеры привлечения данных экспериментов до настоящего времени единичны.

Металлография, являясь апробированным и эффективным методом технологического анализа, требует специального лабораторного оборудования (металлографический микроскоп, микротвердомер и др.) и в настоящее время не всегда доступна археологам и работникам музеев при описании кузнечной продукции, что снижает информативные возможности публикуемых источников. В этой связи актуален опыт использования методики, основанной на анализе признаков, фиксируемых без специального оборудования. Несмотря на то, что такая методика не может претендовать на исчерпывающий технологический анализ, ее возможности достаточно высоки.

Сложности технологического анализа черных металлов методом исследования формы и поверхности предмета связаны в первую очередь со значительной коррозией артефактов. Известно, что сохранность черного металла во многом зависит от его состава, термической обработки, условий пребывания в земле. Наблюдения показывают, что часть металлических изделий археологических коллекций коррозирована настолько, что в их объеме практически нет металла, при этом форма изделия искажена до неузнаваемости. Очевидно, что при такой сохранности исследование формы и поверхности предмета к достоверным технологическим заключениям не приведет. Не вызывает сомнения, что помимо коррозии, часть технологической информации скрыта отложениями различного характера, зачастую значительно искажающими первоначальную форму предмета.

Вместе с тем, знакомство со стальными и железными изделиями из археологических памятников Западной Сибири позволяет утверждать, что на многих предметах кузнечного ремесла сохранились визуально воспринимаемые следы, пригодные для технологического анализа. В результате их достоверной интерпретации возможна реконструкция элементов технологической процедуры древней металлообработки. Практика исследования показала, что информативность железных артефактов значительно повышается после расчистки их поверхности от наслоений и удаления слоя окислов.

Примером того, как после расчистки изменилось представление исследователей о морфологии артефакта, а следовательно, и о технике его изготовления, свидетельствует история изучения сарматского меча из кургана ст. Елизаветовской в дельте Дона [13]. Первоначально навершие меча было определено исследователями как кольцевидное. Однако В.П. Шилов, специально изучавший этот меч и очистивший его от ржавчины, пришел к выводу, что у него было зооморфное навершие в виде клювов или когтей грифона. Первоначально исследователей ввело в заблуждение то, что волутообразные изогнутые концы навершия, разделенные промежутком в 2-3 мм, спаялись в результате сильной коррозии и образовали сплошной овал [14].

Очевидно, что для сохранения артефакта и повышения технологической «читаемости» его формы и следов на его поверхности при осуществлении расчистки необходим индивидуальный подход к каждому предмету в зависимости от степени его разрушения окислительными процессами. По характеру окислов и степени сохранности специалисты делят предметы на три группы. Наиболее результативным является исследование предметов первой группы, у которых почти не изменилась форма и поверхность покрыта ровным, довольно тонким слоем окислов. Для предметов такой сохранности наиболее эффективным является электрохимический способ его расчистки в процессе реставрации. Именно этот способ позволяет в значительной степени сохранить мелкие элементы на поверхности

изделий [15]. Следует признать, что удаление даже незначительного слоя окислов искажает первоначальную морфологию предмета, в связи с этим имеет смысл перед началом реставрационных работ достоверно зафиксировать рельеф окислов, так как он отражает рельеф первоначальной поверхности. В настоящее время существует специальная методика определения толщины коррозированного слоя на предметах из черных металлов [16]. В случае, когда у предмета сохранилась только металлическая «сердцевина», а окислы сильно исказили его форму и объем, очевидно, что технологический анализ, направленный на исследование формы и поверхности, нецелесообразен.

При комплексном подходе к технологическому исследованию образцы для металлографических шлифов необходимо брать до реставрационных работ, так как некоторые методики расчистки предполагают значительное термическое воздействие на предмет, в результате чего первоначальная структура металла изменяется.

Методика расчистки и реставрации железных предметов достаточно детально освещена в литературе и не требует специального обсуждения. Это необходимый этап в технологическом изучении изделий из черного металла [17].

Помимо освобождения предмета от наслоений и окислов, значительный массив технологической информации открывается при анализе специально подготовленных участков на поверхности изделия. Исследуемый участок шлифуется, полируется и подвергается травлению реактивами (растворами азотной кислоты). Одним из первых в отечественной археологии методику зачистки и травления поверхности с целью выявления специфики технологической процедуры применил Б.А. Колчин при исследовании кузнечной продукции Новгорода Великого [18].

Изготовленный на поверхности предмета макрошлиф позволяет «поймать» скрытый слоем окислов технологический признак и наглядно демонстрирует набор технологических операций, использованный при изготовлении предмета. Известно, что под воздействием кислотных реактивов поверхность полированной части изделия приобретает различные цвета, зависящие от процентного содержания углерода в металле, наличия закалки, присутствия цементации и других факторов (фото 1).

Опыт исследования более чем 300 металлических предметов из археологических памятников Западной Сибири XVII – XVIII вв. показывает, что на поверхности артефактов фиксируются признаки основных операций ручной свободнойковки (включающей различные приемы вытяжки, раскатки, осадки, рубки, пробивки, гибки и др.), а так же кузнечной сварки.

Вначале остановимся на признаках важнейшей формообразующей кузнечной операции – сварки. Именно признаки использования сварки наиболее часто фиксируются при исследовании традиционной кузнечной продукции [19]. Классическим примером применения сварки для создания рабочей конструкции с вязкой основой и твердым лезвием является топор. Составная конструкция топоров часто определялась исследователями по внешним признакам. Так, при анализе кузнечных изделий (могильник Кыштовка – II) В.И. Молодин на нескольких топорах зафиксировал характерный шов, рядом с которым было заметно некоторое утолщение металла. По мнению исследователя, эти признаки указывали на то, что к основе топора приварена стальная пластина, из которой и сформировано лезвие [20] (фото 2,3).

Анализ 35 топоров из археологических памятников Западной Сибири, датируемых XVII – XVIII вв., показал, что подобные признаки встречаются на 28 изделиях. Следы сварки были зафиксированы на топорах из археологических памятников Бергамак – II, XI

(раскопки С.С. Тихонова, г. Омск), Черталы – I (раскопки Б.В. Мельникова, г. Омск), могильника Окунево VII (раскопки В.И. Матющенко), Соровские Юрты, Селиярово, Долгое – I (археологические разведки и сборы М.Ю. Баранова, г. Нефтеюганск).

В ходе технологического исследования на торцевой поверхности 13 топоров были изготовлены макрошлифы. Их анализ подтвердил, что след, который можно описать как «шов», «бороздка», «канавка» в сочетании с перепадом морфологических частей топора (чаще лезвия и основы) по толщине («ступенькой») действительно маркирует процесс сварки. Таким образом, все 13 подвергнутых шлифованию топоров были изготовлены с использованием технологии соединения стального лезвия с железной основой. Вместе с тем, макрошлифы показали, что, несмотря на сходство внешнего признака, способы соединения (сварки) стального лезвия с железной основой могут быть различны. Так, на одном из топоров канавка и ступенька сформировались благодаря наварке тонкой стальной полосы на железную основу, а на другом – благодаря торцевой приварке к железной основе массивного лезвия (фото 4).

В настоящее время признано, что достоверным показателем использования в технологическом процессе кузнечной сварки является факт расслоения изделия (чаще всего клинков) на составные части. В свое время А.М. Хазанов отмечал, что сарматские мечи с кольцевым навершием встречаются в погребениях расслоившимися. Процесс расслоения исследователь объяснил неравномерным окислением металла в связи с его послойной неоднородностью. Известно, что такая неоднородность металла характерна для пакетной заготовки, сваренной из набора железных и стальных полос [21]. О том, что некачественная сварка зачастую приводит к расслоению предмета в процессе его бытования или при воздействии на него других факторов, было известно ремесленникам многих культур, практикующих технику кузнечной сварки или выделку сварной (дамасской) стали [22].

Признаки некачественной кузнечной сварки (самопроизвольное расслоение или отслоение приваренных элементов) встречаются и среди исследованного археологического материала Западной Сибири. Ярким примером расслоившегося изделия является кинжал, найденный А.Ф. Палашенковым у г. Березова (фонды ОГИКМ) (фото 5). Массивные хозяйственные ножи с памятника Изюк – I, (раскопки Л.В. Татауровой, г. Омск) были изготовлены по классической технологии трехполосного пакета, известной со времен Древней Руси и основанной на сочетании в изделии центральной стальной полосы и двух боковых железных полос. В настоящее время одна часть ножей с памятника Изюк – I расслоилась на составляющие их полосы, а на других ножах прослеживаются признаки частичного отслоения (фото 5, 6).

На кузнечных изделиях, изготовленных из металла со значительными неметаллическими включениями, в результате кислотной расчистки прослеживаются деформированные ковкой волокна, отражающие направление течения металла. На поверхности отреставрированного изделия волокна прослеживаются в виде характерных строчечных «выпуклостей» и «западин». Эти достоверно фиксируемые признаки возникли в результате неравномерного разрушения волокон окислительными процессами. Различия в скорости окисления обусловлены различной уплотненностью волокон. Плотность в свою очередь напрямую зависит от величины их деформирования. Менее плотные (то есть менее прокованные) волокна «съедены» окислами в большей степени, и в этих местах образовались «западины»; там, где волокна подверглись большему уплотнению, наблюдаются «выпуклости». Характерная картина деформированных волокон наблюдается на ножах из г. Мангазея (раскопки Г.П. Визгалова, г. Нефтеюганск) (фото 7).

Рядом информативных технологических признаков обладает сама *форма* кузнечного изделия. Очевидно, что форма кованого изделия есть результат воздействия основных и отделочных кузнечных операций на первоначальную массу металла. В этой связи морфология артефакта в первую очередь позволяет реконструировать последовательность элементов технологического маршрута. Анализ формы также позволяет сделать обоснованные предположения о технологической целесообразности применения в конкретном изделии той или иной формообразующей операции (ковка, штамповка, сварка), моделировать варианты отделочных операций (резка напильником, шлифовка бруском или на циркульном точиле, строгание, шабрение). Следует отметить, что анализ формы как источника реконструкции техники изготовления является непростой процедурой. Основная сложность заключается в необходимости достоверно установить взаимосвязь морфологического строения кованого изделия и набора технологических операций, применение которых приведет к заданному результату.

Методика, позволяющая уловить взаимосвязь формы изделия и техники его изготовления, базируется на результатах исследования традиционной ручной металлообработки, сохраняющейся до этнографической современности, а также на опыте экспериментальных работ. Суть методики заключается в том, что артефакт виртуально расчленяется на объемные тела относительно простой формы (куб, параллелепипед, трех- или четырехгранная пирамида, шар и др.). На первом этапе моделируется вероятный технологический процесс получения отдельных (простых) частей изделия. Сама простота формы в достаточной степени гарантирует достоверность реконструкции, согласно принципу – чем проще тело, тем меньше вариативность способов его изготовления. Тем не менее, моделирование техники изготовления даже простых форм подразумевает как общее знание принципов техники металлообработки, так и анализ следов на поверхности конкретного артефакта.

В качестве примера рассмотрим реконструкцию техники изготовления кольцевого навершия сарматского кинжала. Гипотетически моделируется как минимум пять способов оформления такого кольцевого навершия: 1) прошивка дисковидной заготовки и раскатка ее в кольцо; 2) изготовление (гибка) кольца из специально подготовленного прутка; 3) сгибание в кольцо стержня самого черенка рукоятки; 4) формирование кольца из двух половин разрубленного вдоль черенка; 5) формирование кольца из концов прямого брусковидного навершия. В последнем случае возможен обратный процесс – разрубание кольцевого навершия и выпрямление концов до образования антенновидного, серповидного или прямого навершия.

В свое время один из пяти вышеперечисленных способов изготовления кольцевого навершия был идентифицирован в результате технологического исследования железных предметов из Холмогорского клада (фонды СХМ). По мнению А.П. Зыкова, кольцевое навершие одного из кинжалов отковано из полукруглого прутка, а затем приварено к черенку рукоятки [23]. Процесс трансформации одного вида навершия в другое также в свое время был отмечен А.П. Зыковым на примере кинжала, найденного И. Словоцким на р. Северная Сосьва (фонды ТОКМ). По мнению исследователя, некогда серповидное навершие было деформировано в прямое, вероятно, в соответствии со вкусом нового владельца [24]. (фото 8). Еще один способ формирования навершия был зафиксирован при исследовании железного кинжала (вероятно скифского) из фондов ОГИКМ. Характер перехода рукоятки кинжала в овальное навершие убедительно свидетельствуют о том, что оно сформировано в результате разрубания черенка пополам с последующим изгибанием образовавшихся концов. Место перехода рукоятки в навершие не имеет признаков сварки, овал навершия не сомкнут,

объем металла при сложении разрубленных концов соотносим с объемом той части рукояти которая, вероятно, и подверглась разрубанию. Формирование кольцевого навершия непосредственно из черенка рукояти (операцией «гибка») является наиболее очевидным способом. Достоверный признак этого способа – разрыв одной из сторон кольца в месте сочленения с череном. Ярким примером использования этого технического приема служат некоторые палаши из Елыкаевской и Парабельской коллекции [25].

После реконструкции техники изготовления элементарных морфологических составляющих артефакта (в приведенном выше примере это кольцо кинжального навершия) моделируется схема вероятных способов соединения элементов конструкции (сварка, пайка, клепка). Клепка, как правило, диагностируется без особых затруднений, ее элементы прослеживаются даже при сильной коррозированности предмета. Пайка достоверно выявляется при расчистке места соединения. Цветной металл (серебро, медь, олово) по цвету и фактуре поверхности явно выделяются на фоне черного металла. Важнейшим признаком сварки, как уже отмечалось выше, является сварной шов в виде явно выраженной канавки и (или) ступеньки на поверхности изделия.

Отсутствие явных признаков формовки предмета из отдельных элементов позволяет выдвинуть на первый план версию о технологии его изготовления из одного куска металла. Предположение о том, что предмет является цельнокованным, ставит перед исследователем задачу поиска наиболее технологичных способов формовки его элементов. Представляется, что достоверная технологичность каждого конкретного способа может быть установлена только экспериментальным путем. При проведении экспериментов всегда подразумеваются технические возможности традиционного кузнечного ремесла.

В качестве примера рассмотрим сжатый технологический маршрут изготовления цельнокованого топора. Для изготовления такого топора необходима заготовка объемом чуть больше объема будущего изделия, при этом ее ширина и высота должны быть соотносимы с параметрами будущей проушины. Первой технологической операцией изготовления такого топора является прошивка отверстия при помощи специального треугольно-конического прошивня. Как известно, при выполнении операции «прошивка» инструмент (прошивень) проходит насквозь через всю высоту заготовки, формируя отверстие и удаляя часть металла. При технологически правильном выполнении этой операции (оптимальная температура нагрева, соответствующие размеры прошивня, сила ударов и др.) металл в месте прошивания незначительно раздается в стороны, в целом не искажая формы заготовки. После оформления проушины вытягивается основа топора, затем лезвие вытягивается до требуемых параметров. Благодаря отделочным операциям (правка, выглаживание, обточка, шлифовка) изделию придается окончательный вид.

Остановимся на следах, маркирующих отдельные технологические операции, прочтение которых менее очевидно, чем анализ формы. Значительная часть признаков, указывающих на применение разнообразных ковочных операций, преднамеренно удаляется в результате отделки изделия. К тому же, прочтение и без того не явно выраженных следов затрудняется изменением их характера процессами коррозии. К такой категории следов относятся *следы ударного (молота, молотка) и проникающего или внедряющегося инструмента (гладилки, подбойки, бородка, зубила)*. Как правило, эти следы отражают дефекты рабочих частей названных инструментов. Следы представляют собой риски, выщербины, западины, бугорки, ступеньки, волны. Как уже отмечалось, в результате отделочных операций (проглаживание, калибровка, опиловка, шлифовка) эти следы с поверхности предметов, как правило, удаляются, но иногда остаются на поверхности той части изделия, дополнительная

обработка которых трудоемка и нецелесообразна. Наиболее часто такие следы прослеживаются на внутренних поверхностях втулок наконечников копий, пешней, тесел, проушин топоров. При исследовании на поверхности предмета специализированных углублений, например, гвоздевых отверстий и канавок подков, фиксируются параметры ударной части инструмента, используемого при их изготовлении. Качество поверхности таких углублений свидетельствует о качестве используемого инструмента. Очевидно, что четкие и ровные края углублений способен сформировать твердый и хорошо обработанный инструмент. Исследование морфологических особенностей края отрубленной заготовки характеризует твердость зубила, угол заточки его рабочей части и степень притупленности лезвия, зернистость используемого точильного камня.

Швы, канавки, бороздки самой различной длины и формы могут возникать на поверхности изделия не только в результате кузнечной сварки элементов изделия, но и в результате выпадения окалины и частичного расслоения металла в местах так называемого «закова» (от слова «ковать») металла. При некоторых видах деформации (осадке, протяжке) на поверхности изделия формируются складки. Технологически неверное выравнивание (выглаживание) таких складок приводит к их закову, то есть плотному прижиму к основной части металла без эффекта приваривания. На необработанном изделии закованную складку визуально обнаружить сложно, так как она сливается с окалиной поверхности изделия. После шлифовки этот дефект проявляется на фоне матовой или зеркальной поверхности в виде линии по цвету соответствующей цвету окалины (фото 9).

Исследование обувных подков XVII – XVIII вв. (г. Мангазея, Изюк – I) убеждает в том, что техника получения гвоздевых отверстий достоверно реконструируется благодаря наличию такого стабильного признака, как *кольцевой валик*. Одним из физических законов кузнечнойковки является закон постоянства объема металла при его деформации. Если в результате технологической операции часть металла вытеснена из одной части изделия, следовательно, она перетекла (переместилась) в другую ее часть. На практике признаки функционирования данного закона надежно улавливаются при анализе поверхности металла вокруг отверстий. Вытесненный при образовании отверстия металл располагается по периметру в виде валика, если диаметр отверстия небольшой, при этом бороздок внедрялся в металл поочередно с двух сторон. При пробивке значительного отверстия, и без смены плоскости внедрения бороздка, вокруг отверстия образуются трещины и разрывы металла («рванины», по выражению кузнецов) (фото 11). Последующая правка полученного таким образом отверстия также приводит к образованию характерного валика, только с неровными и растрескавшимися краями.

Таким образом, результаты технологического исследования кузнечной продукции из археологических памятников Западной Сибири XVII – XVIII вв. показывают принципиальную возможность формирования банка эталонных признаков, благодаря которым исследователь может корректно осуществлять технологические заключения, включая достоверную реконструкцию элементов технологической процедуры.

Сокращения:

СХМ – Сургутский художественный музей

ТОКМ – Тюменский областной краеведческий музей

ОГИКМ – Омский государственный историко – краеведческий музей

ОмГУ – Омский государственный университет

Фотографии

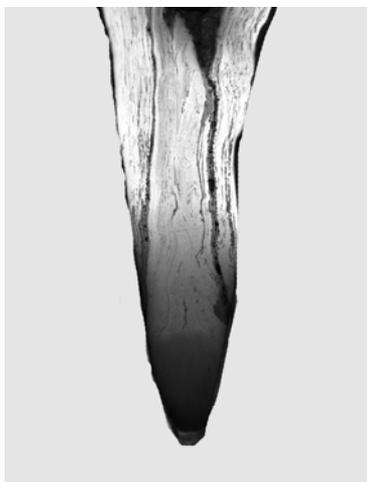

Фото 1.

Фото 2.

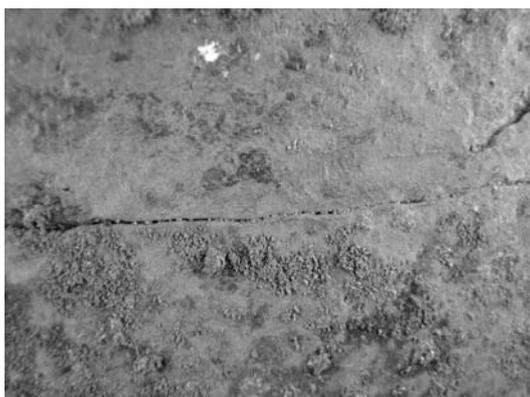

Фото 3.

Фото 4.

Фото 5.

Фото 6.

Фото 7.

Фото 8.

Фото 9.

Фото 10.

Фото 1. Макрошлиф лезвия топора. Массивный железный клин сварен в основу топора. Полосы темного цвета – шлаковые включения. Темное поле на кончике лезвия – закаленная сталь.

Фото 2. Топор с массивным лезвием приваренным к основе торцовым швом.

Фото 3. Внешние признаки сварочного шва на поверхности топора. Увеличение 2 –х.

Фото 4. Торцовая приварка лезвия. Сварочный шов визуально фиксируется как на макрошлифе так и на поверхности изделия.

Фото 5. Отслоение наружной железной полосы на кончике ножа.

Фото 6. Вид поверхности лезвия кинжала с отслоившейся полосой.

Фото 7. Нож из Мангазеи (фрагмент). Видны деформированные волокна в районе перехода лезвия ножа в черен.

Фото 8. Кинжал с прямым навершием образованным из навершия в виде овала.

Фото 9. Закованная складка. Фиксируется в виде полосы темного цвета. Темные пятна – вкрапления окалины.

Фото 10. Кольцевой валик вокруг прошитого отверстия.

Примечания

1. Недопако Д.П. Некоторые вопросы методики исследования металла из археологических раскопок // Использование методов естественных наук в археологии. - Киев: Наукова Думка, 1978. – С. 8.

2. Дегтярева А.Д. Методика поверхностного изучения цветного металла // Вестник археологии антропологии и этнографии. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2005. – № 6. – С. 117.

3. Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. – М., 1948. – С. 157.

4. Дегтярева А.Д. Методика поверхностного изучения цветного металла // Вестник археологии антропологии и этнографии. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2005. – № 6. – С. 117.

5. Дегтярева А.Д. Методика поверхностного изучения цветного металла // Вестник археологии антропологии и этнографии. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2005. № 6. – С. 123.

6. Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. – 1953. – № 32 – С. 7 – 15.

7. Гинцбург Б.Б. К вопросу о применении металлографического метода в исследовании археологических предметов // Новые методы в археологических исследованиях. – М. – Л.: Наука, 1963. – С. 91 – 99.

8. Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – С. 18 – 45.

9. Зиняков Н.М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 21 – 26.

10. Колчин Б.А., Круг О.Ю. Физическое моделирование сыродутного процесса производства железа // Археология и естественные науки. – М, 1965. – С. 196 – 216.

11. Недопако Д.П. Некоторые вопросы методики исследования металла из археологических раскопок // Использование методов естественных наук в археологии. - Киев: Наукова Думка, 1978. – С. 8 – 20.

12. Семькин Ю.А. Опыт физического моделирования кузнечного технологического процесса на примере изготовления пружинного замка // Экспериментальная археология: Известия лаборатории экспериментальной археологии Тобольского пединститута. - Тобольск: Изд – во ТГПИ, 1991. – Вып.1. – С. 23 – 28.

13. *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. – М.: Наука, 1971. – С. 7.
14. *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. – М.: Наука, 1971. – С. 7.
15. *Кирьянов А.В.* Реставрация археологических предметов. – М: Изд - во Академии наук СССР, 1960. – С. 46.
16. *Недопако Д.П.* Некоторые вопросы методики исследования металла из археологических раскопок // Использование методов естественных наук в археологии. - Киев: Наукова Думка, 1978. – С. 12.
17. *Кирьянов А.В.* Реставрация археологических предметов. – М: Изд - во Академии наук СССР, 1960. – С. 44. – 57.
18. *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. – 1959. – № 65. – С.32.
19. *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. – 1959. – № 65. – С. 29.
20. Молодин В.И. Кыштовский могильник. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 64.
21. *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. – М.: Наука, 1971. – С.5.
22. *Хорев В.Н.* Оружие из дамаска и булата. – Ростов н/ Д: Феникс, 2004. – С. 54.
23. *Зыков А.П. Федорова Н.В.* Холмогорский клад: Коллекция древностей III – IV веков из собрания Сургутского художественного музея. – Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. – С. 118.
24. *Зыков А.П.* Железные кинжалы Северо – Западной Сибири // Знания и навыки уральского населения в древности и в средневековье. – Екатеринбург, 1993. – С. 145.
25. *Соловьев А.И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 69.

В.Б.Хозиев, М.В.Самойлова

О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ АЛЕКСИТИМИИ У ХАНТЫ

Одним из краеугольных оснований психологической теории соматической болезни, следуя логике культурно-исторической концепции Л.С.Выготского, возможно провозгласить тотальную культурную детерминацию человека. Иными словами, не только формы мышления (через содержание и формы понятий), памяти, восприятия и эмоций, т.е., если можно так сказать, *нормальная психология*, но и ощущения боли, представления о болезни и своем организме, понимание патогенеза и др., – т.е. *психология болезни*, – обусловлены социальным опытом человека. Этот опыт представлен в культуре, с одной стороны, разнообразными мифологемами, ставшими и становящимися медицинскими и здравоохранительными понятиями и процедурами, этническими, социальными, профессиональными, конфессиональными стереотипами обыденной жизни, организацией и течением всевозможных видов лечения (амбулаторного, клинического) – словом, объективными нормами, принятыми в макро- и микросоциумах человеческого обихода.

С другой стороны, мощнейшим источником ментальности каждого человека является собственный опыт болезни, который формирует, как показывают различные по целям и задачам медицинские, психологические и социологические исследования [1-13 и др.], свое оригинальное представление о боли, течении заболевания, ресурсах и возможностях своего организма, некоторых основаниях патогенеза, механизмах действия лекарств, аспектах режима, питания, гигиены и т.д. Понятно, что психологически наиболее показательной феноменологией становящегося понятия «здоровье» является та область, где должны расходиться указанные основания объективного и субъективного. По нашему предположению, этот когнитивного рода конфликт должен обострять собственную позицию респондента, заставляя его определенно очерчивать круг значимых ориентиров в данной проблемной области [14]. С этой точки зрения выбор коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) в качестве респондентов должен был нам позволить проследить всю совокупность «обертонов» в данной понятийной сфере. Здесь даже могут быть установлены некоторые параллели (особенно в части методического построения обследования) с известным исследованием А.Р.Лурия [9], например, в части деления респондентов по степени их причастности городской или «лесной» культуре.

Дело в том, что масштабы «проникновения» из традиционной здравоохранительной культуры ханты в знакомую нам европейско центрированную имеют несколько степеней градации. Условно можно всех респондентов разделить на 3 группы: 1) минимально сталкивающиеся с «цивилизованной» медициной (живущие в лесу); 2) эпизодически сталкивающиеся с «цивилизованной» медициной и имеющие возможность сопоставлять эффект лечения (живущие в лесу, в поселках и городах); 3) постоянно сталкивающиеся с «цивилизованной» медициной (живущие в лесу, в поселках и городах). Для всех категорий принявших участие в опросе респондентов было характерно выделение «своего» этнического опыта противостояния заболеваниям и лечения, а также опыта «цивилизованной» медицины, которая, по оценкам различных экспертов-медиков, хотя и звезд с неба не хватает, но все же является достаточно добротной, чтобы эффективно оказывать помощь населению

ХМАО в местах проживания коренных жителей.

Если рассматривать алекситимию, которая, судя по всему, является индикатором человека не только в оценке своих проблем со здоровьем, но и проблем других людей и т.д., то, очевидно, ее предыстория может быть довольно оригинальной для каждого из опрашиваемых. Поэтому опрос был обращен на выяснение множественности путей, ведущих к пониманию здоровья с сугубо личной стороны. Кроме того, столь же ясно, что искомое понятие не является строго эпистемологическим и не формируется так же, как понятие «числа», «матери» или «справедливости». Безусловная личностная пристрастность категории «здоровье» указывает на то, что ее формирование происходит в процессе задействования всевозможных сегментов субъектного опыта: рационального, чувственного, эмоционального, волевого. Именно это обстоятельство не позволяет редуцировать и другие понятия («болезнь», «больной», «боль») и их производные («рана», «перелом» и др.) к сугубо рациональному содержанию, всегда подразумевая, что их становление проходит в собственном опыте боления, а также в опыте ухаживания за другим больным.

Сочетание этих форм опыта оказывается необходимым для адекватного понимания здоровья и всего спектра «стандартных» и «оригинальных» болезненных состояний. Более того, следуя канонам культурно-исторической концепции, речь здесь также может идти о системном строении «защитно-охранительного» знания, далеко не всегда проявляющего себя исключительно со стороны сознания. В структуре бинарной оппозиции жизни и смерти, по К.Леви-Стросу [15], понятия *здоровье, дефект, травма, этиологическая причина заболевания* и др. занимают опосредствующее положение, не давая возможности сводить мироощущение человека к пресловутой «телесности».

Характеризуя методику опроса, укажем, что список вопросов и ход обследования в большей степени соответствуют жанру полустандартизованного интервью. Установление контакта с респондентом является для данной процедуры и привычного этнического опыта наших подопечных наиболее важным обстоятельством. При этом невозможно свести установление контакта лишь к началу беседы, но следует говорить об определенном прессинге эмпативного общения, который только и позволяет, не отклоняясь существенно от задач опроса, обеспечить необходимый уровень искренности и точности в ответах респондентов.

В 2001-2005 гг. нами было обследовано 89 хантов [16] (частично – более 120, но в обработке результатов принимали участие лишь 89 протоколов; по возрастам: 18-30 лет – 24 человека; 31–48 лет – 43 человека; 49 – 62 года – 22 человека; мужчин – 31, женщин – 57; в выборке возможны метисы ханты и ненцев, но не более 5%) из 4 популяций сургутского района: тромьганской, казымской, ульт-ягунской, пимской.

Общий список вопросов полустандартизованного интервью может быть представлен своей инвариантной частью. Беседа с каждым респондентом начиналась с задания дать самооценку по категориям «здоровье» и «сильно-слабо больной» (*слабо или сильно болеющий*, имея в виду все человечество). Смысл открытия двух антонимических категорий как раз и заключался в том, чтобы получить подтверждение адекватного принятия вопросов респондентами.

Общее содержание вопросов подразделялось на 3 категории, которые в зависимости от хода беседы варьировали по месту в структуре беседы и иногда по форме предъявления (так, в некоторых случаях приходилось задавать вопросы иносказательно, через примеры «каких-то людей, которые считают так...»):

1. О понимании болезни (Что есть болезнь? Почему люди болеют? Что такое боль?).
2. По поводу лечения (Как лечат? Чем? Когда?).

3. О собственном здоровье (Чем болели, когда, почему? Где лечились?).

Обработка результатов опроса соотносилась с категориями: внутренняя картина болезни (ВКБ), психосоматическая симптоматика (ПС), боль (Б), плацебо-эффекты медицинских воздействий (ПЭ), алекситимические проявления (АЛ).

В числе наиболее ярких феноменов психосоматического свойства в последние 30-40 лет достаточно определенно указывается алекситимия. В самом деле, одной из основных в психосоматической дисциплине является проблема идентификации психологических переменных, предположительно участвующих в развитии патологических соматических процессов. В ранний период развития психосоматики в качестве таковых назывались личностный тип, специфический интрапсихический конфликт, истерическая конверсия, стресс и т. д. Однако результаты интенсивных теоретических и экспериментальных исследований, проводившихся с 30-х по начало 70-х гг., убедили психологов и клиницистов в том, что ни одно из указанных понятий в отдельности не может объяснить специфические механизмы того или иного заболевания [1, 2 и др.].

Создавшееся положение повлекло за собой, с одной стороны, признание равноправия участвующих в соматогенезе факторов различной природы (генетических, физиологических, психологических, гормональных и т. д.) и, с другой стороны, поиск новых понятий, полнее охватывающих психологические аспекты патогенеза соматических болезней. Большие надежды в этой связи возлагались на понятие «алекситимия», описывающее специфические особенности эмоционального реагирования и коммуницирования психосоматических пациентов [3]. Термин «алекситимия» означает «отсутствие слов для выражения чувств» (от «а» — недостаток, «lexis» — слово, «thimos» — эмоция). Он был введен американским психоаналитиком П. Сифнеосом в 1969 г. как обобщающее название для ряда характерных особенностей, наблюдаемых у психосоматических больных [цит. по 3]. Эти особенности автор термина излагал так: больным свойственно бесконечное описание физических ощущений, часто не связанных с найденным заболеванием; содержание мыслей характеризуется отсутствием фантазий; внутренние ощущения описываются преимущественно в терминах раздражительности, скуки, пустоты, усталости, возбуждения, напряжения и т. д.; аффекты неадекватны; ярко выражены трудности в вербализации чувств; преобладающий образ жизни — действие; присутствует тенденция, к импульсивности; межличностные связи обычно бедны: больные предпочитают одиночество, часто избегают людей; беседа с таким пациентом, как правило, сопровождается ощущением скуки и бессмысленности контакта.

Особенностью самоотношения алекситимиков являются крайняя нечувствительность, пренебрежение к своему внутреннему физическому и психологическому благополучию. Ряд авторов отмечает у этих больных ограниченную способность к регуляции своих внутренних состояний. Нечувствительность алекситимиков к своим состояниям сочетается с отчужденными и холодными отношениями с «внешними объектами»: например, эти пациенты практически не проявляют обычного для других интереса к терапевту или интервьюеру [3].

В.В. Николаева [11] в качестве ключевых моментов происхождения этого психосоматического состояния подчеркнула неустойчивость или узость мотивационной иерархии, несформированность потребности в саморегуляции, недостаточность в звене ценностного опосредования, неувоенные в процессе онтогенетического развития средства рефлексии. Среди «очевидных» характеристик алекситимии она выделила:

- бедность языка в самоописаниях и общении;
- малую представленность в настоящем событий прошлой жизни;

- невозможность адекватного прогноза собственной деятельности;
- недостаточную инициативу и активность в поиске средств;
- зависимость от близкого взрослого (матери) при совместном выполнении ряда заданий;
- неустойчивость и недифференцированность самооценки, в ряде случаев полная проекция оценок окружающих в структуре самооценки больного;
- неустойчивость и неадекватность целеполагания при исследовании уровня притязаний;
- неопределенность или полное отсутствие перспективы будущего.

Медицинская позиция во многом вторит психологической. В частности, В.М. Провоторов с соавторами, характеризуя особенности алекситимии при заболевании бронхиальной астмой, указывает, что согласно современным представлениям, алекситимия является психологической характеристикой индивида, определяемой следующими когнитивно-аффективными особенностями [17]:

- трудность в определении аффекта, идентификации и определения собственных чувств;
- затруднения в проведении различий между чувствами и телесными ощущениями;
- сниженная способность к символизации, о чем свидетельствует отсутствие склонности к мечтам и фантазиям;
- фокусирование в большей степени на внешних событиях, чем на внутренних переживаниях.

Касаясь вопроса о генезе этого феномена, отмечают особую роль ряда условий, в которых протекало формирование психики таких больных. К их числу относятся:

- специфический телесный опыт (болезнь в раннем детстве, операция с последующими ограничениями активности);
- фиксация внимания семьи на болезни ребенка, включение болезни в социальную ситуацию развития в качестве ее центрального звена;
- директивное навязывание больному определенного – «инвалидного» – стиля жизни;
- длительное переживание неуспеха в значимой деятельности (в особенности в периоды нормативных кризисов развития);
- ограниченность эмоционального опыта спектром негативных эмоций (страдание, жалость, неуспех);
- неспособность собственного активного вмешательства в обстоятельства жизни [3].

Если говорить об общем ходе исследования, то полученные данные показали, что идет уменьшение численности популяций, ослабление коренного народа по всем параметрам жизнедеятельности, внутрипопуляционное снижение антропометрических показателей и др. В целом это коррелирует с пилотажными обследованиями здоровья населения ХМАО [12], выводы которых также являются малоутешительными. На основе результатов обследования общую картину состояния этнической популяции обских ханты (в основном сургутского района) можно представить следующими характеристиками:

- низкие антропометрические показатели (особенно у мужчин и женщин пимской популяции ханты; примерно у 85% обследованных половозрелых индивидов наблюдались серьезные нарушения антропологических показателей: несоответствие пропорций тела, опасно сниженная масса и рост тела, пониженный уровень активации, высокая частота заболеваний и родовых травм, высокие показатели инвалидизации);

- крайне низкий уровень медицинской информированности: из числа используемых средств народной медицины из всех респондентов только 5 человек назвали более 3-х наименований (все – жители поселка Сытомино, т.е. представители относительно благополучной выборки); основная часть респондентов ограничилась названием медвежьего жира и брусничного чая;

- высокий уровень заболеваний туберкулезом и гепатитом (около 80%), высокая вероятность рецидивов; особенно слабым и больным выглядит мужское население;

- очевидный недокорм у новорожденных, младенцев и детей дошкольного возраста; частая потеря новорожденных и детей дошкольного возраста (в нашей выборке – 18% женщин активного детородного возраста 17-35 лет; у них на 25 рожденных детей было отмечено 8 потерянных, т.е. приблизительно 30%); характер потерь различен, но в основном из-за проблем в оказании срочной медицинской помощи; причем, это не все «стойбищные» дети – среди них почти 50% – «поселковые»;

- низкая медицинская и социальная просвещенность и защищенность (многие из обследованных – до 70% – рассказывают, что их деды жили долго, до 70-80 лет; но их родители живут уже не более 60 лет, а они сами собираются жить до 50 лет); в числе общеупотребительных лекарств они целиком полагаются на «таблетки, а какие, не знаю...» (типичный ответ более чем 80% респондентов).

Оценивая ход опроса, необходимо отметить, что в целом количество отказов и закрытых позиций респондентов не превышало традиционно присущей массовым опросам нормы – не более 10%. Мужчины отвечали чуть более активно, чем женщины, хотя опыт боления женщин (в основном связанный с родами, проводимыми в медицинских учреждениях) многократно превышал мужской опыт. Здесь возможно отметить действие этнических традиций, по которым жена ханты даже медику должна отвечать на вопросы только после согласия мужа. Однако в том случае, если опрос проводился тет-а-тет и без присутствия родственников, то раскованность респондентов оказывалась существенно большей, что выражалось в большей определенности озвучиваемых ими позиций по тем или иным медицинским вопросам, и, кроме того, в большей откровенности по поводу своих «болячек».

Некоторой достаточно традиционной этнической нормой вежливого отказа, во всяком случае, при беседах с представителями другой культуры, является отказ по типу «не знаю». Конечно, далеко не всегда это означает, что данный респондент действительно не знает ничего о том, о чем спрашивают. Возможно, респонденту требуется некоторая пауза на размышление, демонстрация серьезности намерений интервьюера, серьезности самой тематики опроса, социальной значимости самого опроса (наиболее весомым аргументом для приглашения кого-либо к опросу был аргумент: *а вот такой-то, например, сосед, родственник или знакомый, уже дал показания*).

В проведенном нами опросе ханты алекситимия проявилась в полном своем блеске. У нас нет возможности останавливаться на деталях и особенностях алекситимии, например, у больных туберкулезом, а среди наших подопечных таковых было не менее 40%. Тем не менее, отметим, что «приближение» наших подопечных к цивилизованным условиям оказания медицинской помощи существенно ориентировало их в про-здоровых разговорах, в обсуждении тематики функциональных состояний, причин и генезиса заболеваний. Собственно, в самом начале исследования параметры ВКБ и АЛ рассматривались нами как вполне самостоятельные.

Однако получаемые данные уже при первой обработке заставили нас обратить внимание, что возможность рассказа о своем заболевании (об особенностях протекания болезни, о

самочувствию, о своей собственной динамике восстановления и др., – т.е., тем, что мы свели под эгидой ВКБ) обратным образом коррелирует с алекситимическим образом нашего респондента [18]. Особенно выразительным по сравнению с первой и второй группами было нарастающее желание представителей 3-ей группы обсуждать свои «болячки», рассказывать о них, признаваться в самых неудобных и непрестижных заболеваниях, обсуждать телесные и лекарственные подробности и т.д. В этом мы видим важную динамику изменения наших респондентов отношения к своему здоровью, формирование каких-то пока не очень ясных с точки зрения функции и результата понятий, новых эмоциональных моментов принятия и непринятия медицинской культуры.

Отметим, что сам факт пребывания в больницах и поликлиниках для ханты выступает

важнейшей формой приобретения социального и медицинского опыта. Значимыми оказываются и те минимальные беседы с врачами и другими медицинскими работниками, которые происходят в условиях ежегодной диспансеризации, когда коренные жители добираются до поселковых центров, где их осматривают специально приглашенные специалисты. Другой формой приобретения такого опыта являются рейсы санитарной авиации, в задачу которой входит производство прививок или скорейшая доставка пострадавшего или больного к месту лечения. Кроме того, у ханты есть опосредованные формы приобретения данного вида опыта: через близких, которые побывали в медицинских учреждениях, своих детей, которых приходится лечить и учить в относительно цивилизованных условиях национальных интернатов, а также свое старшее поколение, вынужденное обращаться к официальной медицине за лекарствами и медицинской помощью.

Факт пребывания в больнице или поликлинике означает настоящее событие в жизни коренного населения. Нам пришлось быть свидетелем двух фронтальных медицинских обследований (диспансеризаций). И нужно было видеть, с каким энтузиазмом те, кто прибыл, проходили обследование. Впрочем, по оценке экспертов-медиков, более 40% коренных жителей (для разных районов по-разному) не проходят подобных обследований.

Обработанные результаты условно можно распределить по некоторым категориям, находящимся на пересечении медицины и психологии, например, о метеозависимости (*Голова болит. – Когда? – Да когда ветер восточный.*), плацебо-эффекте (*Сердце болело. – И как лечились? – А лекарство мне дали. – Какое? – Не знаю, белое. – Вы пили его? – Не, само прошло*) или социальной детерминации боли (*Когда один в зимовье, то болит; а когда*

с братом – то меньше болит (о спине).) Расплывчатость и аморфность ответов респондентов позволяет нам представить множественность форм фиксации опыта боления. Вообще, структура этого опыта может быть представлена, во-первых, через отношения с другими видами онтогенетического опыта: семейным (родовым), культурным, профессиональным, художественным, морально-нравственным, религиозным, охотничьим. Во-вторых, ответы тем менее алекситимичнее, чем выше место этого опыта в лично значимых событиях. В-третьих, значимой является также категориальная оформленность этого опыта (надо сказать, что тема боления вообще не является значимой темой для ханты – видимо, табуирование болезни дает о себе знать в их обыденной культуре).

Сформулируем предположение относительно распределения опыта боления в трех группах респондентов. Однако прежде предположим ему достаточно абстрактную и предварительную модель болезни. В согласии с ней, болезнь есть особое соматическое (или психосоматическое, функциональное) состояние, которое становится замечаемым (осознаваемым) самим больным только в случае соотнесения этого состояния (ощущения) с ощущением другого человека (или своим опытом нормального ощущения). При этом важнейшим опосредующим моментом становятся те медицинские (или околomedicalные, если речь идет о мифологемах) критерии оценки своего состояния, которые выступают в качестве внешне заданной, «объективной» нормы [19].

Мы неоднократно могли убедиться на примерах различных «фельдшерских рассказов» медиков ХМАО, что без этих внешних критериев процесс самодиагностики (самочувствия) и лечения коренных жителей представляется неуправляемым и практически бесполезным. Совершенно в духе Выготского выглядит реплика одного медицинского работника, который заметил, что мужчин ханты можно лечить, лишь несколько раз рассказав о схеме лечения его близкой женщине или другим заинтересованным родственникам. В противном случае лечения просто не может быть. Эти особенности отношения к себе вполне созвучны данным, обнаруженным в других этнологических исследованиях поведения ханты и других северных народов [12, 17].

Итак, гипотеза: предположим, что объективный уровень болезненности во всех трех группах респондентов примерно одинаков (в целом на это указывают медицинские данные обследования коренного населения). Тогда наиболее развернутым, вне зависимости от удаленности от «центров» цивилизации, опытом боления будет опыт тех представителей ханты, которые имеют наибольший опыт пребывания в клинических учреждениях. Соответственно, это подтвердит общее предположение нашей работы о том, что социальная детерминация болезни является основой актуальных понятий и переживаний болезненных состояний, к которым мы относим боль, психосоматические проявления, алекситимию, плацебо-эффект и др.

Конечно, можно было бы рассчитывать на то, что коренной народ, обитающий в этих местах по меньшей мере несколько сотен лет, эмпирически нашел продуктивные формы лечения, профилактики и противостояния болезням. Однако все рассуждения о народной медицине и ее традициях лечения исследованных нами респондентов ограничились указанием на два-три ингредиента, при этом ни дозировка, ни порядок использования, ни моменты режима ими вообще не обсуждались. Несколько раз в опросе упоминался шаман (людьми уже преклонного возраста), но его действия в большей степени связывались с психотерапевтическим воздействием («посидела я у него, а после родила»), нежели с рецептурой фармакологических средств. Среди средств «физиотерапевтического» воздействия неоднократно назывались баня, купание в проруби, заворачивание в медвежью шкуру, сон на

специальных поверхностях (в одном случае – на полу, в другом – на земле, назывался также мох, специальная стружка и помет мелких грызунов), магический фетишизм и др.

Таким образом, ожидания, что здравый смысл коренного народа, живущего в согласии с природой, откроет волшебные свойства гриба чаги, витаминные возможности ягод, антисептические и седативные возможности разнотравья и др., не оправдались. Даже интеллигентная ханты, участвующая в нашем опросе, искренне радеющая за свой народ, занимающаяся последовательной рефлексией всех форм его опыта и пытающаяся его описывать и воспитывать, не считает самолечение сильной его стороной.

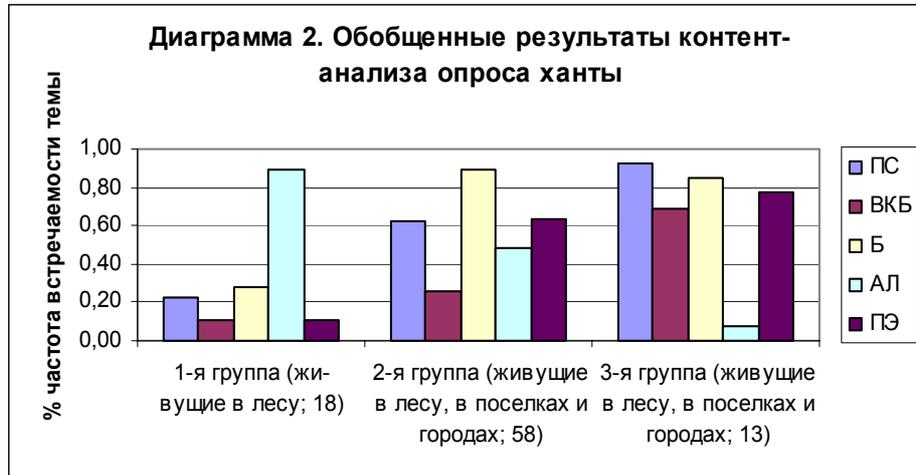
В ходе обработки результатов опроса нами была контент-аналитически определена частота встречи тех или иных положений, развиваемых респондентами при ответах на вопросы полустандартизованного интервью. Конечно, приведение того или иного ответа к определенной контент-аналитической категории в общем представляется нам довольно произвольным актом, тем не менее выделенные категории были представлены вполне определенно.

К примеру, наличие опыта «психосоматического» содержания (ПС) у респондента устанавливалось вопросом относительно событий, предшествующих заболеванию или сопутствующим ему («А были какие-нибудь проблемы до болезни?» – «Крыша потекла. Ремонтировать полез»). Или: «Выкидыш был» – «Что ему предшествовало?» – «Муж мотор лодочный утонул»). Классификация ВКБ, отличие одной ВКБ от другой устанавливалось через процедуры сравнения («Когда гриппом и простудой болеете, различаете эти состояния?» – «Да. При гриппе есть не хочу и кашель. А при простуде горло поболит-поболит, насморк там, и все»). Алекситимию, таким образом, мы рассматривали как обратную форму по отношению к развернутой фиксации респондентом своей ВКБ. В ряде случаев не было возможности установить это определенно, поэтому количество ответов по категориям не совпадает с числом респондентов. Категории боли (Б) и плацебо-эффекта (ПЭ) устанавливались прямыми вопросами на дифференцирование болевых ощущений и прослеживание действия лекарств (для проверки также задавался вопрос, способствует ли диспансеризация росту здоровья).

Конечно, существуют известные методические трудности в приведении высказываний, реплик, оценок коренного населения, в сущности, немногословного, к определенным критериям и показателям. Техника «вытягивания» оценок и суждений в нашем случае не очень эффективна, поскольку ответ «не знаю», встречающийся почти у каждого респондента по самым разным вопросам, означал одновременно что-то вроде «меняй тему», «мне надоело отвечать» и т.д. Недостаточно ясны результаты опроса по линиям онтогенетического опыта (в возрастном аспекте), хотя там могут быть отмечены любопытные закономерности. В частности, существует определенная «пропасть» в медицинской компетентности в возрастном диапазоне наших респондентов от 27-30 лет до 45-48. На удивление, эта возрастная категория менее компетентна, нежели старшее поколение и младшее. Впрочем, данных недостаточно, чтобы утверждать это наверняка, но тенденция настораживает.

Примечательны также гендерные различия в компетентности. Женщины настолько заинтересованнее и компетентнее относятся ко всем вопросам здоровья, что дистанция между ними и мужчинами выглядит просто огромной. Мужчины вообще могут не знать, чем болеют их дети и даже они сами. У нас в опросе встречались ответы типа: «Сейчас жену позову, она скажет, чем я болел». Тем не менее, нам не удалось свести все ответы мужчин и женщин к единым знаменателям и установить определенные закономерности.

Результаты опроса в обобщенной форме представлены на диаграмме 2.

Процентный характер обработки частотности встречаемости в ответах респондентов тех или иных реплик, суждений или оценок, возможно, не является наилучшим для данного материала, однако и он в состоянии представить в целом динамику значимых для нас показателей. Так, мы можем констатировать, что удаленность от регулярной медицинской помощи приводит к существенному снижению «болезненной» компетентности.

Явно различимы при переходе «из леса в город» тенденции нарастания психосоматического компонента (ПС) (соответственно, 22, 62 и 92% по группам), большей дифференцировки ВКБ (ВКБ) (11, 26 и 69%), существенного увеличения категорий для характеристики боли (28, 90, 85%), снижения у респондентов алекситимических оценок (с 89 до 8%) и нарастания плацебо-эффекта (11, 37 и 77%).

При четкой выраженности тенденции, характеризующейся тем, что при переходе к более тесному взаимодействию с медициной принципиально изменяются «здравоохранительные» понятия (установки, менталитет, представления) ханты, существуют и весьма любопытные противоречия. Например, в первой группе оказался весьма продвинутый в части медицинских понятий «лесной» житель. Его опыт боления оказался необыкновенно широк по географии: ему довелось полежать в сургутской, ишимской и ленинградской клиниках, и сформированный у него опыт стал довольно квалифицированным помощником сейчас, когда он, являясь инвалидом, практически в одиночестве живет в лесу.

Подобные противоречия наблюдались и в других группах. При этом мы обратили внимание на то, что наиболее существенным обстоятельством, способствующим выработке адекватного отношения к болезни и другим медицинским понятиям, является ухаживание за другим человеком. Так, несколько житейских эпизодов сопровождения нашими респондентами по жизни больных детей, а также мужей, жен и старшего поколения родственников показали, что, когда анализ состояния другого человека становится принципиальным жизненным ориентиром для человека, то освоение всевозможных медицинских положений проходит наиболее динамично и успешно. В частности, некоторая часть сотрудников амбулаторий национальных поселков, где мы проводили обследование, оказалась сформирована из людей, по своему образованию не всегда подходящих для этой работы. Но когда-то у них болели (и даже умирали на руках) в этих учреждениях родственники, и для ухаживания за ними они принимали на себя новые профессиональные обязанности, становясь санитарками

и пр.

Подводя итог проведенному опросу, можно утверждать, что наше предположение о проращении клинического опыта в индивидуальное ощущение болезни и здоровья имеет под собой основание. Динамика категоризации существенных понятий и менталитета коренных жителей имеет место на фоне в среднем одинаковой их заболеваемости в различных местах проживания [12]. Соответственно, опыт боления сам по себе не является достаточным основанием для радикального изменения понимания данной сферы человеческой жизни. Именно фактор причастности к цивилизованной медицине является решающим при характеристике изменений значимых ориентиров для наших респондентов.

Обращаясь к примеру алекситимии, мы вслед за многими исследователями и, в частности, за В.В.Николаевой, хотели только проиллюстрировать мысль о том, что раскрытие психологической природы и механизмов данного явления возможно лишь при тщательном содержательно-психологическом анализе всего пути формирования психики больных людей [3, 11]. Деятельность саморегуляции рождается в ходе присвоения критериев боления и выздоровления. Дефективность или недостаточность последних, могут затормозить или блокировать формирование механизмов эффективной личностно-мотивационной саморегуляции. Таким образом, явление алекситимии есть результат прижизненного формирования психики в особых, дефицитарных в том или ином отношении условиях. При этом одним из психологических механизмов алекситимии является недостаточность, несформированность особого функционального органа – деятельности саморегуляции, обеспечивающей активное творческое отношение к собственной жизни [3].

Сегодня алекситимия трактуется либо как проявление защитного механизма, либо как социокультурный феномен, либо как задержка или регрессия аффективного и когнитивного развития, либо как артефакт ситуации исследования, либо как нейрофизиологический дефект и т. д. Вместе с тем, как справедливо пишет Былкина [3], понятие алекситимии не отвечает на один из важнейших вопросов психосоматики — вопрос о «выборе органа», т. е. не объясняет причин и механизмов конкретных психосоматических болезней, указывая в общем виде на возможность патологического влияния немедицированных эмоций на телесное функционирование. Как отмечают многие исследователи [2, 10, 13 и др.], доверительный контакт, психотерапия, расширение круга общения, толерантность, развитие и поощрение эмоциональности и др. – все это активно способствует снятию этого явно переходного состояния между органическими и социальными ощущениями жизни. Все это, как нам представляется, может войти в арсенал массовой медицины и клинической психологии, чтобы болезнь для человека не проходила напрасно, но учила и воспитывала его, вырабатывала у него новые критерии и формы отношения к жизни и смерти.

В проведенном исследовании для нас принципиально было показать возможность общего подхода к интеграции различных феноменов в целостную объяснительную конструкцию, модель несоматического, психологического патогенеза. Мы отдаем себе отчет, что для разработки психологической теории болезни еще предстоит найти множество промежуточных феноменов, соединить синхронические и диахронические обобщения. Прологомены к психологической теории болезни, их общая часть заключена в том, что опыт боления, говоря метафорически, приходит с болью. В этом его особенность. Но приходит он не сам по себе в чистом и рафинированном виде абстрактной боли, но в комплексе системы социальных и психологических отношений, в который погружен субъект болезни. Ход лечения, течение болезни, плацебо-эффект и многое другое оказывается зависимым от того, как ориентируется наш больной в иерархии открываемых для него понятий. Значение

«клинической» в прямом смысле этого слова психологии для медицины в том, что она, по сути, открывает новый план человеческой жизни. Без боли, без страданий оказывается, что и радость от жизни будет неполной (или непонятой). Все представленные нами направления размышления так или иначе вращаются вокруг модели развития человека. Болезнь может быть особым типом развития для человека, но необходимо констатировать, что это возможно лишь при продуктивном понимании этой формы бытия, поскольку позволяет не только созерцать или определять, но и реабилитировать, компенсировать, усложнять человека, в конечном счете.

В продолжение метафоры М.Фуко [20], говорящего о рождении клиники в контексте социальных изменений, рождение психологической теории болезни, связывающей многочисленную и достаточно разнородную феноменологию в целостность и последовательность социальных, психологических и медицинских шагов, представляется сегодня важнейшим моментом цивилизационных инноваций. Примерно 60 – 80% всех заболеваний обусловлены психикой, считает Н. Пезешкиан, а головные боли, желудочно-кишечные расстройства, нарушения сна, ревматические болезни, астма, сердечная недостаточность, сексуальные расстройства, фобии, депрессии, навязчивые состояния и т.д. все чаще рассматриваются сегодня с точки зрения переживания, переработки переживания и психических и психосоциальных конфликтов [13]. Сегодня мы можем к этому «факторному» набору оснований добавить более существенное обобщение: культура, ее инварианты и вариации – вот что является одновременно источником и лекарством для соматического нездоровья.

Примечания

1. Александр Ф., Селесник Ш. Человек и его душа: познание и врачевание от древности и до наших дней. – Изд-во Агентства «Яхтмен», 1995.
2. Бройтигам В., Кристиан П., Рад М. Психосоматическая медицина. – М.: ГЭОТАР МЕДИЦИНА, 1999. – 376с.
3. Былкина Н. Д. Алекситимия (аналитический обзор зарубежных исследований) // Вестник Моск. Ун-та. – 1995. – №1. – С.43-53.
4. Василенко А.М. Алгология [Электрон. ресурс] / А.М. Василенко. – Режим доступа: – <http://www.medcare.ru/articles/algology.htm> – Загл. с экрана.
5. Глязер Г. О мышлении в медицине. – М., 1969.
6. Конечный Р., Боухал М. Психология в медицине. – Прага, 1983.
7. Лапин И.П. Плацебо и терапия. Серия «Мир медицины». – СПб.: Изд-во «Лань», 2002. – 224с.
8. Лапин И.П. Личность и лекарство. – СПб.: Деан, 2001, – 416с.
9. Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов: Экспериментально-психологическое исследование. – М.: Наука, 1974. – 171с.
10. Любан-Плоцца Б., Пёльдингер В., Крёгер Ф., Ледерах-Хофман К. Психосоматические расстройства в общей медицинской практике. – СПб.: Науч.-исслед. психоневрологический ин-т им. В.М.Бехтерева. – 2000. – 288с.
11. Николаева В.В. Влияние хронической болезни на психику. – М.: Изд-во Моск. Ун-та. 1987. – 167с.
12. Окружающая среда и здоровье населения Ханты-Мансийского автономного округа: Монография / В.П.Зуевский, А.В.Карпин, В.Н.Катюхин и др. – Сургут: Изд-во СурГУ, 2001. – 71с.

13. Пезешкиан Н. Психосоматика и позитивная психотерапия. – М., 1996.
14. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Этно- и нейропсихологическое исследование типологии обских финно-угров», проект № 05-06-06030а.
15. Леви-Строс К. Структурная антропология. – М.: «Наука», 1985. – 536с.
16. Выборка не являлась статистически достоверной, но поскольку она была сформирована случайным образом (т.е. может считаться рандомизированной), намеченные тенденции из диапазона достоверности $p < 0,001$, как правило, оказываются устойчивыми.
17. Провоторов В.М., Кравченко А.Я., Будневский А.В., Грекова Т.И. Традиционные факторы риска ИБС в контексте проблемы алекситимии // Российск. медицинский журнал. –1998. – № 6. – С. 45-47.
18. Было бы интересно соотнести наши результаты с традиционно используемой для исследований такого рода Торонтской алекситимической шкалой (TAS), однако список ее вопросов, привычных жителю города, моментально наводил скуку и тоску на наших испытуемых, и они отказывались отвечать, либо отвечали предельно формально.
19. Например, интервьюер был совершенно потрясен двумя разоткровенничавшимися мужчинами ханты (38 и 24 лет), которые совершенно серьезно утверждали, что медвежий жир им помогает от всех болезней: «от спины», «от головы», «от лихорадки», «ногу заживляет», «понос снимает» и т.д. Фармакологические исследования этого вещества утверждают нечто обратное: жир не может быть усвоен организмом даже на 5% и скорее всего выступает в своей лечебной функции исключительно в качестве плацебо.
20. Фуко М. Рождение клиники. – М.: Смысл, 1998. – 310с.

Н.П. Плеханова, Г.В.Кравчук

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА НАРОДА ХАНТЫ

Актуальной проблемой современного науки и общества является сохранение самобытности и уникальности культур в процессе аккультурации. В нашем регионе особо остро стоит проблема сохранения традиционной культуры народа ханты. Научные прогнозы столь пессимистичны, что следует уже говорить не только о невозможности сохранения традиционной культуры ханты, но и сохранении самого народа как отдельной человеческой популяции. В соответствии со стадиями развития этноса, описанными в теории Л. Н. Гумилева, в настоящий момент народ ханты находится на стадии гомеостаза, ведущей к постепенному исчезновению народа. Ранняя смертность, низкий уровень образования, сложности социализации, отсутствие традиционных мест проживания, невозможность сохранения традиционного уклада жизни позволяет говорить об этнической катастрофе.

С содержанием этнических музеев и выставок, которые создаются с целью сохранения самобытной культуры народа ханты, оказывается необходимым знакомить не только представителей других этносов, но и самих ханты. Несмотря на реализацию множества социальных программ на практике, представители народа ханты остаются незащищенными. Процесс аккультурации происходит с большими трудностями. Одной из причин данной проблемы является нарушение механизма передачи культурных знаний и традиций от поколения к поколению. Процветание этноса напрямую зависит от того, сколь хорошо функционируют его психологические защитные механизмы, сколь они развиты, адекватны, гибки. В критической ситуации этнос с хорошо налаженным механизмом психологической защиты может бессознательно воспроизвести целый комплекс реакций, эмоций, поступков, которые в прошлом, в похожей ситуации, дали возможность пережить ее с наименьшими потерями.

Основополагающим компонентом культуры этноса и одной из основных защитных функций сохранения культуры является этническая картина мира. «Этническая картина мира – это некоторое связанное представление о бытии, присущее членам данного этноса. Это представление выражается через мифологию, философию, литературу, идеологию и т.п. Оно обнаруживает себя через поступки людей, а так же через их объяснения своих поступков и служит базой для объяснения людьми своих действий и своих намерений». [2, с. 134] Эта картина мира осознается членами этноса лишь фрагментарно и частично, по большей части она бессознательна. Сохранение этнической культуры, находящейся на грани исчезновения возможно за счет осознания традиционной этнической картины мира и передачи ее другим поколениям при сохранении ее самобытности и уникальности.

С.В. Лурье считает, что этническая картина мира представляет собой наложение этнических констант и ценностных ориентаций. Этнические константы являются конкретные, принятые в тот или иной исторический момент членами этноса традиции, характерные для данного этноса, которые являются проявлением адаптационно-защитного плана культуры и неизменны на протяжении всей жизни этноса. Ценностная ориентация – это некий материал, на основании которого кристаллизуется та или иная этническая культура.

Г.Д. Гачев отмечает, «что все народы под одним солнцем и луной и почти одинаковым небом ходят, вовлечены в единый мировой исторический процесс, они ходят по разной земле и разный быт имеют, из различной почвы вырастают, жизненными темпоритами различены. А отсюда ценности, общие для всех народов (жизнь, свет, дом, семья, слово, бог и т.п.), располагаются в разном соотношении. Эта особая структура общих для всех элементов (хотя и они в каждом национальном мире понимаются по-разному, имеют свой акцент) и составляет национальный образ, а в упрощенном выражении – модель мира». [1, с. 17]

В качестве оснований для выделения структуры этнической картины мира нами были использованы критерии, предложенные Г.Д. Гачевым для описания картины мира. Так, этническая картина мира этноса представляет собой совокупность представлений представителей народа, включающих:

- строение вселенной;
- отношение ко времени;
- религиозные представления;
- отношения с природой;
- отношение к животным;
- образ героя;
- образ врага; а) внешний, в) внутренний;
- отношение к себе и к этносу в целом;
- отношение к семье и к детям;
- особенности быта;
- особенности одежды и жилища.

С.В. Лурье отмечает факт, что этническая картина мира сильно меняется с течением времени, причем люди не всегда способны осознать эти культурные разрывы, которые могут быть очевидны для исследователя. Этнические константы неизменны на протяжении всей жизни этноса, а ценностная ориентация может меняться, она является результатом свободного выбора людей. Ценностные предпочтения во многом определяются исторической судьбой и культурной традицией. Так и каждый отдельный человек теоретически может принять любые ценности, хотя на практике выбор их в значительной мере определяется характером его воспитания и образования, а также жизненным опытом. В том, что касается целого народа, культурная традиция может быть сопоставлена с воспитанием и образованием, а история – с жизненным опытом человека.

Целью эмпирического исследования стало описание традиционной этнической картины мира народа ханты и ее сравнение с современными представлениями представителей данного этноса, проживающих в условиях современной культуры. Для изучения традиционной этнической картины мира народа ханты мы использовали методику контент-аналитического исследования. Главной линией анализа стало выяснение связи текста (в данном случае это фольклор и народное творчество народа ханты) с некоторой «внетекстовой реальностью» (особенности образа мира у народа ханты). Используя структурные элементы этнической картины мира как основные категории анализа, нами был проанализирован следующий массив литературы: сказки, легенды, повести, стихи, песни, мифология народа ханты и современные статьи, описывающие культуру и традиции этого народа. Общей объем анализируемой литературы – 94 источника.

Результаты эмпирического исследования позволяют нам следующим образом пред-

ставить традиционную этническую картину мира народа ханты.

Первое письменное сообщение о народе ханты, обитающем в Северо-западной части Сибири по левым притокам Оби (ныне это территория ХМАО Тюменской области) было записано еще в «Повести временных лет». В летописи описаны «неизвестные» народы, с которыми столкнулись русские первопроходцы: *югры остяки* (манси), *вогулы* (ханты). Установили, что *ханты* (вогулы) относятся к семье финно-угорских народов. Ханты называли *обскими уграми*, а их язык обско-угорским.

Начнем наше описание традиционной картины мира ханты с представлений о происхождении мира. В хантыйских мифах о мироздании встречаются элементы, общие для многих народов Сибири. В них нет четкого разделения прошлого, настоящего, будущего. Время мифа циклично, поэтому герои могут состариться и снова стать молодым, что часто встречается в сказках и легендах ханты. Например, в легенде «Человек-Луна» мужчина, который долго искал счастья и хорошей жизни с разными женщинами, в итоге был ими разорван на две половины. И вот из одной его половины, которую взяла себе жена, появился ребенок, но был он сильным и ловким всего три дня, а потом становился стариком, и так повторялось постоянно. Эта легенда повествует о том, как на земле появилась луна и месяц, а также почему месяц постоянно меняется.

У народа ханты нет понятия времени как такового. В народном эпосе время часто сравнивается с рекой или с солнцем. Например, в одной из сказок говорится: «время катилось, как солнце». Они никогда не вели счет годам. Рождение человека, или любое другое событие обычно фиксировали так: «год больших морозов», «хороший урожай кедрового ореха», «большие комары» и пр.

Малый объем (1,2 % упоминаний от всего массива материала) категории «происхождение мира» свидетельствует о том, что представления о возникновении жизни на земле не являются центральными в миропонимании ханты. В мифах ханты о возникновении земли, преобладающей (42,8% от всей категории «происхождение мира») является позиция о творении как способе сотворения мира. Эти источники свидетельствуют о том, что все живое было создано Богом верхнего мира - *Торумом*, а первые люди – это его дети, которых он сослал на землю, за то, что они стали оспаривать его мнение.

В меньшей степени (28,5 % от всей категории «происхождение мира») представлено мнение об «эволюционном» сотворении мира. Процесс возникновения земли представляет собой поэтапное возникновение изначально воды как основы жизни. Но при этом все же был один торфяной кусочек земли, на котором жили муж и жена. У них были две птицы – кулик и гагара, которые по приказу людей ныряли в воду, доставали кусочки земли и прикрепляли их к островку. Так постепенно земля разрасталась и приобретала форму шара.

Представление о вселенной народа ханты имеет вертикальную организацию. Среди упоминаний в народном творчестве народа эта категория составляет 90 % от всей категории «строение вселенной» и является преобладающей тенденцией. Вся вселенная Ханта делится на семь слоев:

Нижний мир - Елы-Торум, где обитают недружелюбные существа и духи, причиняющие болезни и неприятности людям.

Яплын ма - священная земля, на которой держится жизнь.

Ма унпул - земное царство – все, что обитает на земле, что существует на виду и невидимо для глаз простых людей в образах духов и существ, прячущихся о людского глаза.

Торум, Махар торум – воздушное пространство над землей.

Нуми торум - небесный купол – то, что голубеет над нами; тот слой, на котором держится жизнь духов или людей верхнего мира, в том числе бога и его детей; оттуда хорошо просматривается земля, однако она кажется, оттуда совсем гладкой и пестро-красивой.

Над Нуми торумом - Корс-Карс (буквальный перевод – высокий), – там обитают всемогущие силы, они выше Торума.

Опыль – самый верхний слой жизненного пространства на белом свете.

В *Корысе* и *Опыле* обитают всевидящие и могучие существа. Они не заняты земной жизнью повседневно, но при большой беде можно обратиться к ним с мольбой о помощи. Их символы не изображаются, они невидимы, неизобразимы; молебных мест, посвященных им, не существует.

Наиболее часто встречаются в фольклоре ханты (особенно в сказках, преданиях и легендах) описания трех основных миров: *нижнего мира* (подземного царства), *среднего мира* - где обитает все живое, в том числе и многочисленные духи, *верхнего* - где живет Торум.

Модель так называемого вертикального членения вселенной у коренных народов Сибири не является единственной и изначальной. Некоторые исследователи полагают, что воззрения об этажном характере мироздания – это результат влияния южных культур. Существует также предание о горизонтальном членении вселенной: верх связывался с верховьями рек, и, как правило, с югом, а низ – с севером. Страна мертвых, согласно таким воззрениям, находилась где-то в устье Оби. Горизонтальная ориентация строения вселенной представлена в обработанном массиве материала в малой степени и составляет всего 10% от всей категории «строение вселенной».

Религия для ханты имела первостепенную важность. В религиозных представлениях ханты раскрываются основные особенности мировоззрения народа. Особенностью религиозных представлений ханты, является вера в духов. К.Ф. Карьялайнен, описывая религию северных народов, отмечал, что у остяков (ханты) мир духов очень богат, настолько богат, что, наверное, никогда никому не удастся выявить число и имена всех этих духов. По итогам проведенного исследования, данная категория является одной из наиболее распространенных, и частота ее встречаемости составляет 7,5% от общего числа категорий (общее число категорий - 19). Ханты считают, что духи живут как среди людей, то есть в среднем земном мире, так и в других мирах. Например, Болотный Дух Комполэн живет в подземном царстве. Духами – хозяевами мест, обычно населялись примечательные участки окружающей природы: берега больших озер, пещеры и имели видимый образ – красивое дерево, диковинный камень, поставленный человеком столб, либо вырезанная из дерева фигура. К ним обращались за помощью по конкретному поводу, либо принесли жертву «на всякий случай», и поодиночке и коллективно.

Наряду с этим у ханты существовала вера в семейных, родовых духов. Считалось, что у каждой семьи есть свой дух, который ее оберегает. Домашние духи различались по своим силам и способностям. Нередко добычливость какого-нибудь человека объяснялась способностями его домашнего духа, который приобретал славу, и к нему начинали обращаться из других семей. Хозяин угощал своего духа, просил у него благополучия семье, удачи в промысле. Семейный дух приобретал статус общественного.

Но духи в представлениях ханты являлись не только добрыми, но и злыми, с которыми приходилось постоянно бороться. Это хорошо прослеживается в народных сказках ханты (5,4 % от категории «особенности религиозных представлений»). В них часто встре-

чаются образы Болотного Духа и Великанов – Менгки и пр., которые всячески старались навредить людям. Причем некоторые духи обладают огромной магической силой и способны превращаться то в предметы природы, то в животных или птиц. Например, в «Сказке о мальчике – Хозяине Лесной Земле» Болотный Дух превратился в птичку и увел мальчика глубоко в лес. Поэтому духов старались не сердить, боялись их и пытались всячески ублажить. Образы злого духа, например, Болотный Духа Комполэна и Великана Менгки, у ханты являются основными врагами. И основная борьба происходит между злыми духами и людьми. Оказать внимание духу можно тремя путями: посетить его самому, передать подарок через кого-либо, и обратиться к нему с просьбой, находясь далеко.

Еще одной отличительной чертой религиозных представлений ханты является *шаманизм*. Шаман, являясь посредником между людьми и божествами, избранник духов и божеств, обладает способностью вступать в связь с высшими существами без жертвы (вещей). Однако рядовые общинники имеют только один способ общения – посредством подарка (вещи).

У ханты был целый *пласт верований*, не связанный с представлениями о духах. Считается, что когда-то давно помощниками предков ханты в их нелегкой лесной жизни были сами животные или фигурки этих животных. Отличительной особенностью религиозных представлений ханты является тотемизм, предполагающий веру в родство той или иной группы кровных родственников (рода) с каким либо животным. Следствием этих представлений стали запреты убивать, есть некоторых животных, различные варианты их почитания и культа. Например, медведя в прошлом почитали повсеместно, приписывая ему способность охранять членов семьи от болезней, разрешать возникшие между людьми споры. Медведь выступал в роли судьи и поборника справедливости. Одна из сказок так излагает историю появления медведя на земле. У Луны был сын, и звали его Кота. Он был очень ленив, и Луна хотела отдать его на обучение брату Солнцу. Не захотел Кота и сбежал на землю и стал жить среди людей. Прожил очень долго, они его почитали и уважали, называли старшим братом, он следил за соблюдением традиций и обычаев в деревне. Но постепенно становился все придиричвее и вреднее, и люди не смогли больше его терпеть отправили его в лес, а он покрылся бурой шкурой. С тех пор идет предание о том, что медведь – это старший брат охотника, делить им нечего, так как дороги у них разные. Отношения между людьми, добывшими медведя, и самим медведем, раскрываются на так называемом «медвежьем празднике».

Не менее почитался и лось, который являлся символом достатка и благополучия. На реке Васюган зафиксировано поверье о неожиданно появляющейся из земли белокаменной фигурке лося. Считалось, что она может появиться не перед всеми, а только перед тем, кого ожидает удачная охота. В прошлом был широко распространен праздник по случаю добычи первого лося весной. Было запрещено раскалывать лосиные кости, подсаливать мясо, резать его железным ножом. Как и медведь, лось приравнивался к человеку, о нем нельзя было говорить плохо. Лося называли не собственным именем, а прибегали к описательным формулировкам (например, «вещь с длинными ногами»). Почитались и уважались не только медведь и лось, а вообще все животные. Дружба между животными и людьми – одна из центральных тем хантыйского эпоса. Встречаемость категорий «отношение к животным» и «почитание и поклонение животным» равна 16,6 %.

В отношении к природе для ханты свойственны две основные мировоззренческие позиции. Первое – это полное одушевление природы в целом и ее отдельных элементов

(56,5 % от категории «представления о живом и не живом»). Единение с природой во многом определяло поведение народа ханты. Данная подкатегория составляет 71,3 % от всей категории «отношения с природой». Ханты не выделяли себя из мира природы, не считали человека ее хозяином, у них отсутствовало представление о том, что человек – это венец природы. Встречаемость данной подкатегории составляет 4,5 % от категории «отношение к природе» и отражена в форме основного индикатора данной подкатегории – потребление даров природы, с целью пропитания и выживания. Основное отношение народа ханты к природе – это почитание и поклонение перед ней. Они почитают все живое: реки, деревья, землю, цветы и даже камни. Считается, что у них есть душа и их следует почитать, уважать и поклоняться, так как именно от них зависит существование ханты. Этим и объясняется бережное отношение к природе ханты.

Второй характерной чертой мировоззрения ханты является дуализм. Одушевляя и почитая природу, вместе с тем они пользуются ее дарами, «убивая» ее. Именно этим объясняются многие обряды и традиции ханты для задабривания духов природы (например, «медвежий» и «лосиный» праздники). Выполняя названные обряды, они пытаются либо искупить вину за уже совершенное ими «злодеяние» (ловля рыбы, сбор ягод и грибов, охота на медведя, рубка леса и пр.), либо задобрить ее перед его совершением. Поэтому, чтобы лишний раз «не злить природу», они ведут себя соответственно: берут от нее только то, что необходимо, чтобы выжить, воздавая ей почести, ухаживают за природой, чтобы она и в дальнейшем позволяла пользоваться ее дарами. В лесу ханты разговаривают мало и ведут себя тихо, чтобы «не разбудить злых Духов».

Ханты – это самобытный, уникальный народ, который всю свою историю жил на лоне природы, вне цивилизации и не нуждался в ней. Они существуют особняком, живут семьями, и подчас на многие километры никого в округе нет. И как следствие подобного образа жизни – отсутствие у ханты персонифицированного образа врага (7,7 % от всего массива материала). Упоминание о вторжении на их территорию во всем массиве анализируемой литературы мы встретили лишь один раз, когда речь шла не об иноземном племени, а о представителях своей народности. В образе врага предстают духи. В основном борьба между добром и злом разворачивается в пространстве между духами, людьми и животными. Вероятность победы добра над злом достаточно высока (6,4 % от всей категории «образ мира»).

Героями (правда, следует отметить, что «образ героя» представлен слабо – 3,2 % от всего массива выборки) у ханты являются простые люди (57,9 % от подкатегории «происхождение героя») и животные (15,8 % от категории «образ героя»). Подчас люди и животные могут объединяться для того, чтобы преодолеть врага (злого духа). В представлении ханты человек, как и другие живые существа, активен и деятелен при наличии двух жизненных сил. Одна из них есть тело, а другая спрятана внутри тела. В некоторых источниках первую называют тенью, а вторую – душой. Обе силы хотя и независимы, но неразрывно связаны друг с другом. Много ли сделает человек, если он без руки или ноги? А с другой стороны – много ли сделает спящий человек, хотя тело его и в сохранности? Ханты считали, что у спящего человека нет души. Он потому и спит, что душа покинула тело, а во сне он видит то, что видит на самом деле блуждающая душа.

Больной человек тоже малоактивен оттого, что злой дух либо проникает в тело и теряет душу, либо он схватил ее в блуждающем лесу. Одной из причин болезни может быть просто механическое повреждение тела, то есть нарушение формы. Однако, по мнению ханты, повреждение не бывает случайным. Ни один человек не желает себе плохого,

поэтому в основном появление болезней они приписывают духам (5,8 % от всей категории «отношение к болезни»), чаще всего это злой дух Тарен. Он невидим, поэтому убежать от случайных ранений можно только одним способом: вывешивая в дар этому духу красную ткань. Ханты свойственно было представление о том, что человек может навлечь болезнь на своего неприятеля. Для этого достаточно сделать из дерева изображение и слегка поранить его.

Лечение болезней осуществляли шаманы (5,8 % от всей категории «отношение к болезни»). Лечить так же может и растительный, и животный мир лесов (5,8 % от категории «отношение к здоровью»), например, ожоги смазывали собачьим жиром, а из чешуи рыбы готовили клей, обладающий ранозаживляющими свойствами. Но если лечение не давало ожидаемого эффекта, то больной переходил в другое состояние, которое отличалось от болезненного еще меньшей степенью активности. Полное отсутствие движения и дыхания свидетельствовало о том, что человек умер. Но для ханты это не означает, что человек из бытия ушел в полное небытие. Он переходит в другое бытие, в инобытие. Поэтому-то пожилой ханты на вопрос, есть ли у него родители, ответит: «Есть, но они мертвые». Ханты говорят об умершем: «Том Торма питыс» (к другому Торуму ушел). Умершие, потерявшие способность двигаться, вновь обретают эту способность в другом мире. Там все наоборот, это зеркальное отражение мира земного. Поэтому смерть не является для ханты трагедией, просто человек, по их мнению, уходит от одних родственников к другим.

Особенности быта данного народа, прежде всего, обусловлены их географическим расселением. Основными видами промысла издавна являются охота, рыболовство, собирательство. Этим объясняется особенность их образа жизни. Для ханты характерен кочевой образ жизни, они ищут новые места для сооружения стойбищ, когда в том месте, где они живут, пропадает рыба и звери (22,8 % от категории «особенности быта»). И для того, чтобы выжить, им необходимо искать новые места, изобилующие дичью и рыбой. Ханты на поселениях живут в основном родовыми семьями. Им необходимо день и ночь трудиться для того, чтобы выжить: «...в окошко хозяева отродясь не глядели, некогда им было».

Поэтому в народном эпосе основной образ мужчины - это охотник, добытчик пищи, кормилец семьи: «Хозяин рыбу ловил, зверей и птиц добывал» (33,3 % от категории «образ мужчины»). Женщина в свою очередь, прежде всего, должна быть хорошей хозяйкой (18,5 % от всей категории «образ женщины»), которая готовит, сушит рыбу и мясо, а также шьет одежду и присматривает за детьми (образ матери - 10,9 % от категории «образ женщины»). Образ отца представлен в меньшей степени, так как мужчины основную часть своей жизни проводят в лесу, на охоте. Воспитание совсем маленьких детей являлось обязанностью женщины. Но и позже, когда дети становятся чуть постарше, воспитанием девочек занимается исключительно мать, воспитывая будущих хозяек, преемниц национальных традиций: «Девушка ценится не богатая и красивая, а добрая, работающая, умеющая мужчине охотнику угодить». Особенностью воспитания детей народа ханты было приучение к труду с самого раннего детства. Так, в одном из источников рассказывается о том, что 4-5 летняя девочка уже может сшить себе платье. Мальчиков воспитывали, прежде всего, как будущего охотника, и первым подарком мальчику обычно являлся нож или лук со стрелами. Дети так же, как и старые люди, очень почитаемы и уважаемы у ханты. Существует даже поверье, что детей дают духи за страдания, и если люди не заслужили или мало страдали, то детей у них не будет: «Видно мало же мы с то-

бой страдали. И начала хозяйка страдать...».

В целом, необходимо отметить, что географическое, климатическое положение и особенности природного ландшафта определяют основные особенности этнической картины мира народа ханты. В представлении ханты все в мире является живым и подчинено законам мира природы и духов. Несмотря на то, что перед злыми духами они предстают беззащитными, ханты все же намерены бороться, и чаще всего побеждает не самый сильный, а наиболее смекалистый. Человека ханты из мира природы не выделяют. Образ мужчины и женщины четко ограничен лишь бытовыми и семейными заботами. На особенности воспитания детей, так же, как и на специфику быта, влияют те условия, в которых живут ханты.

Исследование современной этнической картины мира ханты проводилось с использованием полустандартизированного интервью, которое содержало прямо представленные вопросы относительно этнической картины мира, и широкий спектр дополнительных (закрытых и косвенных) вопросов, требующих от респондентов более обстоятельных комментариев и развертывания своей субъективной точки зрения. Такого рода опрос с «расспросом» необходим для данного вида исследования, поскольку учитывает две особенности респондентов: существенное различие в характере речевых культур (русской и хантыйской), особенности общения народа (ханты несловоохотливы и настороженно относятся ко всем). Респондентами в исследовании стали представители народа ханты, которые некоторое время живут в другой культурной среде (городской или поселковой).

Традиционная этническая картина мира народа ханты складывалась и существовала долгое время, и была таковой до прихода на их земли первопроходцев. После их появления и привнесения новых традиций этническая картина мира стала меняться. Участниками нашего исследования были представители народа ханты, уже некоторое время проживающие в городе Сургуте. Выборка производилась в случайном порядке, в связи с трудностью привлечения представителей ханты к исследованию. Анализ результатов исследования и соотнесение их с результатами социологического и социально-психологического исследования «Образовательные ценности и профессиональная ориентация детей обских финно-угров» Л. М. Костив [3] позволил выделить следующие особенности современной этнической картины мира ханты.

Современные представления о строении вселенной предполагают так же как в традиционной картине мира вертикальную организацию. Формально строение вселенной осталось прежним, но содержание изменилось коренным образом. Представители народа ханты, проживающие в городе, рассказали о русской православной традиции понимания строения вселенной: на небе живет Бог, на земле люди и все живое, а под землей – дьявол. Отчетливых религиозных представлений у представителей народа ханты на данный момент практически не существует. На вопросы относительно веры ханты отвечают, что они верят в Бога и зовут его Иисус. Но при этом больше ничего о нем они сказать не могут. То же касается веры в духов, которой не наблюдается вообще. Один из респондентов сказал, что помнит, что когда-то давно, когда он был совсем маленьким «бабушка что-то ему рассказывала об этом». Мир, по их мнению, сотворил Бог, а о преданиях и легендах своего народа о сотворении мира не знает никто. Одна из респонденток, занимающаяся краеведением, сказала, что читала об этом.

Исследование современной этнической картины мира у детей народа ханты, проживающих в интернате, показали, что они вместе со своей семьей празднуют лишь один традиционный народный праздник – так называемый «Слет», праздник, посвященный

проводам зимы. Респонденты зрелого возраста дополняли этот список еще одним праздником – встречи весны, который приурочивается к празднику лося (забою первого лося в весенний паводок). Практически все респонденты на вопрос: «Какие праздники вы отмечаете с семьей?» ответили, что это Новый год и Пасха. Представление о времени у ханты также соответствует представлению современной культуре русских.

На вопросы, касающиеся отношения к природе, респонденты давали стандартные ответы - клише, что «природу надо беречь», «нельзя ломать деревья», «природа наш друг». Уважительное отношение к природе присутствует, но оно видоизменено по сравнению с традиционной этнической картиной мира. Если раньше человек не выделял себя из мира природы, был с ней одним целым, то сейчас происходит явное дистанцирование. Новым является несколько покровительственное отношение к природе. То же наблюдается и по отношению к животным: «животных нужно любить и беречь». Но теперь это скорее просто общие шаблонные фразы, которые используются в современном цивилизованном обществе, за ними нет никакого конкретного содержания. На вопрос «А зачем это надо делать?», никто из респондентов не дал конкретного ответа, который бы соответствовал традиционным хантыйским представлениям о животных и природе в целом.

Представление об образе человека тоже претерпело значительные изменения. Те, исторически сложившиеся образы мужчины (охотника, добытчика, кормильца) и женщины (хозяйки и матери) практически не нашли своего отражения в ходе исследования современных представлений. Результаты исследования Л.М. Костив констатировали следующее: «гендерные различия в категоризации ценностей, отчетливо прослеживаемые в исследовании, показывают, что мужчины более ориентированы на включение в «городскую» культуру, они более конформны по отношению к городским ценностям» [3]. В связи с тем, что мужчина ханты в историческом развитии был всегда более активен (ему необходимо было много ходить по лесам, охотиться, изготавливать орудия для охоты, рыбной ловли и пр.), нежели женщина (ее активность распространялась на ведение хозяйства и воспитание детей), он несколько легче адаптируется к новым условиям жизни. Все девушки, принимавшие участие в исследовании, говорили, что первое время им было очень тяжело привыкать к городской жизни так как «здесь нужно постоянно куда-то идти, с кем-то разговаривать, что-то делать».

В области отношения ханты к своему здоровью произошли значительные изменения. Если раньше причина заболевания связывалась с духами, которые могли наслать болезнь, то теперь его появление приписывается в большей степени самому себе. Так, одна из респонденток сказала, что раньше она не следила за своим здоровьем, одевалась не очень тепло, в результате теперь часто болеет. Большую роль в том, что много людей болеет, по мнению ханты, играет плохая экология. Природа, ранее считавшаяся лучшим лекарством, теперь рассматривается как причина нездоровья.

В понимании нравственных категорий больших различий не наблюдается. Как и в традиционной этнической картине мира, так и сегодня ханты считают неприемлемыми такие качества, как ложь, хвастовство, воровство. Уважение и почитание старших осталось практически неизменным. Значительные изменения произошли в представлениях о понятиях «добро» и «зло». Если раньше у ханты не существовало персонафицированного образа врага как человека, представителя иноземного племени, то сейчас основным врагом является сам человек, без указания на этническую принадлежность. Остается актуальным образ героя. Полем битвы добра и зла считается внутренний мир человека: по словам одной из респонденток, «добрый человек лучше злого, и когда-нибудь добро победит».

зло, хотя сейчас пока все наоборот».

Результаты нашего исследования этнической картины мира показали, что на данный момент о традиционной этнической картине мира современные представители народа ханты, проживающие в г. Сургуте знают очень мало. Респонденты отмечали, что родители не рассказывали им в детстве сказок и мифов, в школьном возрасте их отдали в интернат и многие из них очень редко видели своих родных. Общее состояние представителей данного народа, оказавшихся в новой для них культуре, в настоящее время при прокладывании траектории жизненного, профессионального и образовательного пути может быть оценено как «выученная беспомощность». При низкой мотивации вхождения в новую культуру отсутствует и операционально-техническая возможность реализовать что-либо из своих планов: они не чувствуют в себе сил для активных самостоятельных действий, не имеют четких целей и планов на далекое будущее. Ярким примером этой позиции является высказывание одной из представительниц народа ханты, двадцатитрехлетней девушки, проживающей уже несколько лет в городе: «Я пока не думала о том, чего я хочу от будущего». Результаты проведенного нами исследования позволили увидеть нарушение естественного механизма преемственности поколений как результат вынужденной аккультурации, итогом которой стала драматичная ситуация, когда народ уже не знает собственной культуры и традиций, а новая культура остается сложной и чужой.

Примечания

1. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира: Курс лекций / Г.Д. Гачев. – М: Изд. центр «Академия», 1998. – 432 с.
2. Лурье, С.В. Историческая этнология: учебное пособие для вузов / С.В. Лурье. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 448с.
3. Костив, Л.М. Психология выученной беспомощности (на примерах социально-психологических, клинико-психологических и возрастно-психологических). Дипломная работа, 2004.

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

П.П. Совертков

РАСШИРЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОЛЯ ПО МАТЕМАТИКЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

1. Актуальность поисково-исследовательской деятельности. Новая государственная инициатива по выделению грантов в области образования направлена на развитие индивидуальности способных учащихся и студентов, на реализацию творческого потенциала учителей школ и преподавателей вузов. В концепции модернизации российского образования на период до 2010 г. подчеркивается, что развитие способности учащихся к исследовательской работе должно быть одним из результатов правильно организованного образовательного процесса, поэтому формирование поисково-исследовательской деятельности является одной из важнейших задач образования и воспитания современной школы.

В Ханты-Мансийском автономном округе наблюдается повышение интереса учителей, преподавателей вузов и администрации образовательных учреждений к методологии формирования поисково-исследовательской деятельности учащихся и студентов.

Современное математическое образование поддержано мощными средствами информационно-коммуникационных технологий, но видными математиками и методистами отмечается, что не оправдались некоторые надежды на компьютеризацию, а потребность в специалистах, сочетающих знания и умения по математике и информатике, возрастает (В.И. Арнольд, Н. Х. Розов, В. А. Садовничий и др.). Следовательно, перед школой стоит важная, но сложная задача развития молодежного научного творчества по математике и информатике. Слабо реализуется большой потенциал возможностей использования компьютерной техники как для процесса обучения, так и для исследовательской деятельности. Школы ждут не только нового содержания интегративных профильных курсов по математике и информатике, но и новых методов работы с одаренными учащимися.

Изменилась структура личности учащегося и среда, в которой явно ощущается компьютерное давление на личность. С одной стороны, многими математиками отмечается снижение уровня математической подготовки учащихся. Современные учащиеся меньше уделяют внимания изучению теорем, заданных на дом. Система единого государственного экзамена также ориентирует на рецептурное освоение математики для умения решать задачи. Сокращается компонент приобщения личности к постижению истин, заложенных предыдущими поколениями в величайших теоремах и методах поиска истины.

С другой стороны, можно отметить возрастание умений учащихся ориентироваться в информационных потоках, умение находить в Интернете необходимые материалы (правда, почти готовые). Информатика в школе предоставляет прекрасный инструментарий, с помощью которого можно решать сложные задачи. Приближенные методы решения сложней-

ших уравнений сегодня доступны учащимся, в то время как раньше их не могли решить математики с хорошей подготовкой.

Назрела необходимость формирования методологии научного поиска по математике на основе компьютерного моделирования. В Ханты-Мансийском автономном округе накоплен значительный материал по организации молодежного научного творчества на различных уровнях. На предметном уровне можно выделить проведенные циклы исследований по моделированию математического паркета, использованию булевых функций для развития логического мышления и т.д., результаты которых опубликованы в центральной печати [1-7].

Многие руководители проектов по математике предлагают учащимся в качестве темы одну из глав высшей математики. Учащийся затрачивает значительные усилия для освоения нового материала, но новизны и актуальности в исследовании не наблюдается. Наш опыт показал, что для учащихся наиболее естественны задачи элементарной математики, на которых можно осуществить содержательное математическое и компьютерное моделирование. Но для этого руководителю необходимо осуществить новое видение известных задач элементарной математики.

Рассмотрим поиск новых тем по моделированию динамики пространственного образа с помощью компьютера, который можно использовать в элективном курсе по математике.

2. Позитивная роль компьютера и линии моделирования в формировании пространственного мышления. Содержательный и процессуальный компоненты пространственного мышления направлены на создание пространственных образов и оперирование пространственными образами. Раньше развитием пространственного мышления в школе занимались в основном на уроках математики и черчения. В настоящее время пространственное мышление формируется также в значительной степени на уроках информатики.

Информатика добавляет в динамику пространственного образа свойства, которые прежними средствами обучения невозможно было достичь, и преобразует классические методы обучения:

- возможность демонстрации динамики геометрического образа в заданном темпе;
- возможность быстрого изменения размеров движущегося объекта или трансформации объекта;
- возможность выделения наиболее важных этапов динамики с помощью цветовой гаммы,
- возможность изменения вариантов сборки модели с помощью быстрой перекompновки блоков программы для компьютера;
- включение визуального мышления для совершенствования процесса познания;
- возможность изображения большого количества точек для траектории при помощи компьютера, что позволяет высказать гипотезу о наличии свойства объекта и потом ее доказать;
- визуальный просмотр последовательного прохождения особенностей некоторых участков траектории является ключом к объяснению некоторых деталей.

Смотреть на рисунок еще не означает видеть порядок его прохождения. Компьютер может наглядно показать те участки траектории, которые точка проходит несколько раз.

Трансформация основных фигур (примитивов: многоугольников, окружностей, отрезков и т.д.) благодаря простому интерфейсу позволяет реально совершить трансформацию объекта почти также быстро, как протекает мысленное изменение этого объекта. Комбинируя примитивы можно создать объекты новой структуры.

Линия моделирования в информатике наиболее полно реализует возможность представить динамику пространственного образа. Реально в школе изучается динамика некоторых плоских фигур. Важное познавательное и методическое значение имеют задачи представления динамики объектов в пространстве.

Формирование образа может рассматриваться как особая деятельность наблюдения (Б.Г. Ананьев), как перцептивная (А.Н. Леонтьев, В.П. Зинченко и др.), мыслительная (С.Л. Рубинштейн) деятельность [8, с. 38].

Можно рассмотреть цикл задач по конструированию многогранников с заданными свойствами из разверток. На примере восстановления куба из развертки можно получить широкий спектр задач для формирования навыков математического и компьютерного моделирования, навыков оперирования геометрическими образами. Компьютер в этих задачах на первых порах выступает как средство визуализации динамики объекта, но компьютерное экспериментирование порождает много новых задач, а, следовательно, компьютер стимулирует реализацию активных методов познания. Пучок разнообразных проектов по конструированию разверток многогранника является актуальным для методики формирования динамики пространственного образа.

Пусть куб $ABCD A' B' C' D'$ имеет развертку $AA_1 B_1 BB_2 C_2 CC_1 D_1 DD_2 C_3 B_3 A_2 A$ (рис.1).

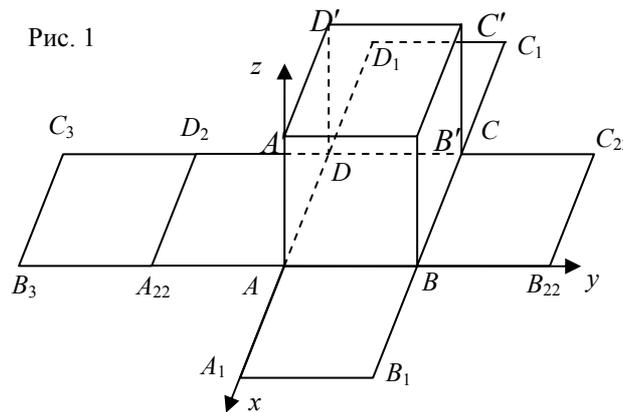

Рис. 1

В представленном далее моделировании наблюдаются различные виды деятельности, причем они взаимосвязаны и необходимы для реализации различных шагов конструирования куба из развертки. На первом этапе требуется сосредоточенное наблюдение для образования развертки, потом интенсивный мозговой штурм по выстраиванию этапов движения многоугольников и, наконец, эвристическое и алгоритмическое мышление по конструированию многогранника из развертки.

Рассмотрим некоторые методические особенности формирования динамичности пространственного образа.

Сложность оперирования пространственными образами характеризуется следующими типами:

- изменение образа в пространственном расположении (мысленное и компьютерное

вращение многоугольника в нашем случае);

- мысленное преобразование структуры образа путем изменения расположения его некоторых элементов (переход от плоской развертки к фигуре, расположенной в разных плоскостях, причем вначале поворачиваются одни многоугольники, А затем другие) (рис. 2);

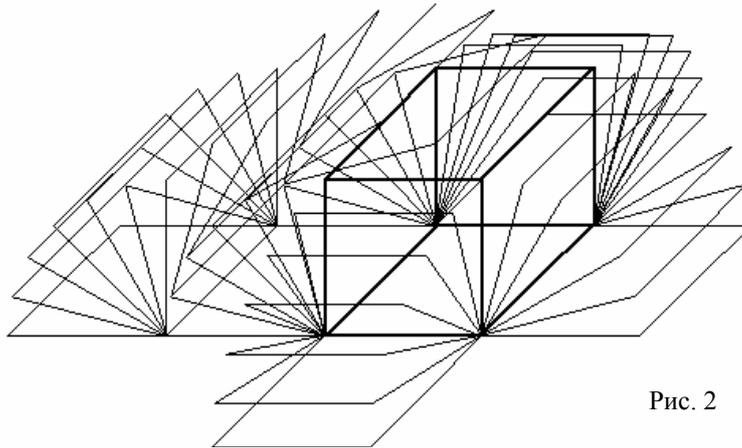

Рис. 2

- одновременное изменение образа в пространстве и структуры образа [8, с. 96].

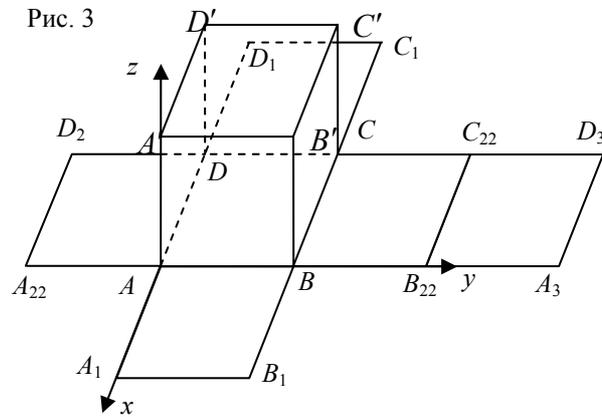
На этапе перехода от многогранника к его развертке уже частично создается последовательность шагов, которую можно реализовать в обратном порядке для перехода от развертки к многограннику, но в действительности, при реализации этого обратного хода могут возникнуть значительные препятствия.

Первый этап построения развертки уже требует для своего решения разбиения поверхности многогранника на многоугольники, а, значит, изменения структуры образа, затем расположения граней в одну плоскость и их соединения в виде связной последовательности многоугольников.

Развертка многогранника может быть получена комбинаторным расположением некоторых многоугольников, т.е. на этом этапе не обязательно представлять весь процесс как непрерывное преобразование. Конструирование многогранника из развертки требует выстраивания шагов непрерывного преобразования развертки в многогранник. Для реализации мысленного представления этого непрерывного процесса на компьютере требуется дискретная реализация в виде циклов в программе.

Иллюстрация конструирования многогранника должна быть наглядной, т. к. не всякая последовательность шагов движений многоугольников позволяет видеть все элементы преобразования. Формирование аналогичной деятельности по созданию динамики пространственного образа должно осуществляться в деятельности, организованной специальным образом.

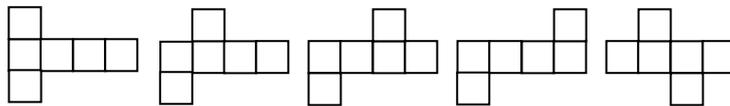
Во-первых, аналогичная деятельность должна вначале осуществляться на примерах, содержащих незначительное изменение условий задачи. Например, нарисовать другую развертку куба и повторить математическое и компьютерное моделирование (рис. 3). Учащимся можно предложить нарисовать различную структуру разверток и распределить выполнение проектов (рис. 4).

На рисунке 4 не введена система координат. В зависимости от ее расположения нужно определить различные повороты, а, значит, осуществить различное математическое и компьютерное моделирование. Следовательно, можно разработать различные модели для одной и той же задачи.

Во-вторых, для одной и той же развертки можно осуществить различную последовательность поворотов граней.

Рис. 4

Представление движений многоугольников, т.е. мышление зрительными образами (визуальное мышление) должно приводить к моделированию, поэтому необходимо представить начальное и конечное положение многоугольника, связанное с системой координат на той плоскости, в которой рассматривается движение вершины многоугольника, затем в пространственной системе координат и, наконец, в экранной системе координат.

Моделирование движений многоугольников можно было осуществить на основе аналитического задания формул преобразования координат при повороте. Этот способ требует вывода этих формул. Нами избран более простой способ, основанный на идее параметризации точек окружности.

3. Конструирование куба из развертки. Выберем систему координат согласно рис.1. При параллельном проектировании пространственная фигура изображается на плоскости экрана плоской фигурой. Пусть проектирование задано формулами

$$u = -\frac{\sqrt{2}}{2}x + y, \quad v = -\frac{\sqrt{2}}{2}x + z, \quad (1)$$

где x, y, z - координаты точки в пространстве, а u, v - координаты этой точки на экране компьютера.

Для упрощения компьютерной программы вычислим пространственные координаты

x, y, z точек и экранные координаты проекций этих же точек по формулам (1). Для точки в пространстве и ее изображения на экране компьютера будем использовать одну и ту же букву. Отличие значений этих символов состоит в том, что набор из трех координат определяет точку в пространстве, а набор из двух координат определяет ее изображение на экране компьютера.

$$A(0;0;0), A(0;0), A_1(a;0;0), A_1\left(-\frac{a\sqrt{2}}{2}; -\frac{a\sqrt{2}}{2}\right),$$

$$B_1(a;a;0), B_1\left(-\frac{a\sqrt{2}}{2} + a; -\frac{a\sqrt{2}}{2}\right), B(0;a;0), B(a;0),$$

$$B_2(0;2a;0), C_2(-a;2a;0), C(-a;a;0), C_1(-2a;a;0),$$

$$D_1(-2a;0;0), D(-a;0;0), D_2(-a;-a;0), A_2(0;-a;0),$$

$$A'(0;0;a), B'(0;a;a), C'(-a;a;a), D'(-a;0;a),$$

$$C_3(-a;-2a;0), B_3(0;-2a;0).$$

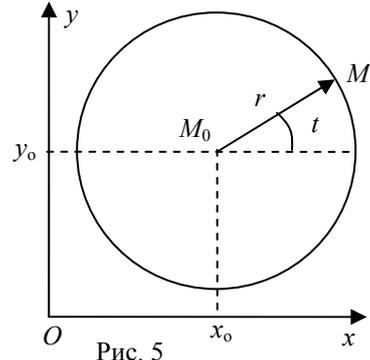

Рис. 5

Рассмотрим окружность $(x - x_0)^2 + (y - y_0)^2 = r^2$ в плоскости oxy с центром $M_0(x_0; y_0)$ и радиусом r . Пусть произвольная точка $M(x; y)$ окружности образует с положительным направлением оси ox угол t (рис. 5), тогда для координат вектора $\overrightarrow{M_0M}$ получаем: $x - x_0 = r \cos t, y - y_0 = r \sin t$.

Уравнения $x = x_0 + r \cos t, y = y_0 + r \sin t$ называются параметрическими уравнениями окружности.

Рассмотрим поворот грани BB_2C_2C вокруг прямой BC на угол 90° . Это преобразование можно задать, написав параметрические уравнения четверти окружности (рис. 6):

$$y = a + a \cos t, z = a \sin t.$$

При изменении параметра t точка B_{2t} движется по четверти окружности от положения точки B_2 до положения точки B' , т.е. вершины верхнего основания куба.

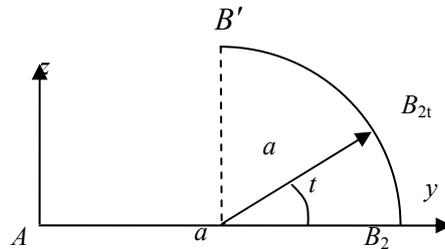

Рис. 6

Для пространственных и для экранных координат точки получаем $B_{2t}(0; a + a \cos t; a \sin t)$.

Аналогично, точка C_{2t} движется по четверти окружности от положения точки C_2 до положения точки C' , т.е. вершины верхнего основания куба:

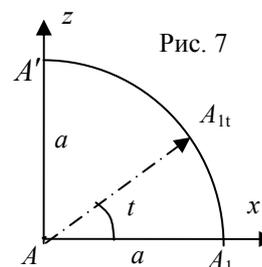
$$x = -a, y = a + a \cos t, z = a \sin t, C_{2t}(-a; a + a \cos t; a \sin t).$$

Для точки A_{1t} (рис. 7) получаем параметрические координаты

$$x = a \cos t, z = a \sin t, A_{1t} (a \cos t; 0; a \sin t)$$

Аналогично, $B_{1t} (a \cos t; a; a \sin t)$.

Параметрические уравнения других точек будем записывать таким образом, чтобы параметр также изменялся от значения 0^0 до значения 90^0 . Это вызвано следующей идеей моделирования и программирования. Желательно, чтобы несколько боковых граней получались из развертки одновременно поворотом вокруг своих осей, т.е. повороты нужно синхронизировать по времени. Поэтому мы будем вводить параметр t обычным способом и выражать координаты точки окружности через этот угол.

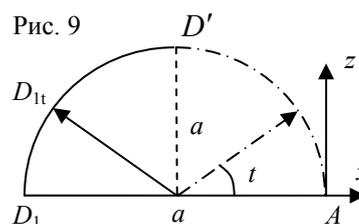
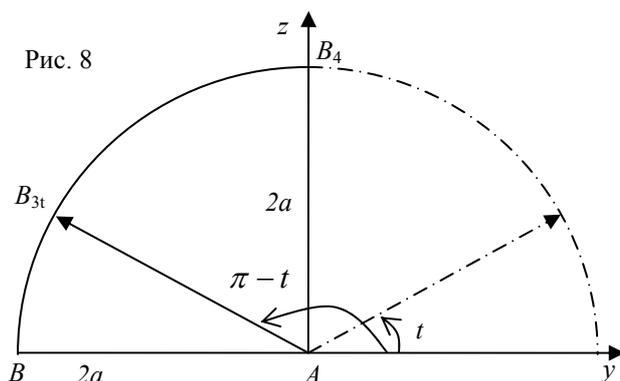
Например, для точки B_{3t} (рис. 8) получаем

$$y = 2a \cos(p - t), z = 2a \sin(p - t) \text{ или } y = -2a \cos t, z = 2a \sin t,$$

$$B_{3t} (0; -2a \cos t; 2a \sin t).$$

Аналогично, для точки C_{3t}

$$x = -a; y = -2a \cos t, z = 2a \sin t, C_{3t} (-a; -2a \cos t; 2a \sin t).$$

При повороте квадрата DD_1C_1C вокруг прямой DC рассмотрим параметрические уравнения точки D_{1t} (рис. 9) окружности

$$x = -a - a \cos t, z = a \sin t, D_{1t} (-a - a \cos t; 0; a \sin t), C_{1t} (-a - a \cos t; a; a \sin t)$$

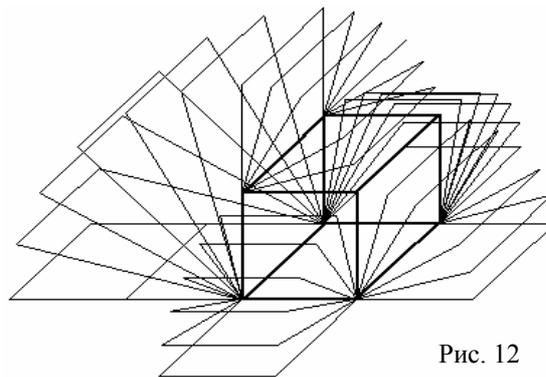
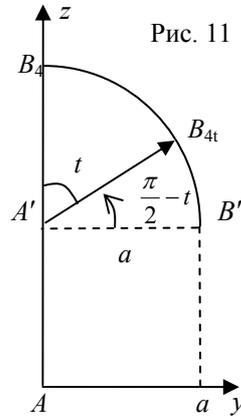
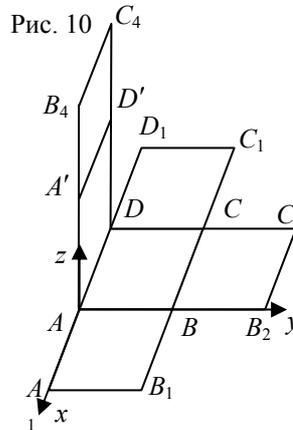
После поворота прямоугольника $AA_2B_3C_3D_2D$ вокруг прямой AD на угол 90^0 получим прямоугольник $AA'B_4C_4D'D$ (рис. 10). Повернем квадрат $A'A_4C_4D'D$ вокруг прямой $A'D'$, чтобы получить верхнее основание куба.

Параметрические уравнения точки B_{4t} (рис. 11)

$$x = a \cos\left(\frac{\pi}{2} - t\right), z = a + a \sin\left(\frac{\pi}{2} - t\right), x = a \sin t; z = a + a \cos t \text{ или } B_{4t} (0; a \sin t; a + a \cos t).$$

Аналогично, $C_{4t} (-a; a \sin t; a + a \cos t)$.

Для лучшего изображения процесса поворота граней удобно их рисовать меняющимся цветом, но одинаковым для всех граней при подъеме на один и тот же угол. После изображения всех промежуточных положений в результате наложения различных рисунков трудно выделить конечное положение всех граней, поэтому куб можно нарисовать снова. Чтобы схема ребер куба лучше выделялась на рисунке, ребра можно изобразить линиями удвоенной толщины, построив дополнительно к этим линиям параллельные и рядом расположенные отрезки. Наклонные линии по-прежнему окажутся слабо выделенными линиями, поэтому их можно построить еще раз рядом.

Следующий фрагмент программы, написанной на языке QBasic, осуществляет вначале поворот прямоугольника $AA_2B_3C_3D_2D$ вокруг прямой AD на угол 90° до положения прямоугольника $AA'B_4C_4D'D$ и потом поворот квадрата до положения верхнего основания (рис. 12).

```
Pi = 4 * ATN(1)
INPUT "vvedite dlinu storoni kuba"; a
x0 = 240: y0 = 150
ua = x0: va = y0
ud = a * SQR(2) / 2 + x0: vd = a * SQR(2) / 2 + y0
FOR t = 0 TO Pi / 2 STEP Pi / 12
  ub3t = -2 * a * COS(t) + x0: vb3t = 2 * a * SIN(t) + y0
  uc3t = a * SQR(2) / 2 - 2 * a * COS(t) + x0
  vc3t = a * SQR(2) / 2 + 2 * a * SIN(t) + y0
  LINE (ua, va)-(ub3t, vb3t): LINE (ub3t, vb3t)-(uc3t, vc3t)
  LINE (uc3t, vc3t)-(ud, vd)
  SLEEP (1)
NEXT t
uav = x0: vav = a + y0
udv = a * SQR(2) / 2 + x0: vdv = a * SQR(2) / 2 + a + y0
```

```

LINE (uav, vav)-(udv, vdv)
s = 1
FOR t = Pi / 12 TO Pi / 2 STEP Pi / 12
  ub4t = a * SIN(t) + x0
  vb4t = a + a * COS(t) + y0
  uc4t = a * SQR(2) / 2 + a * SIN(t) + x0
  vc4t = a * SQR(2) / 2 + a + a * COS(t) + y0
  LINE (uav, vav)-(ub4t, vb4t), s
  LINE (ub4t, vb4t)-(uc4t, vc4t), s
  LINE (uc4t, vc4t)-(udv, vdv), s
  SLEEP (1)
  s = s + 1
NEXT t
    
```

Конструирование куба из разверток, представленных на рис. 2 и рис.12 можно упростить, соединяя два процесса: поворот многоугольника AA_2D_2D вокруг прямой AD и одновременный поворот многоугольника $A_2B_3C_3D_2$ вокруг прямой A_2D_2 с удвоенной угловой скоростью (рис. 13). В этом случае чертеж не перегружен лишними линиями и осуществляется одновременный подъем трех квадратов до положения боковых граней (передней, правой и задней) и одной подвижной конструкции, переходящей в положение левой боковой грани и верхнего основания.

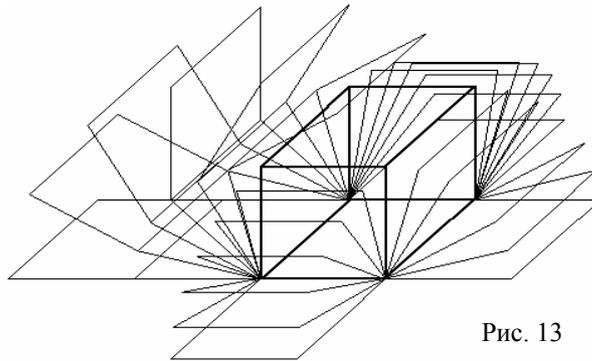

Рис. 13

Рис. 2, 12, 13 представляют различные варианты сборки тетраэдра.

На рис. 14 показаны траектории некоторых точек варианта сборки куба, представленного на рис. 2. Первый этап показан сплошной ориентированной дугой, второй этап для двух точек - пунктирной линией.

Следующий рис. 15 показывает траектории некоторых точек варианта сборки куба, представленного на рис. 13.

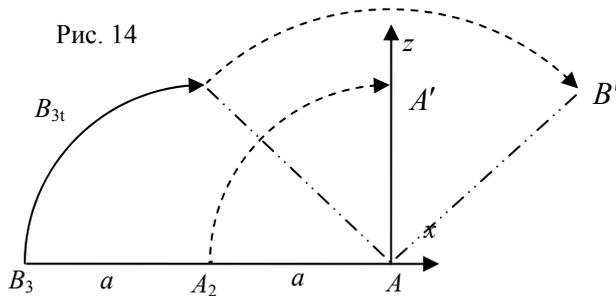

Рис. 14

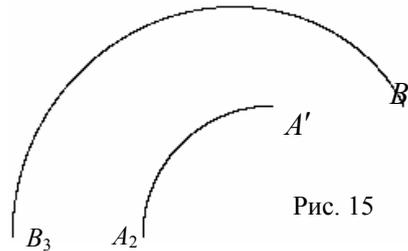

Рис. 15

Одна из траекторий является четвертью окружности. Вторая линия в действительности не является окружностью, несмотря на то, что длина отрезка A_2B_{3t} является постоянной величиной. Чтобы лучше изучить эту траекторию, продолжим эту линию, построив ее по

данным формулам. Внешний вид линии на рис. 16 похож на улитку Паскаля [9, с. 106; 10, с. 213, 308].

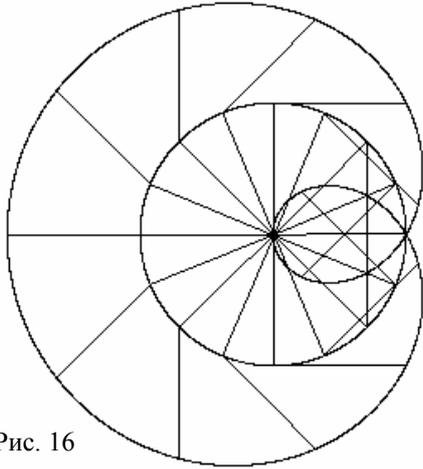

Рис. 16

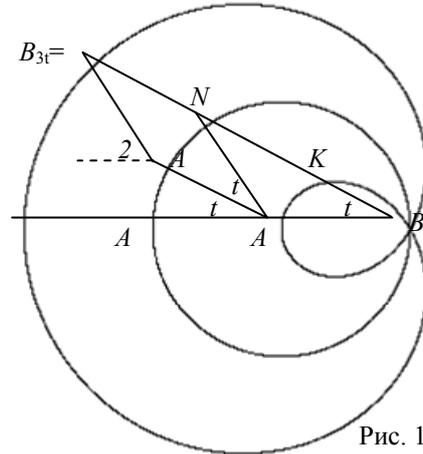

Рис. 17

Улитка Паскаля определяется следующим образом (рис. 17). Пусть через точку B окружности проведен радиус BA и произвольный луч l , пересекающий окружность в точке N . На каждом луче от точки пересечения отложим отрезки NK и NM , равные некоторому заданному отрезку k . При повороте луча получаем искомое множество точек.

Докажем, что точка B_{3t} движется по улитке Паскаля.

Пусть $\angle A_2AA_{2t} = t$, тогда отрезок $A_{2t}B_{3t}$ образует с лучом BA угол $2t$. Рассмотрим на окружности точку N , для которой $\angle A_2AA_{2t} = t$, тогда $\angle A_2AN = 2t$, $\angle A_2BN = t$, $NB \parallel A_{2t}A$, $A_{2t}B_{3t} \parallel AN$, $A_{2t}B_{3t} = AN$.

Четырехугольник $A_{2t}B_{3t}NA$ является параллелограммом, поэтому $NB_{3t} \parallel AA_{2t}$, $NB_{3t} = AA_{2t} = a$, причем точки B_{3t}, N, B расположены на одной прямой. Таким образом, доказано, что точка B_{3t} принадлежит улитке Паскаля.

Доказано новое кинематическое свойство улитки Паскаля.

Улитка Паскаля может быть получена при движении двухзвенного механизма AA_2B_3 с равными звеньями. Звено AA_2 вращается вокруг точки A с некоторой угловой скоростью ω , а звено A_2B_3 в свою очередь вращается вокруг подвижной точки A_2 в том же направлении что и звено AA_2 со скоростью 2ω , тогда концевая точка B_3 двухзвенного механизма движется по улитке Паскаля.

Технически это движение можно реализовать следующим механизмом (рис. 18).

В ромбоиде AA_2PN для звеньев выполняется равенство $AA_2=AN, A_2P=NP$, причем в точках A, A_2, P, N звенья соединены шарнирно. Звено AA_2 закреплено неподвижно. Стержень l может вращаться вокруг точки A и скользить вдоль ползуна в точке P . При вращении кривошипа AN вокруг точки A стержень всегда направлен

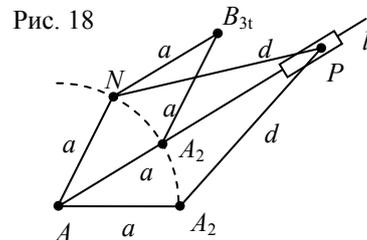

Рис. 18

вдоль биссектрисы угла A_2AN . Двухзвенный механизм $NB_{3t}A_{2t}$ шарнирно соединен в точках N, B_{3t}, A_{2t} . При вращении кривошипа AN вокруг точки A вершина B_{3t} ромба $AA_{2t}B_{3t}N$ движется по улитке Паскаля.

В [10, с. 312] для воспроизведения улитки Паскаля приведен другой механизм. Механизм, представленный в этой статье содержит больше звеньев, но в нем равномернее распределены усилия при вращении кривошипа.

Изучение динамики пространственного образа на примере развертки куба демонстрирует интересные межпредметные связи математики, физики и информатики. Рис. 19, построенный при малом изменении шага цикла, демонстрирует новую линию, построенную как огибающую, а, следовательно, компьютерный эксперимент создает основу для выдвижения эвристик на дальнейшее исследование.

Примечания

1. Совертков П.И. Исследовательская деятельность в развивающих программах по информатике и математике // Информатика и образование. – 2003. – № 4. – С.11-16.
 2. Совертков П.И. Моделирование искусственного языка // Информатика и образование. – 2006. – № 6. – С. 43-46.
 3. Совертков П.И. Развитие и оценка логического мышления // Компьютерные инструменты в образовании. – 2003. – № 6. – С. 71-76.
 4. Совертков П.И. Формирование элементов цикла в нестандартных задачах компьютерной графики // Информатика и образование. – 2005. – № 10. – С.32 – 40.
 5. Совертков П.И., Слива М.В. Орнаменты и двоичная система счисления в матрице // Информатика и образование. 2002. – №1. – С. 38-46.
 6. Совертков П.И., Слива М.В., Соверткова З.Н. Булева алгебра в матричных тестах // Информатика и образование. – 2002. – № 3. – С. 57-63.
 7. Совертков П.И., Слива М.В., Хохлов Д. Н. Геометрический паркет на экране компьютера. // Информатика и образование. – 2002 – № 9. – С. 21-26.
 8. Якиманская И.С. Психологические основы математического образования: Учебное пособие. – М.: Академия, 2004.
 9. Савелов А.А. Плоские линии. – М.: ГИФМЛ, 1960.
- Шикин Е.В., Франк-Каменецкий М.М. Кривые на плоскости и в пространстве: Справочник. – М.: ФАЗИС, 1997.

С.Л. Зубарева

**ДОСТИЖЕНИЯ И НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
НАРОДОВ СЕВЕРА В 1950 – 1960 ГГ.**

Требования к образованию у народностей Севера задавались со стороны социально-политической, экономической и культурной структур государства. Социокультурная ситуация в советском обществе (1950-е – 60-е гг.) определила функционирование образования народов Севера как общего государственного института обучения и воспитания советского гражданина без учета национально-региональной специфики.

В начале 1950-х гг. изменения в образовании коренных северных народностей были связаны в основном с двумя тенденциями – ростом числа школ повышенного типа и сокращением начальных школ, трансформировавшихся в школы-семилетки. В это же время в районах проживания народов Севера многие общеобразовательные школы стали считаться национальными, хотя, по сути, таковыми не являлись, так как вся система регионального образования была ориентирована на внедрение унифицированного общего среднего образования. Статус поселковых школ определялся по численности в них детей коренной национальности. Если их было более половины, то школа считалась национальной.

Несмотря на тяжелое послевоенное экономическое положение страны, в округе продолжалось строительство школ для народов Севера. К 1951/52 учебному году в Ханты-Мансийском национальном округе были введены в эксплуатацию национальная начальная школа на 50 мест и школа-интернат для детей народов Севера на 50 мест. В 1952 г. было начато строительство двух национальных школ-интернатов на 100 мест в поселке Наксумволь Березовского района и поселке Тром-Аган Сургутского района, нового здания для Ханты-Мансийского педагогического училища, дома для учителей в поселке Няксимволь Березовского района; в 1953 году – семилетних школ в поселке Нахрачи Кондинского района на 280 мест и поселке Саран-Пуль Березовского района на 80 мест, двух школ-интернатов на 100 мест в селах Ларьяк и Березово [1, 2, 3].

И хотя темпы реорганизации образовательной сети в Ханты-Мансийском округе совпадали с показателями по стране, её результаты к середине 1950-х гг. были меньше почти вдвое. Такое положение объяснялось различиями в начальных стартовых условиях образования страны в целом и образования народов Севера.

Такое положение в образовании народов Севера продолжало сохраняться и в 1960-е гг. Развитие образования народов Севера в темпах хронически отставало от общеэкономического роста в округе, не отвечая во многом потребностям и запросам местного населения, тормозя при этом решение хозяйственно-культурных и социальных проблем северных народностей. Главными препятствиями успешного развития образования коренных северных народностей продолжали оставаться слабая материальная база народного образования в округе, недостаток школьных зданий, общежитий, зданий для детских садов, квартир для учителей, нехватка учебного оборудования и материалов для учебных кабинетов и учебно-производственных мастерских. Финансовые средства, выделяемые на народное образование округа, не удовлетворяли его потребностей.

Количество школ-интернатов для народов Севера в округе изменялось в следующей логике [1,4, 5, 7].

Таблица 1

Количество школ-интернатов

Годы	Всего школ	На полном гос. обеспечении
1953	77	57
1967	54	47

Реформирование образования народов Севера в 1950-60-е гг. имело ряд социальных последствий. С уменьшением числа малокомплектных и малонаполненных национальных образовательных учреждений в процессе осуществления семилетнего, а затем восьмилетнего всеобуча увеличилось количество детей, живущих от школы на большом расстоянии. Удлинение пути до школы в условиях отсутствия регулярного подвоза на занятия, плохой обеспеченности учеников обувью, одеждой, продуктами питания стали главными причинами ухода детей из школы.

Во второй половине 1950-х гг. в стране основным типом школы для детей, родители которых кочуют по тундре и тайге, была признана школа с интернатом, сыгравшая большую роль в осуществлении всеобщего обучения народов Севера в Ханты-Мансийском округе. Одним из факторов, повлиявшим на принятие государственного решения об учреждении школ-интернатов, была невозможность в короткие сроки создать письменность, разработать литературный язык, наладить издание учебников, методической литературы, подготовить национальные учительские кадры для северных народностей, говорящих к тому же на разных диалектах. В школах с интернатом дети жили безвыездно в течение всего учебного года и находились на полном государственном обеспечении. Внедрение образовательного учреждения интернатского типа привело к созданию универсальной модели школы, одинаковой как для всех видов поселений, так и для всех малых народностей Севера.

Школа-интернат планировалась стать очагом культуры, базой для всесторонней воспитательной работы; она должна была обеспечивать осуществление начального, семилетнего всеобуча в специфических условиях Обь-Иртышского Севера. Перед школой-интернатом ставились также задачи мобилизации внимания учащихся на вопросах переустройства северного хозяйства и на привитии им производственных навыков. Большинство школ-интернатов помещалось в малоприспособленных для учебных занятий зданиях, а также в юртах, ярангах, балках. Многие дети за годы школьного обучения отучались жить лесной жизнью и испытывали затруднения в последующей социальной адаптации. Школа-интернат также мало отвечала национальным особенностям и традиционной культуре коренных народностей.

Условия обучения и воспитания подрастающего поколения северных народностей были одной из важных причин появления отрицательных социальных явлений в этническом сообществе. Дети теряли тесную связь с этнокультурной средой и традиционной трудовой деятельностью, которые исторически служили народам Севера источниками средств существования. Родители, лишенные заботы о подрастающем поколении, часто теряли чувство ответственности за своих детей и приобретали иждивенческие качества. После первых выпусков учащихся национальных школ стало ясно, что политика принудительного интернатского воспитания формирует недостаточную социальную готовность выпускников к

жизни в районах Севера. Несмотря на то, что школа у народностей Севера имела ряд принципиальных недостатков, она способствовала в некоторой степени пополнению корпуса национальной интеллигенции и присвоению северными народностями достижений мировой цивилизации.

Школы-интернаты, став основным типом национальных школ на Обь-Иртышском Севере в начале второй половины XX века (1952 г.), сохранили свои лидирующие позиции и в современном образовании коренных народов Севера.

В 1966 г. в Ханты-Мансийском округе начался переход к всеобщему среднему образованию молодежи. Отношение к среднему всеобучу в регионе было неоднозначным, так как в Ханты-Мансийском округе только 2% учащихся после окончания восьмилетки продолжали учиться дальше. В округе в 1967 г. был разработан и утвержден комплексный план развития всеобщего среднего образования. В нем предусматривалось укрепление материальной базы школ, укрупнение и преобразование ряда восьмилетних школ в средние школы. Планировалось также открытие школ с группами продленного дня, расширение сети интернатов; развитие вечерних и заочных школ, профтехучилищ и средних специальных учебных заведений; намечались меры по улучшению работы с педагогическими кадрами.

Значительное воздействие на развитие образования народов Севера в 1960-е гг. оказало промышленное освоение нефтяных и газовых богатств на территории региона. Это привело к изменению не только экономической и демографической структур, интенсивному развитию производительных сил, но и к быстрому росту числа образовательных учреждений, их материально-технического обеспечения. Школьная сеть в эти годы претерпела определенные качественные изменения: вновь сократилось количество малокомплектных начальных школ и одновременно увеличилось число восьмилетних и средних школ, увеличилось число учащихся школ. Особенно увеличился контингент детей коренных национальностей Севера, находящихся в национальных интернатах: в 1967г. там воспитывались 4162 учащихся из представителей коренных национальностей, из них на государственном обеспечении находились 3160 учащихся. В 1969 г. в Ханты-Мансийском округе за счет инициативного строительства было введено восемь школ-интернатов на 640 мест. Развитие сети школ-интернатов позволило вовлечь в них значительное количество детей народов Севера, подлежащих обучению, повысить обеспеченность народов Севера общим средним образованием [5,6].

Однако материальная база школ-интернатов в округе не всегда отвечала возросшим потребностям общества. Например, в Сургутском районе школы-интернаты были переполнены, многие из них находились в аварийном состоянии. В поселке Аган в интернате проживал 91 учащийся вместо 30-ти по норме, в Угутском интернате – 96 учащихся вместо 24 человек. План по вводу детских образовательных учреждений по округу не выполнялся.

В целях получения общего среднего образования работающей молодежью коренной национальности, которая по роду занятий не могла посещать вечернюю школу (оленоводы, охотники), в округе открывались заочные общеобразовательные средние школы с широкой сетью консультационных пунктов. Эти пункты осуществляли очную и заочную формы обучения путем сочетания самостоятельной работы учащихся с периодическими консультациями и проверкой знаний.

Несмотря на большие усилия в развитии образования по Ханты-Мансийскому округу, во второй половине 1960-х гг. не выполнялся закон о восьмилетнем всеобуче, допускался отсев из школ детей коренных национальностей Севера. Слабо развивалась сеть вечерних и заочных школ. В районах округа был плохо поставлен учет детей малых народностей Севера.

ра, не принимались своевременные меры по их сбору в интернаты. Недостаточно проводилась разъяснительная работа среди родителей детей коренного населения о необходимости получения общего среднего образования. Многие родители неохотно отдавали детей в школу. В Ханты-Мансийском округе в 1969 г. бросило учебу 200 девятиклассников, причем большинство выбывших были дети народов Севера (5,6,8,9). Например, в Сургутском районе в 1968 г. в девярых классах обучалось всего пять учащихся из представителей северных народностей, среди выпускников десятых классов не было ни одного представителя народов Севера.

В 1950-е-60-е гг. средством общения между северными народностями наряду с родным языком становится русский язык. В начале 1950-х гг. обучение в школах Севера в Ханты-Мансийском округе осуществлялось на родном языке в подготовительном классе, а также в 1-м и 2-м классах. Начиная с 3-го класса, все обучение переводилось на русский язык, а родной язык оставался в качестве предмета обучения. Для начальных классов национальных школ были изданы учебники, как на родных языках, так и на русском. Становление письменности на языках народностей Севера способствовало созданию и развитию их литературного языка. Произведения чукчи Ю. Рытхэу, манси Ю. Шесталова и других писателей были переведены на многие языки народов СССР, а также переведены и изданы в других странах.

Продление срока обучения в национальной начальной школе до пяти лет (с учетом подготовительного класса) оказалось недостаточной мерой для повышения качества образования народов Севера. Обучение в течение трех лет (в соответствии с учебными планами Министерства просвещения РСФСР) на родном языке и последующий переход к обучению на русском языке приводили к тому, что в 3-м и 4-м классах дети учились с большим трудом, из-за чего многие учащиеся покидали школу. Часто дети, оставшиеся в школе, были не в состоянии продолжать обучение в 5-м классе, так как их знания по русскому языку оказывались гораздо хуже знаний ребенка, окончившего начальную русскую школу. Проблема обучения в национальных школах на родном языке не решалась также по причине слабости организационно-методической и кадровой базы образования северных народностей.

Одним из основных препятствий обучению народов Севера на родном языке была сложность разработки письменности и литературного языка, так как на территории округа проживало большое количество диалектных групп народностей Севера. Другое препятствие заключалось в неоднородном национальном составе этнообразовательных учреждений. Обозначенные трудности стали причиной перехода обучения на русский язык детей народов Севера с 1-го класса. В середине 1950-х гг. в Ханты-Мансийском округе родной язык изучался менее чем в половине национальных школ. Объем преподавания родной речи не был одинаков для всех школ.

Таблица 2

Количество национальных школ

Язык обучения	1955г.	1956г.	1957г.	1958г.	1960г.	1962г.
Русский и ханты		5 нач. 1 семил.	3 нач. 1 средн.	2 семил. 2 средн.	2 семил.	
Русский и манси					1 нач. 2 семил.	1 семил.
Русский и ханты или манси	4 нач. 1 семил.	9 нач. 4 семил.				

Сведения об уровне образования, количестве школ и языке обучения в Ханты-Мансийском округе в 1950-е - 60-е гг. показывают, что в большинстве национальных школ Ханты-Мансийского округа обучение и воспитание проводилось на русском языке [1,2,3,4].

Эффективность образования народов Севера в таких условиях была достаточно низкой. Лишь немногим более трети детей школьного возраста оканчивали семилетнюю школу. При этом довольно большое число школьников не являлись на занятия вообще или выбывали из школы в течение учебного года. Необходимо также учитывать, что существовали значительные погрешности и в составлении списков всеобуча. Невысокую эффективность образования народов Севера демонстрируют и данные об уровне знаний школьников. Наиболее низкой успеваемостью отличались в национальных школах старшие классы. Например, в Нижневартовском районе к началу 1957-58 учебного года среди народов Севера насчитывалось: неграмотных 176 человек и малограмотных 77 человек. С учетом малочисленности народностей Севера, это были значимые показатели (5).

Новый этап всеобуча (1958-66 гг.) явился важным аргументом для сторонников обучения малых народностей Севера на русском языке. В 1960-е гг. обучение практически во всех национальных школах Ханты-Мансийского округа велось на русском языке, а как предмет родные языки манси и ханты изучались лишь в некоторых школах. Переход обучения на русский язык явился причиной, которая затрудняла развитие ребенка и мешала освоению учебного материала. Так как прекратилось издание учебников на родных языках, то большинство учителей национальных школ стало работать по учебникам русской школы. Ослаблено было внимание и к подготовке педагогических кадров из представителей народов Севера. Преподавание родных языков народов Севера было вновь начато в национальных школах лишь в 1970-е гг.

Большое внимание в 1950-е-60-е гг. уделялось работе по повышению уровня подготовки педагогических кадров для образования народов Севера. Количество учителей из представителей северных национальностей в Ханты-Мансийском округе за 1958-61 гг. увеличилось на 120 человек. В Ленинградском институте им. А.И. Герцена в 1961 г. из Ханты-Мансийского округа обучалось 65 человек (13).

Значительная роль в подготовке педагогических кадров для образования народов Севера в эти годы принадлежала, кроме Ленинградского педагогического института имени А.И. Герцена и педагогических институтов Тюменской области, также Ханты-Мансийскому педагогическому училищу (дата открытия 1945г.), в котором обучались различные народности Севера [10,11,12].

Таблица 3

Народности Севера	1952г.	1960г.	1963г.
Ханты	121	85	55
Манси	105	24	31
Ненцы	4	2	0
Зыряне	25	0	0
Коми	0	17	3
Русские	119	114	332
Прочие	7	14	0

Все учащиеся северных народностей в Ханты-Мансийском национальном педагогическом училища с начала его открытия обеспечивались бесплатными питанием, общежитием, а также бесплатными бытовыми услугами (баня, стирка белья, ремонт обуви, одежды, просмотр кино и т. д.). Учащиеся получали стипендию, им бесплатно выдавались учебники, учебно-письменные принадлежности. В 1963 г. училище имело капитальное учебное здание на 240 мест, общежитие на 390 мест, столовую на 75 посадочных мест, библиотеку, радиозузел, свою теплицу, 7 учебных кабинетов, технические средства обучения (кино и фотоаппаратура, магнитофоны) [8,9]. Таким образом, учащимся были предоставлены современные условия для обучения.

В деле обеспечения национальных школ округа высококвалифицированными педагогическими кадрами также имели место и серьезные недостатки. Преждевременное сокращение сети педагогических училищ по Тюменской области в 1960-е гг. привело к ухудшению качественного состава учителей национальных школ.

Исходя из вышеизложенного, можно выделить наиболее значимые аспекты развития образования народностей Севера в 1950-60-е гг.

- Развитие образования северных народностей определялось в основном двумя тенденциями – ростом числа школ повышенного типа (семилетних, восьмилетних, средних) и сокращением начальных школ; школы повышенного типа открывались на базе начальных школ и по своим возможностям мало соответствовали новому статусу.

- Образование народов Севера было ориентировано на внедрение государственного унифицированного общего среднего образования, которое лишь формально учитывало этнические особенности и традиционную культуру северных народностей.

- Массовое внедрение образовательного учреждения интернатского типа в образование народов Севера привело к созданию универсальной модели национальной школы, одинаковой как для всех видов поселений, так и для всех народностей Севера.

- Образование народов Севера получило значительное развитие (количество образовательных учреждений, материально-техническая и учебная базы, учебно-методическое обеспечение, подготовка педагогических кадров) в связи с промышленным освоением Севера.

Примечания

1. Доклады Тюменского облоно о подготовке школ к новому учебному году (1951 – 52, 1952 – 53 уч. г.г.): итоги проверки социалистических обязательств по подготовке школ к новому 1952 – 53 учебному году с Курганской областью / ГАТО, ф. 1823, оп. № 1, дело № 113.

2. Отчеты по начальным, семилетним и средним школам Березовского и Ларьякского районов за 1951 – 52 учебный год / ГАТО, ф. 1823, оп. № 1, дело № 123.

3. Отчеты по начальным, семилетним и средним школам по Тюменской области на начало 1951 – 52 учебного года / ГАТО, Ф. 1823, оп. № 1, дело № 124.

4. Годовые статотчеты окружных, городских, районных отделов народного образования о начальных, восьмилетних и средних школах за 1967 – 1968 учебный год / ГАТО, ф. 1823, оп. № 1, дело № 729.

5. Годовой отчет Тюменского облоно о работе школ области за 1956 – 57 учебный год: Выполнение народно-хозяйственного плана по сети школ и контингентам учащихся. Осуществление всеобщего семилетнего обучения детей и расширение среднего образова-

ния / ГАТО, ф. 1823, оп. № 1, дело № 274.

6. Доклады, обзоры, отчеты, справки областного отдела народного образования, представляемые в Министерство просвещения РСФСР, обком КПСС, облисполком о состоянии, ходе подготовки школ области к новому учебному году за 1968-69 гг. / ГАТО, ф. 1823, оп. № 2, дело № 29.

7. Годовые статотчеты окружных, городских, районных отделов народного образования о начальных, восьмилетних и средних школах за 1967 – 1968 учебный год / ГАТО, ф. 1823, оп. № 1, дело № 729.

8. Сводные годовые статотчеты окргоррайона о подготовке школ к новому учебному году на 1 сентября 1984, 1985 г.г. / ГАТО, ф. 1823, оп. № 1, дело № 1287.

9. Годовые статсведения облоно об учащихся, проживающих от школ, в которых они обучаются, на расстоянии более 3 км и о интернатах при школах, о трудовом и профессиональном обучении общеобразовательных школ, статотчеты детских домов. / ГАТО, ф. 1823, оп. № 1, дело № 1367.

10. Наш край: хрестоматия по истории Тюменской области (1917-1970 гг.). – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1973. – 414с.

11. Отчеты о работе школ Тюменского облоно за 1951 – 52 учебный год: Задачи педагогических училищ на 1951-52 учебный год / ГАТО, ф. 1823, оп. № 1, дело № 128.

12. Отчет о работе Ханты-Мансийского национального педучилища Тюменской области за 1962-63 учебный год / ГАТО, ф. 1823, оп. № 1, дело № 578.

А.Н. Шевкунов

РОЛЬ И МЕСТО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОБЛАСТИ «ТЕХНОЛОГИЯ» В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Педагогическая наука и практика, претворяя в жизнь разнообразные инновационные идеи, неизменно осуществляет поиск наиболее оптимальных путей и способов в создании условий для жизненной самореализации учащихся. Современные тенденции развития российского образовательного пространства протекают в области глобализации и стандартизации среднего общего и высшего образования. Модные космополитические идеи, интеграция России в мировое сообщество и ее открытость, формируют внутри спрос на новомодные образовательные технологии и программы. Все это сопровождается потребностью общества в высококвалифицированных, эстетически грамотных кадрах, способных к самостоятельной трудовой жизни в условиях рыночной экономики, однако реальная подготовленность современных школьников и выпускников средних специальных и высших учебных заведений оставляет желать лучшего. Где же кроются те причины, которые лежат в основе подобного состояния дел. Возможно, этих причин не мало, тем не менее, мы с уверенностью можем утверждать, что одна из них кроется в содержании среднего полного образования, а именно в «урезании» или упразднении и уничтожении такого общеобразовательного предмета как «Технология».

Для того чтобы рассмотреть роль и место образовательной области «Технология» в учебном процессе общеобразовательной школы, необходимо, прежде всего, разобраться в самом понятии «Технология», и причинах, вызвавших появление новой образовательной области. Забегая вперед, необходимо отметить, что интегративная образовательная область «Технология» пришла на замену общеобразовательного предмета «Трудовое обучение».

Трудовое обучение является одним из обязательных предметов общеобразовательной школы и одной из составных частей системы политехнического и трудового воспитания.

Содержание, формы и методы трудового обучения «направлены на ознакомление учащихся с основами техники, технологии организации и экономики производства. Трудовое обучение призвано дать школьникам систему трудовых знаний, умений и навыков, развивать техническое творчество и сельскохозяйственное опытничество, формировать у школьников трудовую культуру...» [1]. Задачи трудового обучения, так же как и содержание школьных программ, изменяются в соответствии с требованиями социально-экономического и научно-технического прогресса. Важность привития молодежи технологической культуры в настоящее время признается во всем мире.

В связи с этим в базисный учебный план (в инвариантную часть) общеобразовательных учебных заведений России, утвержденный Министерством образования Российской Федерации с 1993 г., включена новая образовательная область «Технология».

В процессе формирования и усвоения широты понятий обычно рассматривают четыре уровня: эмпирический, обобщающей, межпредметный и философский. Философский уровень, как правило, определяется этимологией понятия. В переводе с греческого «*techne*» -

искусство, мастерство, умение. «logos» - понятие, учение. Древние греки термином «техне» отличали процесс и результат деятельности, выполняемый с высоким уровнем умений, которая теперь называется мастерством или профессиональным искусством. Критерием такой деятельности было высокое качество результата, который достигается только при определенном порядке достижения цели. Прежде всего, это рецептурность, выраженная в жестких предписаниях типа «возьми», «по ложи», «отмерь», «выдержи» и т.д. Говоря современным языком, на философском уровне – технология – наука об оптимальной (наилучшей) деятельности. Таким образом, родовым признаком понятия технология является признак оптимальности, и он должен сохраняться на других уровнях с добавлением видовых, отраслевых или практических отличий [2].

Существенно, что «люди опыта», ремесленники, мыслили свою деятельность как своеобразное искусство, закрепленное понятием «техне». Своеобразие «техне» – в слитности в нем природного и искусственного, прагматического и эстетического. По представлениям древних «техне» нельзя непосредственно передать от человека к человеку, передано может быть только знание или то, что получено в результате «техне». «Техне» же обретается, прежде всего, через практическую имитацию. Отзвуки подобных воззрений дошли до нас в виде пословиц, например: «Чтобы стать кузнецом, надо ковать».

В слове «техне» легко усматривается этимон современного слова «техника». Также как и древние греки, которые за понятием «техне» видели любую человеческую деятельность, требующую профессионального мастерства, так и в современном словоупотреблении «техника» может толковаться предельно широко: как мастерство, умение, сноровка, то есть система определенных навыков, выработанных для любого использования [3].

Определение понятия «Технология» на межпредметном уровне мы можем найти в толковом словаре русского языка. Технология – это «совокупность производственных методов и процессов в определенной отрасли производства, а также научное описание способов производства [4]. Другими словами, «производственная технология – это наука о выявлении закономерностей оптимизации изменения предметов труда в продукты труда. Полагая, что производственная технология является наилучшим частным случаем трудовой деятельности и, трактуя ее в духе понятия труда, можно полагать, что технология (производственная) – это наука о выявлении закономерностей целенаправленного взаимодействия человека с искусственными и естественными объектами в процессе оптимального изменения и преобразования материи в продукты для регулируемого удовлетворения его потребностей» [5].

«Технология» в школе – интегративная образовательная область, синтезирующая научные знания из математики, физики, химии и биологии и показывающая их использование в промышленности, энергетике, связи, сельском хозяйстве, в работе транспорта и других направлениях деятельности человека. Образовательную область «Технология» следует отнести к межпредметному уровню понимания со всеми присущими ему отличительными признаками и критериями как производственной, так и педагогической технологии. Поскольку в базовом учебном плане основой этой области является трудовое обучение, то, исходя из вышесказанного, образовательную область «Технология» следует рассматривать как оптимизированную трудовую подготовку.

На современном этапе социально-экономического развития общества важность проблемы трудового воспитания подрастающего поколения неоправданно занижена. Большинство опрошенных нами участников образовательного процесса считают данный предмет второстепенным и поэтому не требующим особого внимания.

Отношение школьников к трудовому обучению, как к равноправному общеобразова-

тельному предмету, зависит от многих причин: состояние материально-технической базы трудового обучения, выбор значимых объектов труда, оснащение мастерских достаточным количеством исправного инструмента и современным оборудованием. Реальное оснащение кабинетов технического и обслуживающего труда на сегодняшний день – это в лучшем случае уровень 80-х годов. Естественно, что при таком материальном обеспечении говорить о подготовке учащихся к современному промышленному производству не имеет смысла. Трудное финансовое положение школ приводит к остановке учебного процесса в области технического и обслуживающего труда. Занятия по трудовому обучению проводят непрофессиональные педагоги, что в свою очередь приводит к тому, что в основном преподается так называемый кустарный промысел или элементы декоративно-прикладного искусства. С точки зрения педагогического процесса, особой роли это не играет в том случае, если занятия проводятся по программе дополнительного вариативного курса или авторской программы, хотя о политехническом образовании в таком случае речи не идет.

Изучение педагогического опыта показало, что во многих школах изыскивают возможности для привлечения интереса учащихся к занятиям по трудовому обучению. Опытные учителя труда привлекают учащихся к организации рабочих мест, оформлению мастерских, изготовлению наглядных пособий инструмента и приспособлений. Подобный передовой опыт положительно сказывается на интересе учащихся к техническому труду. Однако, со слов самих преподавателей, из-за устаревшего оборудования (с точки зрения современной техники) единственное к чему они могут подготовить учащихся – это элементарные умения в области ручного, кустарного труда. Именно поэтому возможности подобных занятий в сфере современной профессиональной ориентации весьма затруднены, а иногда просто невозможны.

Так, например, в гимназии №72 Петроградского района г. Санкт-Петербурга успешно внедрено «Лего-программирование». Данный вариант трудового обучения радикально отличается от всех ранее использовавшихся на территории нашей страны. Принцип обучения построен на моделировании технологических процессов, машин и инструментов при помощи сборных элементов всемирно известного конструктора «Lego», и управления ими с использованием персональных компьютеров. Действительно, возможности современных игровых технологий огромны, но при внедрении последних необходимо не забывать о проблемах оптимизации трудового обучения с двух позиций – «субстанциональной» и «функциональной».

«Субстанциональная» оптимизация должна проводиться очень аккуратно. Необходимо, во-первых, учитывать возрастные психофизиологические особенности учащихся, чтобы не перегрузить их организм. Во-вторых, уже в рамках основной школы показать преимущества и особенности взаимодействия с кибернетической техникой, В-третьих, помочь усвоить экономические механизмы регулирования потребления и требования к оформлению предметов труда и услуг. В-четвертых, не нарушать дидактические принципы трудового обучения, главного преимущества отечественной системы трудовой подготовки.

«Функциональную» оптимизацию можно провести из сравнительного анализа формирования производственных функций будущего работника. С помощью операционно-предметной или операционно-комплексной систем трудовой подготовки, которые преимущественно используются в отечественной школе. С помощью этих систем хорошо развиваются такие производственные функции, как двигательная (энергетическая), исполнительская, локально-управленческая, а гармоничное формирование творческой, проектировочной и функции принятия решения свернуто.

Предметно-операционная система трудовой подготовки (современное название – «метод творческих проектов»), наоборот, хорошо развивает последние три функции, а развитие первых происходит неудовлетворительно. При этом трудовые умения, которые со временем быстро релаксируют, формируются до низкого (первоначального) уровня. В «Технологии» необходимо все семь производственных функций развивать гармонично и до высокого уровня (не ниже операционного), формировать умения их осуществления [6].

Во многих школах успешно внедряется рекомендованная Главным управлением развития общего среднего образования МОРФ программа «Технология». Данная программа, как уже отмечалось выше, отвечает всем требованиям современного производства и позволяет на практике реализовывать деятельностный подход в трудовом обучении.

За время социально-экономических реформ происходивших в нашей стране, начиная с 90-х годов 20-го столетия, в большинстве школ была полностью или в большей степени утрачена материальная база трудового обучения, политика государства, проводимая по отношению к учительскому составу, лишила школы квалифицированных преподавателей труда. Но даже в тех школах, где удалось в той или иной степени сохранить базу, даже там все оборудование, приборы и приспособления, которые необходимы для квалифицированного преподавания основ современного производства, оказались «устаревшими», не соответствующими требованиям развития техники в мировом сообществе. Однако говорит ли это о том, что специализация преподаватель технологии (учитель трудового обучения), оказалась не востребованной современной российской школой? Данный вопрос может быть задан и по отношению к любой профессии, например «Нужны ли токари, фрезеровщики, крановщики, инженеры и т.д.?». Проблема состоит в том, что невозможность для большинства школ обеспечить необходимым, современным оборудованием кабинеты трудового обучения (кабинеты «Технологии»), приводит к остановке учебного процесса в данной области знаний. Подобный подход директоров образовательных учреждений к решению данной проблемы является недопустимым, хотя трудности, с которыми приходится сталкиваться школам, пытающимся сохранить в учебном плане образовательную область «Технология» действительно велики. Технология, как синкретичный предмет общего образования, требует не только профессиональных преподавателей, но соответствующего материального обеспечения. Естественно, гораздо более простым решением является отмена, «вычеркивание» «Технологии» из списка обязательных предметов. Но опыт дореволюционной и советской школы и современный опыт зарубежных стран говорят о том, что изучение основ производства, разнообразных технологий, ручного труда, всего того, что предлагает к изучению образовательная область «Технология», не только повышает общую эрудированность будущих выпускников, но и помогает в развитии ручной умелости, способствует гармоничному развитию личности, обеспечивает так называемое правополушарное развитие мозга учащихся, готовит их к трудовой жизни в современных, насыщенных техникой и разнообразными технологиями обществе. Мы надеемся, что в ближайшем будущем ситуация в области трудового обучения, да и в школе в целом изменится в лучшую сторону.

Тем не менее, возникает вопрос: «А в чем, собственно, проявляется необходимость сохранения образовательной области «Технология» в образовании?». Ответ на поставленный вопрос мы можем найти в переменах, происходящих в обществе. О.Е. Лебедев отмечает: «Современный мир предстает как быстро меняющийся мир: изменения происходят во всех сферах жизни, они охватывают область базовых ценностей. Прогнозирование изменений, которые могут произойти в течение жизни одного поколения, оказываются невозможными. В этой ситуации школа должна готовить детей к жизни, о которой сама не имеет яс-

ного представления» [7]. Анализируя проблему целей образования, О.Е. Лебедев говорит о необходимости учета декларируемых (официальные документы, научные труды) и реальных (осуществляемых на практике) целей образования. О характере реальных целей школьного образования можно судить по содержанию учебников, в частности по совокупности вопросов и заданий, которые дают полное представление о направленности образовательного процесса. Далее в статье, ссылаясь на группу исследователей (Е.И. Казакова, Р.У. Богданова, С.А. Писарева, Н.И. Неупокоева), О.Е. Лебедев говорит о том, что «есть все основания утверждать, что в реальной практике в качестве основных целей школьного образования выступает формирование суммы предметных знаний и умений. Такая целевая ориентация исходит из понимания сущности образования как процесса передачи и усвоения знаний и умений. При такой ориентации главное значение приобретают количественные параметры (объем знаний, число усвоенных умений и т.д.)» [8].

Эту же проблему затрагивает и Ю.М. Забродин. Говоря о внутренней реорганизации общеобразовательной и профессиональной школы, он отмечает: «...довольно много внимания уделяется овладению запасом академических знаний и значительно меньше – овладению практическими навыками работы в условиях изменяющейся экономики. Выпускники общеобразовательной и профессиональной школ не имеют сколько-нибудь ясной жизненной перспективы и *страдают от неопределенности профессиональной карьеры*» [9].

Построение процесса обучения с учетом предлагаемых образовательной областью «Технология» методов является, на наш взгляд, вообще чрезвычайно полезным и перспективным, тем более на современном этапе развития школы, когда детей учат аналитическому и одностороннему подходу даже к художественной литературе. «Приобщение учащихся к другим видам искусства вообще не считается прямой задачей школы, и в результате нет никакого противовеса иссушающей формальной логике. Это приводит не только к сужению интересов и недостаточно гармоничному развитию – дефицит образного мышления отрицательно сказывается и на творчестве даже в сфере точных наук. Кроме того, это снижает устойчивость к психологическим стрессам, поскольку ослабляет механизмы психологической защиты» [10].

Сохранение же и усиление направлений, предлагаемых для изучения образовательной областью «Технология», уникальное сочетание разнообразных видов деятельности предлагаемых данной областью знаний, построение изучения данного предмета, основанного на образном мышлении, творчестве, ручном труде, возможности воплощать собственные идеи в реальный результат приведет, по нашему мнению, к усилению конкурентоспособности и профессиональной мобильности, сегодняшних школьников на рынке труда. Таким образом, образование будет идти «...параллельно с развитием профессиональной карьеры работника» [11].

В пользу положительной роли образовательной области «Технология» в системе общего образования фиксируется и тот факт, что технологическое образование формирует специфический тип мышления – конструктивный, отличающийся от типа мышления, замкнутого на индуктивном и дедуктивном методах суждения. Таким образом, предмет «Технология» создает новые предпосылки для соорганизации в процессе обучения различных способов познания («конкретного» и «формального» – по Пиаже, «иконического» и «символического» – по Брунеру) и непосредственного мыслительного развития, что само по себе представляет образовательно-воспитательную ценность [12].

Современная образовательная область «Технология», соорганизуемая в своем содержании разнообразные виды деятельности и знаний, включая такие, как дизайн, маркетинг,

экономика, изобразительное искусство, художественный труд и др., базируется на области невербальных методов мышления, включая большое количество кодовых элементов – от графики до языка метапредметов (моделей, систем, композиций) и массовых действий. Большинство этих мыслительных способов связано с функционированием правого полушария головного мозга, что расширяет пространство мышления, открывает новые ресурсы обучения и воспитания [13].

Из области психофизиологии нам известно, что человеку (только человеку) свойственна функциональная асимметрия головного мозга (от греч. *asymmetria* – несоразмерность) – характеристика распределения психических функций между левым и правым полушарием. Основное различие между полушариями определяется не столько особенностями используемого материала (вербального или образного), сколько способами организации, характером переработки информации, т.е. типом мышления. «Левополушарное» мышление является дискретным и аналитическим, «правополушарное» – пространственно-образным – симультантным (одновременным) и синтетическим. Оба полушария функционируют во взаимосвязи, внося свою специфику в работу мозга [14].

Работы лаборатории профессора Э.А. Костандова показали, что правое полушарие у здоровых людей быстрее левого реагирует практически на любую информацию – и образную, и словесную. Тем не менее, различия между ними все-таки имеются. Основной отличительной особенностью «правополушарного» – образного – мышления считают способность целостно, в комплексе воспринимать предметы и явления, с одновременной и даже мгновенной обработкой многих, если не всех параметров. А «левополушарное» мышление наделяют способностью к последовательной обработке информации, когда познание происходит ступенчато, шаг за шагом, и благодаря этому носит аналитический, а не синтетический характер.

Так, одним из примеров правополушарного мышления является творчество – и в искусстве, и в науке. Тот общепризнанный факт, что произведения искусства не поддаются исчерпывающему анализу и безоговорочной интерпретации, а суть их не сводится к формальной сюжетной основе, как раз и отражает роль многозначного контекста. Для научного творчества, то есть для преодоления традиционных (обыденных) представлений, также необходимо восприятие мира во всей его ценности, «... вот почему способность к организации многозначного контекста является как бы общим знаменателем любого вида творчества, независимо от его направленности и конкретного содержания» [15].

На сегодняшний день существуют многочисленные наблюдения и результаты психофизиологических исследований, доказывающие, что для людей способных к образному мышлению («правополушарники») творческая деятельность менее утомительна, чем рутинная, однообразная работа. Люди же, не способные мыслить творчески («левополушарники»), нередко предпочитают монотонную, механическую работу, при этом она не кажется им скучной. Люди подобного склада закрепощены собственным формально-логическим мышлением. Как сказал В. Ротенберг, «... стремление к творчеству, высокие духовные запросы кажутся им ненужной блажью, даже глупостью. Мир для них однозначен, как дважды два четыре, но насколько же он обеднен!» [16].

Основа типов мышления закладывается в школе. Известно, что доминирование того или иного типа мышления не предопределено генетически, а связано с особенностями воспитания и развития. Среднее образование, построенное именно на формально-логическом мышлении, способствует формированию однозначного контекста, и чем более прикладывается к этому усилий, тем труднее в дальнейшем выйти из рамок однозначности. Соответст-

венно, перестройка сложившегося типа мышления – дело медленное и трудное. Отсюда ясно, как «...важно с ранних лет правильно строить воспитание и обучение, чтобы оба нужных человеку типа мышления развивались гармонично, чтобы образное мышление не оказалось скованным рассудочностью, чтобы не иссякал творческий потенциал человека» [17].

В современных условиях, когда Россия вовлекается в мирохозяйственные отношения, которые требуют высокой проектной культуры, мобильности личности, основной упор главным образом делается на возможности логико-вербального мышления, современная школа практически не апеллирует к резервным возможностям образного стиля мышления. Для решения данной проблемы необходимо, чтобы школьное обучение строилось с учетом преобладающего у детей образного мышления, с использованием образного типа переработки информации, что, впрочем, возможно обеспечить методами и средствами, которые на сегодняшний день может предложить только образовательная область «Технология».

Таким образом, анализируя все вышесказанное, мы можем утверждать, что основной целью сохранения образовательного предмета «Технология» в сфере образования должно являться не вооружение учащихся умениями профессиональной деятельности на основе овладения профессиональными же способами деятельности, сведениями, источниками и т.д. и т.п., а в «создании условий для становления базовой культуры личности, т.е. культуры жизненного (личностного и профессионального) самоопределения учащихся и способности учащегося «решать познавательные, практические, ценностные и другие задачи, на основе присвоенного социального опыта (содержания образования)» [18].

Обобщая все вышесказанное, мы можем выделить основные аргументы в пользу сохранения образовательной области «Технология» в среднем общем полном образовании.

Во-первых, ручной труд развивает природные способности разрешения проблем реального мира, которые точному формулированию не поддаются, и помогает мыслительному развитию через предметно-образные (иконические), творческие способы познания.

Во-вторых, развитие ручной умелости создает благоприятные условия для развития способностей к невербальному мышлению и общению.

В-третьих, образовательная область «Технология», как синкретичный предмет, соединяет в себе многие виды деятельности, построенные на пространственно-образном – симультантном (одновременном) и синтетическом мышлении и способствует гармоничному развитию личности учащихся.

В-четвертых, ручной труд, являясь специфической областью школьной деятельности, напрямую связанной с политическими, экономическими, и социокультурными особенностями развития государства, вовлекает учащихся в сферу процесса производства, воспроизводства и трансляции культуры, что подчеркивает актуальность его включения в образование, прежде всего в общее.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что общеобразовательный предмет «Технология», позволяет готовить учащихся к реально действующим «жизненным законам», воспитывает в них профессиональную мобильность, обеспечивает воспитание эстетически грамотного потребителя, дает возможность самореализоваться в условиях современной действительности и, что наиболее важно, готовит его к труду на благо себя, своей семьи и в конечном итоге своей страны.

Примечания

1. Педагогическая энциклопедия. Т.4: – М.: Советская энциклопедия, 1968. – С. 534.

2. Бердышев А.В. Образовательная область «Технология» и технология образования. Развитие инновационных процессов в системе «Школа – ВУЗ». Материалы международной научно-практической конференции. – СПб., 1998. – С. 24-25.
3. Радионов В.Е. Нетрадиционное педагогическое проектирование: Учеб. пособие. – СПб., 1996. – С. 11-12.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений /Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова.– М.: Азбуковник, 1999. – С. 797.
5. Бердышев А.В. Труд и «Технология». Образование XXI века. Проблемы, прогнозы, модели, проекты. Материалы международной научно-практической конференции. – СПб., 1998. – С. 44.
6. Там же. – С. 45.
7. Лебедев О.Е. Образованность учащихся как цель образования и образовательный результат. // Контроль качества и оценка в образовании: Материалы международной конференции. – СПб., 1998. – С. 11
8. Там же. – С. 13
9. Забродин Ю.М. Профессиональное образование: проблемы и перспективы развития человеческих ресурсов в условиях рынка. // Реформирование содержания начального и профессионального образования: Мат-лы междунар. конф. – СПб., 1999. – С. 38-40
10. Ротенберг В. Мозг. Стратегия полушарий. – Наука и жизнь. – 1984. – №6. – С. 34.
11. Забродин Ю.М. Профессиональное образование: проблемы и перспективы развития человеческих ресурсов в условиях рынка. // Реформирование содержания начального и профессионального образования: Мат-лы междунар. конф. – СПб., 1999. – С. 38-40.
12. Тхагапсоев Х.Г. Проективно-эстетическая парадигма образования: региональный подход. – Автореферат дис. на соиск. степени д.ф.н. – Нальчик, 1997.
13. Грюссер О., Зельке Т., Цинда Б. Функциональная асимметрия мозга и ее значение для искусства, эстетического воспитания и художественного творчества. // Красота и мозг. – М., 1995. – С 74-78.
14. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990.
15. Ротенберг В. Мозг. Стратегия полушарий. Наука и жизнь. – 1984. – №6. – С.34.
16. Там же – С.35.
17. Там же.
18. Тряпицына А.П. Инновационные процессы в образовании. II. Интеграция российского и западноевропейского опыта: Сб. ст. – СПб. 1997. – С. 54-55.

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Д.Н. Маслюженко

ШИБАНИДЫ В ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ДЕЛАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV – НАЧАЛЕ XV ВЕКОВ: ИСТОКИ СИБИРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

История Тюменского ханства, как и его политических наследников – Сибирского княжества и Сибирского ханства, – является одной из наиболее ярких страниц истории региона в период позднего средневековья. Правление в 1420-1490-е гг. ханов Хаджи-Мухаммада, Абу-л-Хайра, Ибрахима из династии Шибанидов определило процесс становления и развития Тюменского ханства как одного из полноправных наследников золотоордынской «государственной» традиции. В то же время его появление было бы невозможно без событий в самой Золотой Орде в 1360-1410-х гг., приведших к распаду этой кочевой империи и, соответственно, к сепаратизму различных династий Джучидов.

К этому времени среди Шибанидов происходит раскол, в результате которого крупнейшими ветвями становятся те же семейные линии, из состава которых в дальнейшем выделились сибирские, бухарские и хивинские ханы [см. подробнее: 18, с.158-159]. Политический статус представителей этой династии позволил им принять активное участие в событиях Замятни и последующих попытках реставрации Золотой Орды при хане Тохтамыше и беке Едигее. Рассматриваемый период был не первой междоусобицей в Орде, однако его спецификой было то, что большинство участников относилось не к дому Бату и, соответственно, не имело явных преимуществ в борьбе за власть. Предварительно отметим, что из числа Шибанидов в этих событиях в основном участвовали младшие представители рода, у которых не было шансов получить власть по наследству в значительном по величине улусе.

По всей видимости, одним из первых среди Шибанидов в борьбу за золотоордынский престол вмешался Хызр-хан (или Хидыр в русских летописях). Причем при нем Золотая Орда еще сохраняла видимость единства, и не все авторы правление данного хана относят собственно к периоду Замятни. По родословным его можно отнести к потомкам третьего сына Шибана Кадака, от которого он отстоит на три поколения. Возможное соотнесение его со старшим сыном Ибрахим-хана б. Пулада в высшей степени сомнительно, поскольку он, исходя из родословных, во время этих событий был еще маленьким ребенком [19, с.37, с.350]. К тому же Утемиш-хаджи, рассказывая о пожаловании Шибанидам земель у Ак-Куля, указывает, что их владельцем стал отец Хызра Мангутай [35, с.109]. Отметим, что у Натанзи существует версия, что на самом деле Хызр-оглан был сыном Сасы-Буки из династии Ногая [11, с.312], но позиция этого автора относительно ряда событий и генеалогии уже неоднократно подвергалась сомнению и не подтверждается иными источниками.

Из Патриаршей, или Никоновской, летописи известно: “В лето 6868 (1361) пришел с востока некий заяицкий царь Хидырь против царя своего Наурузу... сел на Волжском царстве... В лето 6869 убиен был царь Хидырь, тихий и кроткий, и смиренный ... от старшего сына Темир-Хози” [25, т.9-10, с.232-233]. Темир-Ходжу за это убийство называли “чернолицым ханом (Йузи-Кара-хан или просто Кара-хан)” [19, с.37, с.350]. По всей видимости, некоторое время он сам хозяйничал в Сарая, по крайней мере, до своей смерти от рук темника Мамаю в том же году. Однако короткое правление Кара-хана внесло дополнительную путаницу в источники по истории этого периода. Все эти факты находят достаточное подтверждение в “Чингиз-наме”, автор которого в отношении событий второй половины XIV века более достоверен, поскольку частично опирается на родовые легенды, рассказанные ему Ильбарс-ханом Шибанидом.

В последнем источнике говорится, что Хызр-хан воцарился в Сарая по приглашению Тай-туглы-бегим, жены Узбека. По восшествию на престол он уничтожил знаменитую золотую юрту, в которой происходил обряд воцарения ханов, давшей название «Золотая Орда» этому государству в русских источниках. Однако Хызр-хан отказался жениться на своей покровительнице, причем сделал это с подачи своего советника из числа найманов, которые были одним из четырех племен, отданных Бату в улус Шибана. В результате хан был изгнан (?). Вскоре правление женщины надоело сарайским вельможам, и в результате заговора произошло вторичное воцарение этого Шибанида, прерванное его убийством собственным сыном [35, с.109-113].

Существует предположение, что вскоре после этого чеканил монету в качестве золотоордынского хана упомянутый выше Пулад, потомок старшего сына Шибана Бахадура [1, с.33], однако его правление по времени было столь невелико, что часто не отмечается в сводках золотоордынских ханов [см., например: 36, с.46]. Косвенно это может подтверждаться фразой Махмуда бен Вали о Пуладе: «он после кончины своего великого родителя поставил ногу на трон владычества и занялся разрешением важных дел рода человеческого» [19, с.348], хотя в целом подобные характеристики являются некими ритуальными и обязательными в источниках шибанидского круга летописания.

По данным М.Г. Сафаргалиева, основанным на «Муиззи», в 1368 году Хасан-оглан Шибанид изгнал из Сарая Мамаю и его ставленника Абдаллаха [27, с.388]. По версиям уже позднейших родословных единственный Шибанид с таким именем может быть идентифицирован как младший сын «правителя Турана» Бекконди, интересного для нас в качестве основателя сибирской ветви династии. Впрочем, его правление также было непродолжительным, поскольку уже в 1369 году Хасан проиграл сражение, причем сам он, возможно, был убит.

В целом более успешно в первое десятилетие Замятни шли дела у потомков Орды-Ичена, старшего сына Джучи, особенно в правление Урус-хана в 1374-1377 годах. Все это время шла борьба ханов Белой (Шибаниды) и Синей Орды за контроль на берегах Аральского моря, что давало необходимый доступ к Великому шелковому пути [27, с.390-392], хотя в целом большая часть Восточного Дешта с центром в Сыгнаке находилась в руках Урус-хана. Для увеличения объема властных полномочий Урус-хан также вмешался в борьбу за сарайский престол, на котором он продержался нескольких лет, вступая в постоянные военные столкновения со знаменитым Тамерланом [11, с.313-319].

События вокруг престола Великого хана, раздоры Шибанидов и потомков Орды-Ичена тесно увязывались еще и с неурядицами внутри дома Шибана, где наследником престола считался сын Пулада и внук Минг-Тимур-хана Ибрахим-хан [19, с.348]. При этом

старшим по возрасту в роду был не он, а его дядя Ильбек б. Минг-Тимур-хан, походный эмир последнего до Замятни золотоордынского хана Бердибека. В 1373/1374 гг. Ильбек в Сарайчике чеканит монету, претендуя тем самым на титул золотоордынского хана [27, с.382]. По данным ибн Халдуна, он захватил и сам Сарай [30, с.391], при этом разбив Хаджи (Салчи)-Черкеса, погубившего ранее Хасан-оглана. По мнению М.Г. Сафаргалиева, в 1375 там печатали его монеты, а право на самостоятельную денежную эмиссию имели лишь суверенные ханы [27, с.389]. Его власть также долго не продержалась, поскольку он погиб от рук Урус-хана в борьбе за Сарайчик.

А.П. Григорьев в статье о борьбе Шибанидов за сарайский престол пишет, что сами авторы источников, дополнительно усложняя проблему для будущих исследователей, часто путали Сарай, Нижний Сарай и Сарайчик [9, с.170-174]. Данное замечание вполне справедливо, хотя сами Шибаниды в большинстве своем печатали монеты в Сарайчике, хотя нельзя не отметить того, что существует мнение о г. Сарайчике как столице Урус-хана в период 1368-1379 годов. В 1375/1376 гг. монету в Нижнем Сарае печатает уже Каанбек, сын Ильбека. Причем этих же двух ханов в такой же последовательности упоминает и ал-Калкашанди [10, с.297-298]. Каанбек удачно маневрирует между ставленниками Мамая и Урус-ханом, сохраняя за собой Нижний Сарай и, возможно, Сарайчик. Около 1376 года под давлением Урус-хана он окончательно оставляет Поволжье, о чем сообщает ибн Халдун [30, с.391]. Там его сменяет племянник Араб-шах (младший сын Пулада, Арапша русских летописей), оставляя Каанбеку территорию родового улуса. Патриаршая, или Никоновская, летопись, как и другие русские летописи, сообщает, что «...в год 6885 (1376) пришел царевич Арапша в Мамаеву Волжскую орду. Он был свиреп зело, ратник хороший, но молод, однако разбил многих. Арапша захотел идти на Нижний Новгород и разбил русских на р. Пьяне, а в году 6886 ограбил Рязань» [25, т.11-12, с.27-28]. В 1377 году престол Сарая снова перехватывает Урус-хан, которому титул хана должен был дать дополнительные силы для борьбы с Шибанидами. Впрочем, Нижний Сарай оставался под властью Араб-шаха [9, с.174]. Заметим, что во всех случаях, кроме Хасана б. Бекконди, участие в борьбе за сарайский престол принимали представители старших ветвей Шибанидов, владения которых располагались по р.Урал или в степях Западного Казахстана. Возможно, сибирские Шибаниды уже в этот период находились на северной периферии золотоордынского мира.

Борьба приняла абсолютно новый оборот с появлением на политической арене еще одного претендента на сарайский престол – Тохтамыша. По ал-Калкашанди, он уже был сарайским ханом сразу после смерти Бердибека, при этом там же зафиксировано его упоминание в качестве сына Бердибека [10, с.298]. Хотя точное родословие данного претендента на сарайский престол непонятно, но большинство авторов склоняется к тому, что он принадлежал к дому Тука-Тимура по линии Туй-Ходжи-оглана, владевшего Мангышлаком [13, с.70; 15, с.200]. В свое время он поддержал Урус-хана, но когда тот ввязался в борьбу с Тимуром, перешел на сторону последнего и разгромил сына Урус-хана в 1377 году [6, с.253-254]. Хотя, по мнению Натанзи, причина бегства Тохтамыша скрывалась в том, что Урус-хан убил его отца, отказавшегося участвовать в завоевании Кок-Орды [11, с.313].

Соглашение между Тимуром и Тохтамышем могло существовать лишь до тех пор, пока они наделись использовать друг друга в политических целях, особенно учитывая сложность положения Тамерлана как нечингизда [38, с.9]. Одновременно с этим, на определенном этапе оказалось, что их цели, в частности, в борьбе за централизацию, были чрезвычайно схожими, а соответственно – противоречащими друг другу. Оба они в той или иной степени претендовали на реставрацию былого величия кочевых государств под властью Чин-

гизидов, но при этом Тохтамыш, как представитель этого рода, действительно обладал для этого всеми легитимными правами, а Тимур был лишь гурганом (ханским зятем) и самостоятельным правителем с точки зрения степного права быть не мог. К тому же интересы Тохтамыша были схожи со стереотипными взглядами в среде Джучидов, стремившихся захватить Сарай и тем самым узаконить объединение Золотой Орды под своей властью. Для Тимура, привязанного к среднеазиатским делам, это бы означало появление могущественного противника на северной границе, которая и без этого была наиболее нестабильной, благодаря нападению кочевых племен из казахстанских степей.

В противостоянии дому Орды новый претендент был поддержан Шибанидами, поскольку это соответствовало их интересам. Утемиш-хаджи пишет, что, когда Тохтамыш-оглан убегал от Урус-хана, не зная об убийстве последнего, он пришел к Каан-баю б. Ильбеку (он же ранее упомянутый Каанбек), незадолго до этого изгнанному из Сарая, и получил от него небольшой непочетный удел. Тохтамыш предложил Каан-баю главенство в походе на Мамай, тот в начале согласился, но вскоре, поменяв свою позицию, отказался. Тогда Тохтамыш был с большим почетом приглашен к Араб-оглану (он же Арабшах), сыну Пулада. Араб-оглан дал Тохтамышу военный отряд, но сам в поход не пошел, ссылаясь на решение старшего в роду Каан-бая [35, с.117]. Впрочем, по данным ал-Дженнаби, Араб-шах (или Араб-оглан) отдельными представителями степной аристократии сам рассматривался в качестве одного из могущественных степных лидеров [11, с.238].

Ожесточению борьбы способствовали гибель Урус-хана и начало вражды между его потомками, а также падение авторитета темника Мамай после событий 1380 года. Вскоре Тохтамыш захватил престол, Араб-оглан Шибанид получил правое крыло и стал его советником. Помимо этого, были поддержаны его претензии на главенство среди Шибанидов, при этом Каан-бай получил тот же непочетный улус в устье р. Тана, который предлагал Тохтамышу. Главенство среди Шибанидов необходимо было для проведения внешних завоевательных походов [24, с.6], поскольку теоретически в таком случае войска должны были бы предоставлять все члены рода. Учитывая то, что среди Сибирских Шибанидов этого времени источники не называют ни одного хана, можно предположить, что они полностью поддерживали своих родственников в борьбе, и, соответственно, хан мог опираться на силы всего улуса.

Однако надежды на Тохтамыша не оправдались. Борьба с Тимуром явно складывалась не в его пользу. Первый же его поход подорвал могущество даже разрозненных сил потомков Урус-хана и прошел по Иртышу [12, с.422]. Весной 1391 года курултай на Сырдарье одобрил поход на Сарай [6, с.277]. По предположению Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского, Тохтамыш готовил свое войско против Тимура где-то в районе Притоболья [8, с.359]. В "Книге побед" Шереф ад-Дина Йезди сообщается, что Тимур в погоне за Тохтамышем дважды прошел Кичпак, разорив его полностью, при этом достиг Иртыша и пересек Абугу и Тобол, недалеко от Яика [31, с.115], то есть прошел непосредственно по территории Шибанидов, поддерживающих Тохтамыша. Низам-ад-Дин Шами по этому поводу пишет, что, перейдя Тобол, сторожевой отряд войск Тимура увидел 500 очагов, где недавно горел огонь, но не нашел войск противника [11, с.295-296]. К большому для современного исследователя сожалению, в источниках не сохранилась информация человека, возможно, жившего в юрте недалеко от этой реки. Однако можно предположить, что переход именно в этом месте был обусловлен тем, что где-то здесь могла проходить весьма условная граница между владениями яикских и сибирских Шибанидов. Во время второго похода на Сарай в 1395 году Тимур не дошел до Сарайчика, возможно, опасаясь засады и не желая вмешивать-

ся в еще одну битву на крупнейшей переправе через Яик [33, с.227]. Причем, преследуя Тохтамыша, бежавшего в Булгар, войска Тамерлана достигли мест, расположенных непосредственно у «моря мрака» [11, с.357]. Под последним наименованием, скорее всего, в среднеазиатской географической традиции видели западносибирскую тайгу [4, с.31-33]. В целом походы Тамерлана привели к кризису городской экономики и культуры, лежавшей в основе Золотой Орды на этом этапе ее существования, а также золотоордынской торговли и стали одной из важнейших причин исчезновения этого степного «государства».

Необходимо отметить, что сказанное выше является в большей степени мыслительным конструктом, поскольку известные нам источники практически ничего не сообщают о Шибанидах в период походов Тимура на Золотую Орду. Нельзя не отметить, что, по мнению Д.М.Исхакова, после нападения Тимура на Золотую Орду один из сыновей правившего в г. Булгаре хана Габдуллы Алим-бек пришел в Тобол-Туру, где «держал юрт» [14, с.102]. В этой весьма привлекательной легенде, возможно, содержится некое рациональное зерно, но в таком случае требуется выяснить местонахождение города Тобол-Тура, который не может быть напрямую интерпретирован как Чимги-Тура. Возможно, что часть данного источника сформировалась под влиянием более поздних казанско-сибирских связей. Если же верить данной легенде, то получается, что уже в этот период устанавливаются близкие отношения между Сибирью и Казанью, которые в дальнейшем определили и поход Эдигея с Чекре, и совместную выплату дани этих регионов Абу-л-Хайр-хану, и направления внешней политики Ибрахим-хана и его братьев.

После разгрома войск Тохтамыша на Ворскле отрядами Тимур-Кутлука его престиж упал, и в 1398 году он был вынужден бежать от очередного претендента на престол Шадибека, которого поддерживал могущественный мангытский беклярибек Едигей, в Тюмень [27, с.436]. В этой связи Натаниси (Аноним Искандера) прямо указывает, что хан «умер естественной смертью в 800 г. (24 сентября 1397 – 12 сентября 1398 гг.) в пределах Тулина», где Тулин это Тюмень [11, с.315]. Следует отдельно остановиться на вопросе местонахождения этого города, поскольку помимо Тюмени Сибирской была известна Тюмень на Терекке, что вносит значительную путаницу во многие документы более позднего времени. В отношении ухода Тохтамыша и дальнейших событий даже на страницах одной книги можно встретить разночтения. Так, например, в одной из работ Т.И.Султанова говорится о гибели интересующего нас хана около Тюмени (тюрк. «низина», как называлась местность в низовьях р. Терек), а в аннотированном списке имен в той же работе, но составленном Р.Ю.Почекаевым, уже пишут о тех же событиях, но при этом в качестве места смерти указываются верховья р. Тобол [29, сравни с.232 и с.426].

Подход к этой проблеме должен, видимо, исходить из внешнеполитической обстановки в степях конца XIV – начала XV в. Известно, что р.Терек упоминается в контексте деятельности Тохтамыша как место его последнего разгрома Тимуром в 1395 г. [32, с.62], но при этом в источниках об этом регионе не упоминается ни один потенциальный союзник хана. Скорее всего, особый Тюменский улус на Терекке – это явление более позднего времени. В то же время выбор Тюмени в Сибири вполне может быть обоснован несколькими причинами. Прежде всего, данный улус располагался на крайней периферии золотоордынского пространства, что позволяло отсидеться вдали от степных проблем и даже попытаться накопить новые силы, как это предполагает И.М.Миргалеев [20, с.147]. Одновременно с этим он непосредственно был связан с Булгаром, где, как сказано выше, уже пытался укрыться Тохтамыш ранее. При столь выгодном положении напомним, что уже на карте 1367 года итальянских купцов Франциска и Доминико Пицигани в стране Сибирь было два крупных горо-

да: Искер (?) на Иртыше и Чимги-Тура [16, с.130-131]. Немаловажным было и то, что Шибаниды уже поддержали однажды Тохтамыша и, соответственно, могли вновь это сделать. С учетом всего этого мы должны понимать тот факт, что Терек располагался гораздо ближе к Ворскле, где Тохтамыш потерпел поражение. Отступлению же в Сибирь препятствовали как располагавшиеся на р.Яик мангытские юрты, подчинявшиеся Едигею, так и то, что под его управлением находилась и территория к востоку от Урала, в том числе отдельные ногайские племена на р.Ишим [32, с.69, 79]. Соответственно Тохтамыш, фактически оставшийся без войск, должен был пересечь враждебную территорию, весьма значительную по протяженности. При этом весьма любопытной представляется уже приводимая информация Шереф-ад-Дина Йезди в «Книге побед» о том, что после разгрома 1395 года «Тохтамыш-хан бросил ханство... и... ушел в сторону Булара, в лесистую местность. Победоносное войско [Тимура] с этой стороны реки дошло до того же места, до которого оно в первый поход на Дешт добралось с той стороны реки, и ограбило. Место это недалеко от «страны мрака»» [11, с.357]. Данное сообщение подчеркивает, что северный путь бегства не был для Тохтамыша чем-то исключительным.

Рассмотрим эту проблему с точки зрения дальнейших событий. М.Г.Сафаргалиев считал, что Тохтамышу удалось создать значительный улус с центром в Томске [27, с.436], однако такая точка зрения фактически не находит подтверждения в источниках. Только в некоторых сибирских легендах встречается информация о том, что часть деревень по Ишиму и Иртышу названа именно в честь Тохтамыша [28]. К этому времени, то есть к началу XV в., Едигей объединил через подставных ханов большую часть Дешта [27, с.435]. В этом отношении он выступал сторонником централизаторских тенденций в Золотой Орде, как и Тохтамыш. Однако, если последний, относясь к Чингизидам, обладал несомненными правами на власть, то Едигей испытывал те же проблемы, что и отчасти Тимур и в значительной мере Мамай, не имея таких полномочий. Уже позднее с целью обоснования его власти была придумана генеалогия, возводящая его род к святому мусульманскому проповеднику Баба-Туклесу, а через него к халифу Абу-Бекру, и, видимо, достаточная, по крайней мере, для внешнеполитической деятельности [32, с.177-180].

Судя, по данным Иоганна Шильтбергера, Едигей продолжал считать Тохтамыша не только потенциальным, но и весьма опасным противником. По крайней мере, в ином случае сложно объяснить организацию им специального похода в Сибирь, в котором его сопровождал царевич Чекре, пребывание которого ранее при дворе Тимура подтверждает Шереф-ад-дин Йезди [11, с.366]. Генеалогия этого хана весьма запутана, и на данный момент невозможно однозначно доказать его принадлежность как к дому Тука-Тимура, так и Орды-Ичена. Чекре вполне мог быть противопоставлен Тохтамышу как столь же легитимный хан, но при этом вполне лояльный к беклярибеку. В источнике указывается, что наместник (неясно, кто это, возможно он идентичен судьям более ранних и даругам/хакимам поздних источников) Сибири прислал Едигею подарок [37, с.33-34]. Общая логика и контекст событий позволяют нам предположить, что тем самым Шибаниды подчеркивали свой отказ от поддержки Тохтамыша. Это было вполне объяснимо с той точки зрения, что Тохтамыш для Шибанидов в этот момент также выступал нежелательным конкурентом, занимая часть территории родового улуса этой династии. В результате Сибирь была подчинена, хотя неясно, в чем именно это выражалось, поскольку сам Чекре не стал ее правителем, несмотря на утверждение некоторых историков о том, что он был сибирским ханом в 1407-1413 гг. [26, с.15]. В источнике неоднократно указывается на намерение Едигея посадить Чекре на престол предков в Сибири. Но при этом Иоганн Шильтбергер пишет, что «после покорения

Сибири Эдигей и Чакра вступили в Булгарию» [37, с.35], а вся его дальнейшая деятельность была связана с борьбой за Сарай или, по некоторым источникам, Хаджи-Тархан [11, с.329]. Отметим, что информация И.Шильтбергера вновь обращает внимание на тесную связь территории Булгара (будущего Казанского ханства) и Сибири.

С точки зрения археологии, именно период XIV века, в частности его вторая половина, стали временем расширения сферы влияния тюркоязычных кочевников в Сибири, где в частности по Туре формируются памятники т.н. «туралинского типа», непосредственно связанные с этногенезом тюменских татар [21, с.177]. С одной стороны, это может быть связано с сибирской политикой Шибанидов, стремившихся укрепить здесь свою власть, с другой – является отголоском походов Тимура, Тохтамыша и Едигея, в результате которых значительные массы номадов оказываются в Сибири, где обстановка видимо отличалась большей стабильностью.

Как и другие путешественники, Шильтбергер уделяет значительное внимание религиозным вопросам. Он указывает, «что местные (т.е. сибирские, – Д.М.) жители поклоняются Христу, подобно трем царям, пришедшим для принесения ему жертвы в Вифлеем, где его видели в яслях. Поэтому в их храмах можно видеть изображение Христа, представленного в том виде, в каком его застали три царя, и перед этими образами они молятся. Приверженцев этого толка называют угинами; они и в Татарии встречаются в большом числе» [37, с.35]. Под «угинами» комментаторы вполне резонно понимают буддистов или ламаистов. Одновременно с этим сам автор далее при делении всех язычников на пять групп говорит о том, что «есть, в-третьих, такие, которые исповедуют веру трех царей до их крещения» [37, с.57]. В целом классификация религиозных воззрений у Иоганна Шильтбергера не совсем ясна. Однако в изначальных комментариях у первого переводчика И. Шильтбергера Ф.Бруна рассматриваемый пример трактуется как проникновение буддизма [37]. В религиозной иконографии буддизма часто присутствует образ младенца Иисуса. Следует отметить, что в Китае несторианская проповедь часто облачалась в «буддистские одежды» и это не считалось отклонением от традиции [17, с.64-69].

Данное сообщение действительно весьма сложно поддается интерпретации, хотя сам сюжет основан на библейской легенде о трех царях, посетивших Иисуса-младенца. Как нам кажется, следует подробнее остановиться на самом образе волхвов, поскольку само это понятие характерно для зороастризма или манихействе. Причем в Средней Азии в целом частыми были случаи, когда они переходили именно в несторианство, причем могли достигнуть там высшего поста католикоса [2, с.277]. Видимо, следует привести еще один довод в пользу возможности трактовки этого сюжета как христианского: в 1248 году Самарканд посетил Сембата, брат армянского царя Гетума, который был в местной несторианской церкви, где видел картину с изображением Христа и трех царей-волхвов [3, с.317]. Кроме того, начиная с середины XIV века, в Германии (откуда был родом рассматриваемый нами автор), особенно в Кельне, куда при Фридрихе Барбароссе были перевезены мощи трех царей, их культ в народном христианстве был сильно развит [7, с.475-481]. Укажем здесь еще на один момент: когда в 1145 году один немецкий епископ записал слух о пресвитере Иоанне, царство которого искали на Востоке и позднее идентифицировали с ханством Ван-хана кераитского, он называл его потомком трех волхвов [23, с.79].

Однако мы отвлеклись от интересующей нас политической канвы этих событий. Информацию о месте пребывания Тохтамыша позволяют уточнить русские летописи, которые указывают, что в 1406 г. «... тое же зимы царь Женибек (Шадибек) уби Тохтамыша в Сибирской земле близ Тюмени» [34, с.70; 22, с.236]. Таким образом, анализ как общей полити-

ческой обстановки, так и конкретных источников, позволяет с уверенностью говорить о последнем поражении и убийстве Тохтамыша именно в Сибири, на территории улуса Шибанидов. Однако при этом часть имеющихся данных не дают нам однозначной даты гибели и имена участников разгрома.

Убийство Тохтамыша около Тюмени при молчаливой поддержке Шибанидов стало одним из последних внешнеполитических событий, связанных с функционированием улуса Шибана как части Золотой Орды. Одновременно с этим гибель последнего объединителя Золотой Орды стала еще одной причиной к распаду этого государства и образованию на его территории отдельных ханств, среди которых известно и Сибирское ханство. В XV веке Западная Сибирь оказывается в руках Шибанидов: “Так как держава Орды вследствие вражды между детьми Тохтамыша совсем ослабла, то некоторые из потомков Шибана... найдя случай удобным, склонили на свою сторону некоторых и восстали” [31, с.212]. В дальнейшем именно тесная связь Сибирских Шибанидов, потомков Бекконди-оглана, и ногайского лидера Едигей-бека, а особенно его наследника Мансура, привело к «поднятию на кошме» в 1421 году нового хана Хаджи-Мухаммада, внука Бекконди, и тем самым определило начальную дату становления Ишимского ханства в качестве одного из непосредственных предшественников Тюменского ханства [5, с.231; 32, с.85].

Примечания

1. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.
2. Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период // Сочинения. Т. II. Ч.2. М., 1964.
3. Бартольд В.В. Еще о христианстве в Средней Азии. // Сочинения. Т. II. Ч.2. М., 1964.
4. Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, 2000.
5. Валиханов Ч.Ч. Извлечения из Джамии ат-таварих. Сборник летописей // Собрание сочинений. Т.1. Алма-Ата, 1984.
6. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь-М., 2001.
7. Гете И.В. Западно-Восточный диван. М., 1988.
8. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М.-Л., 1952.
9. Григорьев А.П. Шибаниды на золотоордынском престоле // Востоковедение. Вып.11. Филологические исследования. – Л., 1985.
10. Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник – 2001: Золотая Орда и ее наследие. – М., 2002.
11. Золотая Орда в источниках. Т.1. Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В.Г.Тизенгаузена / Сост. Р.П.Храпачевский. – М., 2003.
12. Иванов М. Состояние военного искусства у среднеазиатских народов при Тамерлане // Тамерлан. Эпоха, личность, деяния. – М., 1992.
13. Исхаков Д.М. О родословной хана Улуг-Мухаммеда // Тюркологический сборник - 2001: Золотая Орда и ее наследие. – М., 2002.
14. Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. – Казань, 2006.

15. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата, 1992.
16. Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. – М., 1993.
17. Маслюженко Д.Н. Проникновение мировых религий на территорию Южного Зауралья в позднее средневековье (по письменным источникам) // Вестник Курганского государственного университета. № 3. Серия «Гуманитарные науки». Вып.2. – Курган, 2006.
18. Маслюженко Д.Н. Сибирский улус Шибанидов в составе Золотой Орды: от единства к расколу (вторая половина XIII-первая половина XIV вв.) // Город и степь в контактной евроазиатской зоне. III Международная научная конференция, посвященная 75-летию Г.А.Федорова-Давыдова. Тезисы докладов. – М., 2006.
19. Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов и др. – Алма-Ата, 1969.
20. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. – Казань, 2003.
21. Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М., 1987.
22. Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. Т. 25. – М.-Л., 1949.
23. Мэн Дж. Чингисхан. – М., 2006.
24. Нестеров А.Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV-XVII вв.: археология и история. Автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 1988.
25. Патриаршая или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т.9-10. М.: Наука, 1965; Т.11-12. М.: Наука, 1965; Т.12, 13. – М.: Наука, 1965.
26. Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII-XVI вв. 1238-1598 (от битвы на р.Сить до покорения Сибири): Справочник. – М., 2000.
27. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. – М., 1996.
28. Сказания сибирских татар [Электронный ресурс] Режим доступа: // <http://www.vostlit.info>
29. Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. – М., 2006.
30. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884.
31. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.II. Извлечения из персидских источников. – М.-Л., 1941.
32. Тrepавлов В.В. История Ногайской Орды. – М., 2002.
33. Тrepавлов В.В. Сарайчук: переправа, некрополь, столица, развалины // Тюркологический сборник – 2001: Золотая Орда и ее наследие. – М., 2002.
34. Устюжский летописный свод // Полное собрание русских летописей. Т.37. – М., 1950.
35. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. – Алма-Ата, 1992.
36. Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. – Казань, 1994.
37. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. – Баку, 1984.
38. Якубовский А. Тимур // Тамерлан: эпоха, личность, деяния. – М., 1992.

Е.И. Сорогин

ПРИЧИНЫ «ВЕЛИКОЙ ЗАМЯТНИ» КАК ОБЩЕГО КРИЗИСА ВЫСОКОРАЗВИТОГО КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА

Сибирский регион в эпоху средневековья, начиная с XIII века, входил в улус потомка Чингисхана, Шибана (сына Джучи). Улус Шибанидов формально являлся частью Золотой Орды – огромного евроазиатского государства, власть в котором принадлежала Джучидам. В 1359-1380 гг. Золотая Орда столкнулась с мощнейшим кризисом, который наиболее сильно затронул регион Поволжья (где власть долгое время принадлежала потомкам Бату), и оказал влияние на политическое развитие улуса Шибана. Данное влияние выразилось в том, что в ходе династического кризиса как одного из сегментов комплексного кризиса, в борьбе за власть в Сарае приняли участие несколько Шибанидов – Хызр, Тимур-Ходжа, Мюрид и др. В данной статье автор ставит своей задачей рассмотреть причины «Великой Замятни» как комплексного политического, социально-экономического кризиса Золотой Орды.

На данный момент в современной исторической науке существует несколько точек зрения на причины, которые привели к «Великой Замятне» – одному из наиболее кризисных периодов в истории Золотой Орды. Большинство причин, которые выделяют исследователи, довольно чётко укладываются в концепцию того или иного автора. Советская историография в лице А.Н. Насонова, М.Г. Сафаргалиева, Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского акцентируют внимание на феодальной раздробленности и вспышке децентрализующих тенденций, которые привели фактически к временному распаду государства. Исследователь И.Б. Греков в своей работе проводит связь между упадком государства и внешнеполитическими аспектами – усилением Великого княжества Литовского и становлением Московской Руси, которые, по его мнению, сыграли не последнюю роль в во внутреннем кризисе кочевого государства [1]. В современной российской исторической науке непосредственно по проблематике «Великой Замятни» не опубликовано практически ни одного крупного исследования, и лишь историк Э.С. Кульпин подчёркивает, что степи Евразии в сер XIV в. испытали сложный экологический кризис, связанный с аридизацией степей, и повышением уровня Каспийского моря [2].

Таким образом, какой-то обобщающей работы, включающей в себя комплексное изучение данных проблем, сейчас не существует, тогда, как потребность в такой работе есть. Именно поэтому автор и начинает своё исследование с рассмотрения причин «Великой Замятни». Для этого нужно прежде всего дать характеристику Золотой Орде середины XIV в. На данный момент существует несколько точек зрения по поводу того, что представляла собой Золотая Орда. В советской историографии (Б.Я. Владимирцов, Б.Д. Греков, А.Ю.Якубовский, В.Л. Егоров) общественный строй номадов охарактеризован как «кочевой феодализм». Исследователи Б.Д. Греков и А.Ю.Якубовский писали: «Золотоордынское государство можно рассматривать как феодальную монархию, где ханская власть, находившаяся с 1227 (год смерти Джучи) по 1359 г. в доме Бату, была в полном смысле властью

кочевых, полукочевых и оседлых феодалов Дешт-и-Кипчак, Нижнего Поволжья, Булгара, Крыма и Хорезма. Выше мы видели, что господствующей верхушкой этой феодальной аристократии были члены царствующей династии, занимавшие все наиболее крупные военные и гражданские должности в государстве. Из них выходили огланы правого и левого крыла, темники и правители, или наместники, отдельных частей государства (например, Кутлуг-Тимур в Хорезме). Они, наконец, играли первую роль и в курултаях, которые созывались как для выбора нового хана, так и для обсуждения вопроса о каком-нибудь военном предприятии» [3]. Кроме того, советская историография однозначно расценивала Золотую Орду как полноценное государство. Исследователи отмечали такие важные характеристики как: наличие чиновничьего аппарата – должностей беклярибека, визира [4, с.169-170]; наличие центрального исполнительного органа – дивана, в структуру которого «входило несколько палат во главе с секретарями, в ведении которых были определённые разделы финансовой, налоговой, экономической и внутривосточной жизни государства» [4, с. 171]; наличие постоянной гвардии – кеши [3] и военной силы, насчитывающей при Узбеке до 300 тыс. [5,с.341]; существование системы степных городов, игравших значительную роль в товарообмене и производстве Золотой Орды [4;5]; развитую систему дорог и почты, о которых упоминали ещё П.Карпини и В.Рубрук [6]; *сложный налоговый аппарат с несколькими типами налогов – данью, ясаком, тамгой и т.д.* [3;5].

Ряд современных авторов (Э.С.Кульпин, Н.Н.Крадин, Т.Д.Скрынникова.) не считают Золотую Орду государством, и уж тем более отрицают существование феодализма.

С точки зрения современной историографии, Золотая Орда представляет собой «кочевую данническую империю», характеризующуюся следующими особенностями: 1) более регулярным характером эксплуатации (вместо эпизодических грабежей, вымогаемых "подарков" и т.д.); 2) как следствие этого – урбанизацией и частичной седентеризацией в степи; 3) усилением антагонизма среди кочевников и, возможно, трансформацией "метрополии" степной империи из составного чифдома в раннее государство; 4) формированием бюрократического аппарата для управления завоеванными земледельческими обществами [7,с.316]. Таким образом, Н.Н. Крадин допускает наличие у кочевников форм раннего государства. Однако впоследствии автор оговаривается, что: «кочевые империи были организованы в форме "имперских конфедераций». Эти конфедерации имели автократический и государствовидный вид снаружи (они были созданы для получения прибавочного продукта извне степи), но оставались коллективистскими и племенными внутри. Стабильность степных империй напрямую зависела от умения высшей власти организовывать получение шелка, продуктов земледелия, ремесленных изделий и изысканных драгоценностей из оседлых обществ»[7,с.320]. Впоследствии, автор на основе анализа различных кочевых обществ делает вывод о наличии «суперсложного вожества», и отсутствии «внутренней необходимости в государстве» у кочевников.

Таким образом, на данный момент возникает серьёзное противоречие: являлись ли кочевые общества, в т.ч. и Золотая Орда, государствами, или они так и оставались на уровне обычных вожеств, где функции власти были сконцентрированы на редистрибуции престижных товаров, и, в случае невозможности грамотного перераспределения, власть легко уничтожалась.

По мнению автора, в основе данного противоречия лежит то, что большинство современных историков не выделяют Золотую Орду среди остальных кочевых империй (Тюркского и Хазарского каганатов), а, приводя её характеристики, касаются в основном периода становления данного степного общества (т.е. XIII века). Однако, к сер. XIV в. Золо-

тая Орда имела ряд черт, характерных именно для *государства*. Государство в дальнейшем автором определяется в рамках интегративной теории, т.е. как более высокая стадия развития общества.

Любая крупная империя, в т.ч. и кочевая, по своему составу является многонациональной, т.к. основана на захвате каких-то территорий, населяемых разными этносами (Скифия, гунны, империя Чингис-хана). Золотая Орда по своим внешним характеристикам (территория, население, армия, хозяйство) представляет собой кочевую империю. При создании такой империи на первом этапе пришлые кочевники занимают ключевые места в управлении государством и получают наибольшее количество престижных товаров. При этом формирования более-менее единого этноса с одним языком, культурой, языком и типом хозяйства в классических кочевых империях не происходит (например – гуннский союз племён, Скифия). Однако Золотая Орда середины XIV века в данном отношении сильно отличается. Ал-Омари упоминает: «В древности это государство было страной Кипчаков, но когда им завладели татары, то Кипчаки сделались их подданными. Потом они [Татары] смешались и породнились с ними [Кипчаками], и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их [Татар], и все они стали точно Кипчаки, как будто от одного [с ними] рода» [8,с.235].

Конечно, говорить об этнической однородности Золотой Орды с преобладанием кипчаков на основании одного источника мы не можем. Более того, даже высказывание ал-Омари на данный момент подвергается вполне обоснованной и конструктивной критике [9]. Однако при этом Костюков В.П. пишет: «...в целом утрата монголами своей этнической идентичности и усиление элементов тюркской культуры, наблюдаемые в золотоордынское время на периферии Дешт-и-Кипчака, являлись следствием преобладания тюркоязычных племён, в массе которых кипчаки не выделялись ни особой многочисленностью, ни влиятельностью» [9,с.234]. То есть мы можем говорить в целом о преобладании тюркоязычных племён. Однако эти тюркоязычные племена для большинства современников к середине XIV в. перестают восприниматься как разнородная масса. На Руси жители степной полосы чаще всего обозначаются как «Татары», «татарове». Ибн-Баттута упоминает о жителях степи тюрках, а само слово «Дешт» определяет как тюркского происхождения (называя кипчаками лишь небольшой народ «христианской веры») [8, с.279-284], ал-Омари пишет о едином народе кипчаков [8,с.235]. Таким образом, в источниках XIV в. практически нет упоминаний об этнической разнородности степных племён Золотой Орды, и лишь разнятся названия – татары, кипчаки, тюрки.

Кроме того, в истории Золотой орды XIV в. нет упоминания о крупных межнациональных конфликтах среди степных племён. Конечно, отсутствие таких конфликтов проще всего объяснить сильной централизованной властью, однако, данные конфликты не возникают и в период «Великой Замятни». С 1359 г. Золотая Орда сталкивается с сепаратизмом, основанном, в том числе, и на национальном компоненте. В этот период отделяется Молдавское княжество, Хорезм, часть бывшей Булгарии. Но при этом отделение этих народов было во многом обусловлено не только национальными различиями, но и хозяйственными. Все противоречия внутри степного населения носили в основном политический характер, а не межнациональный. Возможно, это было связано с тем, что степные племена ещё не осознают себя как единый этнос. Подобное самосознание было характерно для осёдлых народов, сформировавшихся ещё до монгольского нашествия. Таким образом, проблема этнического разнообразия ещё не стояла, и мы можем утверждать, что в основе кочевого степного сегмента Золотой Орды были единые тюркоязычные племена.

2. Одной из характеристик, которая может свидетельствовать о достаточно высоком уровне развития общества, является формирование комплексного хозяйства, которое включает несколько компонентов: скотоводство, земледелие, торговлю и т.д. Экономика Золотой Орды к сер. XIV в. имела выраженный синкретичный характер, сочетавший в себе старые степные традиции кочевания, относительно недавно сформировавшуюся культуру степных осёдлых городов, связанную с ремеслом, и земледелие, носившее во многом прикладной характер. И хотя ведущее место в экономике занимали кочевники-скотоводы, недооценивать роль степных городов, стоявших на важных торговых путях, нельзя.

3. При Берке, а затем при Узбек-хане в Золотой Орде идут процессы исламизации. Конечно, фактически она затронула лишь небольшую часть населения, в основном городскую знать и административный аппарат. Большая часть степного населения по-прежнему оставалась вне данного процесса. Т.И. Султанов отмечает в своей работе: «Подводя итоги исламизации Джучиева Улуса в XIV в., следует сказать, что распространение магометанства успешнее всего шло в среде властной элиты и городского населения Золотоордынского государства. Кочевая степь – Дешт-и-Кипчак в XIV в. в целом оставалась мало затронутой мусульманством, и жители степи в массе своей придерживались старых шаманистских воззрений, о чём свидетельствует сохранение древних языческих обрядов погребения» [10, с.241]. Однако, данная работа не ставит целью рассмотреть влияние ислама в Золотой Орде, причины принятия, и процесс распространения. Важным является тот факт, что Узбек-хан, пришедший к власти с помощью мусульман, начинает выступать, прежде всего, не как предводитель вождества, чья власть основывается на авторитете и грамотной редиистрибуции, а как государственный деятель. Кроме того, при нём «Дешт-и Кипчак... стал страной поклонения (Аллаху), и (там) были основаны благотворительные учреждения» [11, с.128]. Строительство благотворительных учреждений и храмов, также может свидетельствовать о формировании стадии раннего государства.

4. Крадин Н.Н., характеризуя кочевые общества, отмечает, что «нельзя считать, что государственность была для кочевников внутренне необходимой. Все основные экономические процессы в скотоводческом обществе осуществлялись в рамках отдельных домохозяйств. По этой причине необходимости в специализированном "бюрократическом" аппарате, занимающемся управленческо-редиистрибутивной деятельностью, не было. В то же время все социальные противоречия между номадами разрешались в рамках традиционных институтов поддержания внутренней политической стабильности» [7, с.328].

Однако, в Золотой Орде к сер. XIV в., во многом благодаря административной реформе Узбека, существует сложный административно-чиновничий аппарат, представленный служилыми людьми, а также военно-кочевой знатью [12, с.89-102; 4, с.168-173; 10, с.224-227]. Существовали органы гражданской власти, главой которой являлся везир, военный делами заведовал беклярибек, центральным органом исполнительной власти был диван (в составе которого были секретари – битикчи), существовал институт судей кади, сложная налоговая система. Ал-Калкашанди, египетский учёный, при описании Золотой орды пишет: «Передают, что управление в этом государстве делами воинскими и гражданскими [в общем] такое же, как в государстве Ирака и Ирана. Оно основано на [определённом] числе эмиров, законов и служащих» [13, с.299]. И хотя в целом Золотоордынское общество продолжало носить военно-кочевой характер, наличие сложного бюрократического государства свидетельствует о появлении ранней формы государства. Таким образом, исследователь не может согласиться с тезисом о том, что Золотая Орда к сер. XIV в. представляла собой вождество. Перечисленные выше характерные черты Золотой Орды позволяют по уровню раз-

вития отнести её к раннему государству, имеющему ряд специфических черт, связанных с военно-кочевым характером хозяйства основного населения государства.

Для обществ подобного типа исследователи на данный момент выделяют несколько общих причин, которые приводили к их упадку. Так, С.А. Плетнёва выделяет следующие:

1) внешняя политика; 2) междоусобицы; 3) климатические изменения (засухи, болезни); 4) «демографический взрыв», который наступает при стабилизации положения внутри государства, и приводит к частичной гибели экономики [14, с.128].

Э.С. Кульпин выделяет три универсальных фактора социально-экологической стабильности Золотой Орды: 1) неизменные порядки, приемлемые для общества и не провоцирующие нарушение экологического равновесия, 2) неизменный вмещающий ландшафт, 3) неизменная численность населения [15, с.116-124]. При этом исследователь отмечает, что вмещающий ландшафт оставался практически постоянным, и основным фактором нестабильности государства является нарушение экологии, тесно связанное с увеличением населения [2, с.77].

Крадин Н.Н. объединил все причины кризисов империй номадов в три группы: 1) природные явления (усыхание степи, кратковременные климатические стрессы и эпидемии); 2) внешнеполитические факторы (нашествия врагов, затяжные войны, прекращение внешних поступлений, кризисы соседних земледельческих цивилизаций); 3) внутренние причины (демографический взрыв, потеря внутреннего единства и сепаратизм, гигантские размеры и слабость административной инфраструктуры, классовая борьба, усобицы ханов и гражданская война, бездарные политические правители) [7, с. 332]. При этом автор оговаривается, что «палеогеографические данные последнего десятилетия свидетельствуют об отсутствии прямой связи глобальных циклов усыхания/увлажнения степи с периодами гибели/подъема степных империй. Оказался ошибочным тезис о "классовой борьбе" у кочевников, поскольку таковой у номадов не наблюдалось» [Там же]. Далее автор формулирует причины, которые «потенциально способствовали структурной неустойчивости кочевых империй», и большинство из которых связано с политической организацией кочевых империй [7, с.333].

Таким образом, на основании анализа вышеперечисленных работ нами выделяются следующие группы причин, которые привели к упадку Золотой Орды в 1359-1380-х гг. Они не носят универсального характера, не все из них применимы к другим кочевым империям, а применительно к истории Золотой Орды рассматриваться должны в тесной взаимосвязи:

Внешнеполитические причины (к ним относятся все события, происходившие вне территории Золотой Орды, либо с участием её и других государств, и которые могли привести к процессам, оказавшим дестабилизирующее влияние на Золотую Орду).

Внутриполитические причины (прежде всего, внутренние междоусобицы).

Экологические причины (изменения климата, почвы, фитомассы и т.д.).

Демографические причины (связанные с сокращением/увеличением населения степной полосы, и с нарушением традиционных хозяйственных связей).

Причины, связанные с характеристикой отдельных исторических личностей, оказавших существенное влияние на историю кочевого общества (ханов, отдельных представителей знати).

Каждая из этих групп оказала определённое влияние на формирование комплексного кризиса Золотой Орды, который вошёл в историю как «Великая Замятня». Кроме того, автор учитывает только те причины и процессы, которые сформировались к 1359 г., времени начала «Великой Замятни». Таким образом, ряд событий (отделение Молдавского княжества, череда убийств сарайских ханов и т.д.), имевших место после смерти Бердибека, оцени-

ваются автором как следствия и составляющие компоненты данного кризиса, а не причины.

1. Во внешнеполитическом аспекте 40-50-х гг. XIV вв. Золотая Орда доминировала в отношениях с соседними странами. Пережив расцвет при Узбек-хане (1313-1342 гг.), при его преемнике Джанибеке ордынцы по-прежнему проводили экспансионистскую политику в отношениях с другими государствами. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1356-1357 гг. войска Золотой Орды захватили Азербайджан, и Джанибек даже чеканил монеты в г. Тебриз [3]. В отношениях с Великим княжеством Литовским в сер. XIV вв. наступает паритет, т.к. оба государства обладали огромной мощью и военным потенциалом и боролись за влияние над Русью. Однако крупных столкновений между ними практически не было вплоть до битвы у Синих вод в 1362 г., когда литовцы разгромили ордынцев, однако, эта битва относится уже к периоду «Великой Замятни». Также в летописях мы не встречаем упоминания о каких-то крупных нашествиях из других улусов Чингизидов в этот период. Таким образом, угрозы внешнеполитического захвата в 1350-х гг. для Золотой Орды не существовало, и какого-то серьёзного противника, который мог бы захватить улус Бату, просто не было.

Однако, кроме военного захвата, внешнеполитический аспект, в силу специфики кочевого общества, может иметь и другие стороны. К таковым относится миграция большого числа кочевников из соседних территорий на степные пространства улуса Джучи. Такая массовая миграция могла происходить в результате падения власти Чингизидов на огромной территории (восстание сербедаров и изгнание Хулагидов, восстание «Красных повязок» в Китае, изгнание монголов из Кореи), и перемещение кочевников на север, в степную полосу, растянувшуюся от Монголии до Венгрии. Однако данное предположение не находит подтверждения в источниках, не отражено в работах исследователей, и потому остаётся гипотетическим.

2. К главным внутривнутриполитическим причинам, которые привели к упадку государства, являются внутренние междоусобицы. Вообще, история Золотой Орды богата на междоусобицы. Хронологически первое упоминание о противоречиях внутри монгольского государства встречается в Ипатьевской летописи. Под 1266 г. в летописи отмечено, что «был мятеж велик в самех татарех. Избишася сами промежи собою бесчисленное множество, акъ песок морськы» [16, стб. 863]. По мнению исследователя Егорова В.Л., этот конфликт был связан со смертью хана Берке. «Возможная же причина может вытекать из последовавшей за этим борьбой за сарайский престол (детей у Берке не было) и из раскола золотоордынской аристократии на два лагеря — противников и сторонников введения в государстве мусульманства. Попытка проведения религиозной реформы Берке вызвала явное противодействие кочевой монгольской аристократии и, как известно, окончилась полным провалом. Другое объяснение этому событию подыскать трудно, тем более что в восточных источниках о нем нет никаких упоминаний» [4]. Таким образом, говорить о длительной политической стабильности внутри Золотой Орды мы не можем: уже через 20 лет после основания государства Батыем внутри него прошла первая смута.

Следующие внутриордынские столкновения происходят в 1287-1290 гг. «Короткое царствование Тулабуги (1287—1290) было временем феодальных смут, когда самый авторитет ханской власти в Золотой Орде был под большой угрозой. Деятельным участником этих распрей и вдохновителем всех интриг и был темник Ногай. Он сумел разбудить у ближайших родственников Тула-буги столько страсти, столько ненависти у одних к другим, столько надежд, что можно было ожидать в любой момент дворцового переворота. У Менгу-Тимура было десять сыновей, из них Бурлюк, Сарайбуга и Тудан образовали партию

Токты, а Алгуй, Тогрулджа (отец Узбек-хана), Малаган, Кадан и Кутуган были сторонниками Тулабуги. Ногай сумел направить Токту с его влиятельной группой против Тулабуги. Происшедшее столкновение привело к убийству Тулабуги и передаче ханского престола в руки Токты. Ногай сделался таким образом полным хозяином политической жизни в Золотой Орде» [3, гл.4]. Впоследствии, тёмник Ногай, отказывается выполнять распоряжения хана Тохты, воцарившегося в Сарае, и происходит военное столкновение. В этом столкновении войска Тохты были разгромлены, но сама междоусобица затянулась до 1300 г., когда Ногай был убит на р. Куканлык, а Тохта смог объединить государство под своей властью. Затем междоусобицы в Орде идут во время прихода хана Узбека к власти, когда он убивает законного наследника, впоследствии, во время прихода к власти Бердибека, и убийства им своего отца Джанибека. Следовательно, к моменту смерти Бердибека, в 1359 г. история Золотой Орды насчитывала довольно много междоусобиц и каких-то внутренних столкновений. Однако междоусобицы периода «Великой Замятни» имели ряд особенностей. Одной из них является отсутствие легитимизированного претендента на престол. Со смертью Бердибека прервалась линия ханов Бату. Конечно, с точки зрения монгольского права, любой Чингизид, происшедший от четырёх сыновей Темуджина от Борте, – представитель «золотого рода» – имел право на ханский титул. Исследователь Т.И. Султанов отмечал: «Исключительное право на царство признаётся только за первыми четырьмя сыновьями Чинигиз-хана от его старшей жены Борте – Джучи, Чагатаем, Угедеем, Тулуем – и их прямыми потомками, которые собственно и составляют «алтан уруг» («золотой род») – правящую монгольскую династию» [10, с.65]. Однако внутри Золотой Орды потомки Бату более чем на столетие монополизировали власть. За исключением Ногая, который относился к младшей ветви Чингизидов, все реальные претенденты на престол Золотой Орды являлись Батуидами. На чём держалась данная монополия – на династическом аспекте или на умении ханов грамотно осуществлять редистрибуцию – тема для отдельного исследования. Однако со смертью Бердибека, последнего хана, чьё происхождение от Бату не вызывает сомнения, вспыхивает жестокая борьба за власть. Относительно родословной ханов Кульпы и Навруза, сменивших Бердибека, на данный момент идут споры, и, возможно, часть современников относили их к Батуидам. Золотая Орда при них ещё сохраняла подобие единого государства. Но сменивший их хан Хызр к роду Бату отношения не имел.

Фактически в период «Великой Замятни» возникает 2 группы претендентов, которые боролись за власть в кочевой империи:

1. Представители правящих династий других частей улуса Джучи – потомки Шибана и Тука-Тимура – ханы Хызр, Пулад, Мюрид, Урус и т.д.. Действительно, с прерыванием линии Бату, из всех Чингизидов представители именно этих родов являлись наследниками Джучи, отца Бату. Кроме того, именно они, захватив Золотую Орду, могли надеяться на объединение всего улуса Джучи, и создания единого государства.

2. Гурген Мамай и родственник хана Узбека, Абдаллах, которого Мамай хотел возвести на престол. В историческом контексте борьба Мамай выглядит, как стремление сохранить контроль местной аристократии над государством. Именно Мамай основал после смерти Науруза «Мамаеву Орду», которая просуществовала вплоть до прихода Тохтамышша.

Таким образом, после прерывания династии Бату, в Золотой Орде начинается борьба за власть, которая приводит к временному распаду территории на несколько государств и улусов – отделяется Молдавия, в Хорезме приходит независимая династия Суфи, Мамай контролирует часть Поволжья и т.д. [10, с.231 и др.]. Все эти процессы можно охарактеризовать словами С.А.Плетнёвой: «Центробежные стремления при слабости центральной вла-

сти... неизбежно приводили государство к расколу и краху» [14,с.128]. Ослабление же центральной власти, по мнению автора, прямо связано с тем, что, в отличие от обществ, где власть хана носила консенсуальный характер, и, следовательно, правителем мог стать любой Чингизид, поддержанный большинством знати, в Золотой Орде авторитет хана во многом держался на его принадлежности к роду Бату. Данный вывод можно сделать на основании анализа источников, где особо подчёркивается, что со смертью Бердибека прервалась линия Бату. В «Анониме Искандера» отмечается: «Три года он (Бердибек) правил самостоятельно, и, наконец, переселился с трона под доску гроба, и никого из рода султанов Кокорды не осталось в живых» [11, с.129]. Абу-ль-Гази также писал: «Бердибеком кончалась прямая линия детей Саин-хановых. Ныне между узбеками есть пословица: «В Бердибеке ссечён ствол гранатового дерева». После него в Дешт-Кипчаке царствовали потомки других сынов Джучи-хановых [17, с.75]. Однако и они часто пытались выдавать себя за наследников именно Бату. Тимур-Кутлуг, потомок Тука-Тимура, в своём тарханном ярлыке ссылается на решение уже умершего Саин-хана [18, с.21]. А печально известный хан Ахмат, при котором Русь окончательно свергает иго потомков Чингиз-хана, в своём ярлыке Ивану III Московскому также писал, что «вам ся есмя государи учинили от Саина царя сабельным концом» [19, с.31], т.е. также вспоминает основателя Золотой Орды. Таким образом, авторитет Бату был очень высок в пределах Золотой Орды, и многие последующие правители подчёркивали своё происхождение не только от Чингисхана, но и от Бату (Саин-хана). Недавно Р.Ю. Почекаевым было проведено исследование по деятельности Бату, где он выделил причины высокого авторитета этого правителя [20].

Следующие группы причин – это экологические и демографические. По данному вопросу последние наиболее крупные исследования проводились Э.С.Кульпиным в работе «Золотая Орда: Проблемы генезиса российского государства». Здесь исследователь акцентирует внимание, по сути, сразу на обоих взаимосвязанных процессах: изменении климата и демографическом взрыве, которые комплексно приводят к изменению вмещающего ландшафта, и нарушению традиционных способов ведения хозяйства. Эти процессы он определяет как социально-экономический кризис. Тридцатилетие 1351-1380 гг. было наиболее тёплым во втором тысячелетии [2, с.100], т.е. степь, по сути, находится в состоянии перманентной засухи. Если сравнить климатические условия, то двадцатилетие «Великой Замятни» сопровождалось засухами по сравнению с предыдущими и последующими годами. На основании подсчётов Е.П. Борисенкова и В.М. Пасецкого [21,22] можно представить следующую хроника засушливых лет (за временной промежуток взят период 22 года – продолжительность «Великой Замятни»):

1. 1337-1358 годы: 1340, 1241, 1342, 1344, 1351,1353.
2. 1359-1380 годы: 1361, 1362, 1363, 1364, 1365, 1366, 1367, 1368, 1371, 1373, 1374, 1376, 1377, 1378.
3. 1381-1403 годы: 1384, 1387, 1390, 1391, 1394, 1403

Столь мощных засух в истории Золотой Орды практически не встречается, за исключением 90-х гг. XIII века, когда засуха шла с 1293-1299 гг., с перерывом в 1 год. Засуха в период с 1359-1380-е гг. в степи связывается с процессом аридизации [23, с.223].

Таким образом, к 1360-м гг. Золотая Орда в хозяйственном отношении испытала несколько процессов, которые привели к сложному социально-экологическому кризису:

1. В климатическом отношении наступают засушливые годы, что приводит к сокращению пригодной степной и лесостепной полосы, часть которой превращается в полупустыню.

2. Велика вероятность резкого роста населения в степи, что могло быть вызвано как миграцией кочевого тюркоязычного населения на территорию Золотой Орды в результате общего кризиса Монгольской империи, так и временной стабилизацией в эпоху Джанибека и отсутствием крупных эпидемий после 1346 г.

3. Рост антропогенного воздействия на почву в сочетании с неблагоприятными экологическими условиями приводит к увеличению аридизации степей и сокращению объёма фитомассы, что в условиях отсутствия возможности экспансии приводит к борьбе за пастбища.

Таким образом, климатические и демографические изменения также стали одними из причин, которые привели к комплексному социально-экологическому и политическому кризису.

К последнему типу причин относятся причины субъективного характера, связанные с отдельными личностями, оказавшими существенное влияние на развитие исторического процесса. Здесь автор считает нужным наиболее подробно остановиться на личности Бердибека, последнего хана из рода Бату. По мнению автора, именно недальновидная политика Бердибека стала катализатором, который ускорил кризис Золотой орды. Данный вывод основывается на следующих доказательствах:

1. Именно на Бердибеке лежит ответственность за уничтожение представителей рода Бату, что нашло отражение во многих источниках [8;11;17]. Бердибек не только истребил своих родственников, но и начал борьбу со знатью, что в условиях нарастания общего кризиса никак не могло стабилизировать обстановку.

2. При демографическом росте внутри кочевого общества наиболее логичным является самый простой выход – война. Особенностью кочевых обществ являлось то, что большинство мужского населения являлось воинами. Если в земледельческом обществе вплоть до XX века война являлась уделом небольшой социальной прослойки профессионалов, то в кочевом обществе практически каждый мужчина в случае войны становился воином. Следовательно, демографический рост приводил к увеличению армии. Таким образом, в условиях престижной экономики, когда авторитет хана базировался не только на его династической доминанте, но и на умении «получать извне общества престижные товары и перераспределять их между подданными» [7, с. 329], хан при увеличении количества воинов должен был направить их на внешнюю экспансию. Однако за три года царствования Бердибека мы не находим в источниках ни одного упоминания о каком-то крупном походе. Более того, как следует из чеканки монет, при Бердибеке был потерян Северный Азербайджан, который завоевал его отец Джанибек-хан. Всё это так же не способствовало укреплению авторитета центральной власти.

Подводя итог по причинам «Великой Замятни», автор хотел бы отметить, что в отдельности каждая из этих причин не могла привести к распаду кочевой империи Золотой Орды, и все их следует рассматривать в комплексе. Главной причиной, которая привела к обострению всех остальных, и послужила толчком для общего кризиса, по мнению же автора, стал династический кризис. Именно он в конечном итоге выступил катализатором всех остальных негативных процессов, и спровоцировал общий комплексный кризис.

Примечания:

1. Греков Б.Д. Восточная Европа и упадок Золотой орды. – М.,1975.
2. Кульпин Э.С. Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства. – М., 2006.
3. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М., – Л., 1950.
4. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. – М.,1985.
5. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. – М.,1996.
6. История монголов. – М., 2005.
7. Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. – М.: Логос, 2000.
8. Сборник материалов по истории Золотой Орды /под ред. Тизенгаузена В.Г. –Ч.1. – Санкт-Петербург, 1884 //СМИЗО
9. Костюков В.П. Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»?//Тюркологический сборник 2005. – М.,2006.
10. Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. – М, 2007.
11. Сборник материалов по истории Золотой Орды /под ред. Тизенгаузена В.Г. – Ч.2.М.-Л., 1941 // СМИЗО.
12. Фёдоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М.,1973
13. Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой орды в энциклопедии ал-Кашканди // Золотая орда и её наследие. Тюркологический сборник 2001. – М., 2002.
14. Плетнёва С.А. Кочевники Средневековья. – М., 1982.
15. Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. – М., 1990.
16. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т.2
17. Абу-ль-Гази «Родословное дерево тюрок» // История Золотой Орды. Спб., 2003 / размещено на www.auditorium.ru
18. Радлов В. Ярлыки Тохтамыша и Темир Кутлуга // Записки Восточного отдела Русского археологического общества. Т.III. 1889
19. Базилевич К.В. Ярлык Ахмед-хана Ивану III // Вестник Московского университета, 1948. – №1. – с.29-46.
20. Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. – М., СПб., 2006.
21. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. – М.,1988.
22. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях. – Л.,1983.
23. Дёмкин В.А., Алексеев А.О., Якимов А.С., Дёмкина Т.С. Палеоэкологические условия нижневолжских степей в XIII – XIV вв. // «Город и степь в контактной евроазиатской зоне.» Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931-2000). – М.,2006.

Я. Г. Солодкин

**К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ОСНОВНОЙ РЕДАКЦИИ
«ПОВЕСТИ О СИБИРИ О И СИБИРСКОМ ВЗЯТИИ» САВВЫ ЕСИПОВА**

Проблемы зарождения русской книжной культуры в Сибири, несмотря на пристальное внимание исследователей, во многом остаются спорными. Историки и литературоведы, в частности, далеки от единодушного решения ряда вопросов происхождения центрального памятника раннего сибирского летописания – Основной редакции «Повести» владычного дьяка Саввы Есипова.

Н. А. Дворецкая насчитывает в этом произведении четыре заглавия [1, с. 468-469]. Примечательно, однако, что в Титовском виде Есиповской летописи (далее – ЕЛ), сложившемся не позднее рубежа XVII – XVIII вв., вслед за названием «Описание известительное о Сибирстей стране ...» (его мы встречаем и в списке «гистории сибирской» приказного Тобольского архиерейского дома из собрания Попова [2, с. 42, прим. 3 – 4]) читаем «Предисловие книги сея. Начася царство бесерменское в Сибири ... поведоша ми яве». (В Долговском списке ЕЛ это предисловие заменено, как и название, «Кратким описанием о Сибирстей земли ...» [2, с. 42, прим. 44; с. 79; 3, с. 13]. В большинстве рукописей есиповских «тетрадей» после заглавия «О Сибири и о сибирском взятии» (в 11 списках из 28 его нет) сказано «О Сибирьстей стране, како изволением Божиим взята бысть от рускаго полка, собраннаго и водимаго атаманом Ермаком Тимофеевым и своею храброю и предоброю дружиною и со единомысленною». В синодике «ермаковым казакам» (далее – С), послужившем источником ЕЛ или ее протографа, и 19-й главе «сложения» софийского дьяка находим сходные выражения: «со единомысленною и предоброю (предоблею) дружиною храбровашею (храбрествовавшешю)», «храбровашу Ермаку з дружиною ... пред лицом рускаго полка» [2, с. 60, 70, 380]. Далее, отчасти повторяясь, автор заявляет: «Начася царство бесерменское в Сибири ... и како Божиим изволением взята бысть ... и о мужестве и о храбрости [рускаго полка, собраннаго] и водимаго атаманом Ермаком Тимофеевым ...». Потом владычный книжник сообщает: «О царстве же Сибирском и о княжении написахом ино с летописца т[ата]рскаго, ино же достоверными мужы испытовах, еже добре и некоснено поведоша ми яве». Очевидно, это вовсе не заглавие, тем более, что завершая «летопись Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тоболске граде», Есипов снова говорит: «Ино ж от достоверных муж испытах ...». Наконец, оглавлению предпослано обещание рассказать о том, как «победиша царя Кучюма Мартазеева сына ... и о чудесех Пресвятыя владычеца наша Богородица и приснодева Мария, идеже содеяшася во дни и р[о]да наша ...». Последние слова А. Т. Шашков и Е. К. Ромодановская относят к заглавию анализируемого памятника [4, с. 150; ср. с. 149; 5, с. 363]. (Кстати, о победе над «бусорман (ъ)ским царем» Кучумом читаем и в 7-й главе, о «русском полке» – и в 18-й главе; «О Сибирстей стране», «О Сибири, чесо ради Сибирь наречеся», – таковы наименования 1-й и 3-й глав «Сказания» Есипова [2, с. 50, 59, 70, 72, 380; ср. с. 57, 68]). Стало быть, лаконичному названию ЕЛ сопутствует предисловие, за которым помещено оглавление.

С точки зрения А. Т. Шашкова, судя по началу законченного 1 сентября 1636 г.

«писания» софийского дьяка, он собирался обстоятельно поведать про явление Абалакской иконы Знамения Богородицы, но затем ограничился глухим упоминанием о ее чудесах [4, с. 150]. В глазах Е. К. Ромодановской обещание дьяка трех кряду сибирских владык сообщить о таких чудесах, случившихся «во дни и рода наша», – свидетельство того, что одновременно с работой над летописью готовилось, о чем Есипов наверняка знал, явление «образа» Богоматери; его первые «видения» вдове Марии «из веси, нарицаемая Абалак», были 20, 26 июля и «в страдную пору», а четвертое, после которого она пришла к архиепископу Нектарию, – «в Филипов пост», т. е. в ноябре – декабре 1636 г., когда ЕЛ уже существовала, почему ее автор не мог указать названия чудотворной иконы – Абалацкая, это сделано в предисловии Нарышкинской редакции Сибирского летописного свода (далее – СЛС) [5, с. 363]. Про икону, «зовомую» «Оболацкие», упоминается и в Томском виде того же памятника, сообщение о чудесах Пресвятой Богородицы Марии, «иже содеяшась на облацех» (в другом списке «Оболацех»), предшествует основному тексту ЕЛ Титовского вида [2, с. 79, 301]. К 25 июля 1636 г. в СЛС отнесено явление Богородицы в Абалаке, причем в двух разновидностях обширного «Описания о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее» говорится о постройке церкви в 7145 (1636/37) г. в «веси», где жила вдова Мария [2, с. 99, 199, 265, 322, 348]. (Согласно «Сказанию о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы», в тот день вдова из ставшей отныне знаменитой «веси» поведала архиепископу Нектарию, всему освященному собору и множеству христиан о явлении 20 июля 1636 г. Пресвятой Богородицы со Святым отцом Николой и Преподобной Марией «Египтяниною» [5, с. 89 – 90]). По «челобитной» Нектария, и после 20 июля 1636 г. «многожды являлась ей (Марии, жившей в Абалаке. – Я. С.) Пресвятая Богородица во сне и наяве»; и, расспросив «тайнозрительницу» чудесных «видений» и ее духовного отца спасского попа Илариона на церковном соборе, зная про падеж лошадей, различные болезни последнего времени, архиепископ решил в 1636/37 г. воздвигнуть храм в селе Абалацком во имя Знамения Богородицы, «иже в Великом Новеграде» с приделами Николы и Марии Египетской, что и было сделано «всем миром» [5, с. 277, 278; ср. с. 342, 343].

Следовательно, Нектарий, к окружению которого принадлежал Есипов, знал о чудесах на Абалаке уже во второй половине лета 1636 г., а проживавшая там Мария посетила владыку не после Филипова поста, «как была бежь от колматцкию людей», а раньше. Говорить о «подготовке» явления Пресвятой Богородицы в пору завершения ЕЛ не приходится, связь между «видениями» Марии и созданием летописи, вышедшей из стен Софийского дома, оказывается, вопреки мнению Е. К. Ромодановской, не столь прямолинейной. Савве, если бы он знал о признании Абалацкой иконы чудотворной, не обязательно стоило указывать ее наименование, ведь в сибирском «столнейшем граде» было хорошо известно, где случились «знамения». (Примечательно, что, говоря об истреблении казачьей «станицы» на Абалаке, «архиепископль» дьяк не упоминает о чудесах, которые свершились там позднее [2, с. 56-57]). Оставшийся в составе владычного штата до 1643 г., не внес ли Есипов указание на явление Богородицы в предисловие своей летописи со временем, подобно тому, как дополнил ее 36-й и 37-й главами? Вставка обнаруживается и в концовке 35-й главы [6, с. 51], а в географический очерк «Сибирской страны» включен ее этнографический обзор (между словами «в великую реку, глаголемую Обь» и «Сия же великая река Обь» [2, с. 45]), но так, что разрыв повествования очевиден. Не исключено, что дополнением является и последняя фраза ЕЛ, предшествующая «аминю». После замечания (восходящего к Летописной книге о Смуте [7, с. 422, 426]) «И о сем словеса мои в конец преидоша» автор восклицает: «Упраз[д]ни[м]ся, братие, паки на Божия чюдеса, еже содеяшась во дни (в 5 списках «во

дни и роды». – Я. С.) наша в новопровещенных местех о Христе Иусе, Господе нашем, во веки веком» [2, с. 72; ср. с. 258, 314, 368]. Нетрудно видеть, что эти слова перекликаются с заявленным в первых строках произведения намерением рассказать «о чудесех» Богородицы и «приснодевы» Марии. (Намек на такие чудеса А. Т. Шашков усматривает в концовке «словес» софийского дьяка, а также в добавлении к тексту Погодинского летописца, думается, вторичного относительно сочинения Есипова, сделанном редактором по ходившим в Тобольске слухам об исцелениях от Абалацкой иконы [4, с. 150]. Но про «избавление недугом и свобоженье страстем» речь идет в «Сказании о явлении» «образа», с осени 1636 г., т. е. уже вслед за окончанием ЕЛ, почитавшегося в «первоимянитом граде» Сибири и его окрестностях [5, с. 94-167]). Старшая редакция «Сказания» об Абалацкой иконе, часто атрибутируемая Есипову, возникла к 1641 г. [5, с. 361, 367; 8, с. 73, 177 – 178; 9, с. 15, и др.]. Быть может, обещание сообщить о недавних чудесах Богородицы появилось в предисловии ЕЛ следом.

В том же предисловии подчеркнута, что Сибирь «взята» «от рускаго воинства, в наследию российского скипетродержательств[а]» [2, с. 42; ср. с. 79]. Видимо, Есипов недаром напомнил своим читателям, что именно благодаря Ермаку и его храброй «дружине» страна, обязанная названием столице татарских ханов, сделалась частью Московского государства [2, с. 50, 51, 57, 58; ср. с. 70 – 71]. Ведь середина 1630-х гг., когда создавалась официальная сибирская летопись, отмечена постоянными нападениями ойратов на Тюменский и Тарский уезды [2, с. 151; 10, с. 102; 11, с. 23 – 25; 12, с. 120 – 121, и др.].

Есипов использует выражение «беседуя к вашей (читателей. – Я. С.) любви». Заметим, что аналогичное словосочетание («возвестити вашей любви») есть в знаменитой «Истории вкратце» Авраамия Палицына, который упоминал и «с любовью прочитающих». Не обращался ли владычный дьяк к этому публицистическому сочинению, быстро завоевавшему широкую популярность, тем более, что он употребляет выражение «впредь идущ[и]я роды», содержащееся в названии палицынской «книги» [2, с. 56, 72; 7, с. 162, 280; ср. с. 164]? К тому же одну из глав «Истории» троцкого келаря составляет «Слово благодарственно за вся чудотворения Божиа», а в ЕЛ имеется «Благодарение Богу».

В конце рассматриваемого произведения о Сибири и ее завоевании православными «воями» «слогатель» указал свои имя и «отчину», прибегнув к «цифровой» тайнописи. Возможно, образцом для него в данном отношении явилась «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков», автор которой, «изограф» Василий, поступил таким же образом [13, с. 476, 625; ср. 14, с. 110].

А. М. Сахаров утверждал, будто в ЕЛ нет погодной сетки изложения [15, с. 74]. В действительности, как отмечалось С. В. Бахрушиным и Е. К. Ромодановской, дьяк Макария и двух его преемников на тобольской владычной кафедре, отнюдь не равнодушен к хронологии описываемых событий. «Ермаков приход» в Сибирь, подобно С, датируется 7089 (1580/81) г. Как повествует Есипов, два года спустя царь Иван Васильевич направил за Урал воевод С. Болховского и И. Глухова. (По замечанию С. В. Бахрушина, согласно ЕЛ, они выступили в поход в 7091 г., «на второе лето сибирского взятия», хотя вернее было бы указать 7090 [16, с. 475]. Однако тобольский «писатель» упомянул только про 7091 г., о «втором лете», да и о третьем, четвертом, говорится в С). Под 7092 г. «слогатель» ЕЛ рассказал об «убиении» Ермака, к 7093, 7095 гг. приурочил основание соответственно Тюмени и Тобольска, а к 7129 г. – «поставление» Киприана сибирским архиепископом. Автор посчитал нужным сообщить, что закончил работу 1 сентября 1636 г. Оказывается, «во второе ж лето по Ермакове убиении» (надо думать, в 7093 г.) из Москвы за Урал прибыло войско

И. Мансурова, а Киприан «во второе лето престольства своего (7130. – Я. С.) [воспомяну] атамана Ермака и з дружиною» [2, с. 64, 70]. (Утверждение, что Есипов довел изложение до возведения «Старорушанина» в сан архиепископа Тобольского [8, с. 239; 9, с. 14], не отличается точностью). 23 (а не 25, как однажды писал С. В. Бахрушин [17, с. 39]) октября состоялось сражение «под Чювашевым у засеки», решившее участь ханской столицы, куда ермаковцы вступили 26 октября, на память Димитрия Солунского. При этом, по наблюдению Р. Г. Скрынникова, Есипов не смог сообщить, где, одержав победу, атаман «з братиею» провел две последующие ночи [18, с. 216]. С.У.Ремезов, часто использовавший ЕЛ (впрочем, Распространенной редакции), нашел, что «подчювашская брань» длилась с 23 до 25 октября. Данная версия, хотя иногда и разделяется историками [19, стлб. 507, и др.], должна считаться искусственной. (В С по рукописи Чина православия, принадлежавшей тобольскому Софийскому собору, 26 октября датирован «первой бой» казаков с «погаными»; в С, открывающем 37-ю главу ЕЛ, «бой велик» «под Чювашевым» отнесен к 23 октября). По свидетельствам Есипова, 5 декабря русские были убиты на Абалаке, а 5 августа погиб их «наставник». (Л. С. Соболева заблуждается, полагая, что в ЕЛ «календарная дата» умерщвления царевичем Маметкулом отправившихся рыбачить казаков утрачена [20, с. 304]. О смерти ермаковцев близ Абалака «тоя же зимы» говорится в С, приведенном зашифровавшим свои имя и «отчество» «списателем». В том же С сказано о смерти казачьего предводителя на Вагайской перекопи 5 августа. В «помяннике», обнаруженном Е. К. Ромодановской, названные события отнесены соответственно к 5 декабря, т. е. как в 15-й главе ЕЛ, и 6 августа). Из «Сказания» Есипова мы узнаем, что «по взятии ... Сибири в 4 день прииде» в этот «град ... остяцкой князь именем Бояр со многими остяки». (Возможно, источником данного свидетельства стали показания ветеранов знаменитой экспедиции, если не самих хантов). Однажды в летописи, возникшей в резиденции тобольского «первосвятителя», встречаем «месячную» дату: Карача осаждал со времени Великого поста город Сибирь «до пролетия», т. е. начала лета, в июне же казаки совершили вылазку, напав на станы бывшего приближенного Кучума в Саускане. События, о которых повествует Есипов, иногда приурочиваются к весне, зиме, осени, утру, полудню, ночи [2, с. 53, 55, 58, 60, 62 – 65]. Чаще же всего софийский книжник употребляет «описательные датировки» (по определению С. В. Бахрушина): «того же лета», «в та лета», «вмале же времени», «в то (же) время», «на много время», «на мног час», «от того часа», «по сем», «некогда», «по неколицех же днех (времени)», «по немнозех днех», «по убиении Ермакове з дружиною», «во дни и рода (ы) наша» [42, 52, 56 – 66, 68, 72]. Кроме того, Есипов замечает, что накануне отправки плененного Маметкула в Москву умер Иван IV и воцарился его сын Федор, при котором был заложен Тобольск, а остяки целый день пытались овладеть Обским городком [2, с. 61, 65, 66]. Таким образом, хотя ЕЛ «нова по типу» [21, с. 128], формировавшаяся веками летописная традиция сказывается в этом сочинении весьма ощутимо.

Примечания

1. Дворецкая Н. А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.; Л., 1957. – Т. 13.
2. Полное собрание русских летописей. – М., 1987. – Т. 36.
3. Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К. / Предисловие // Полное собрание русских летописей. – Т. 36.

4. Шашков А. Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. – Екатеринбург, 1996.
5. Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подг. Е. К. Ромодановская и О. Д. Журавель. – Новосибирск, 2001.
6. Солодкин Я. Г. «... А се написах ко своему изправлению» (синодик «ермаковым казакам» и Есиповская летопись) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. – 2005. – № 2 (20).
7. Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI-начало XVII веков. – М., 1987.
8. Ромодановская Е. К. Избр. труды: Сибирь и литература: XVII век. – Новосибирск, 2002.
9. Ромодановская Е. К. Литераторы Тобольского Архиерейского Дома в XVII веке // Сибирский текст в русской культуре. – Томск, 2003.
10. Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ея насельников. – Харьков, 1889.
11. Пузанов В. Д. Русская Сибирь и ойратская миграция в первой половине XVII в. // Северный регион: наука, образование, культура– 2006. – № 1.
12. Пузанов В. Д. Военная организация Тарского уезда в XVII в. // Северный регион: наука, образование, культура . – 2006. – № 2.
13. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. – М., 1986.
14. Виршевая поэзия (первая половина XVII века). – М., 1989.
15. Очерки русской культуры XVII века. – М., 1979. – Ч. 2.
16. Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. – М., 1999. – Т. 1.
17. Бахрушин С. В. Научные труды. – М., 1955. – Т. 3. – Ч. 1.
18. Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск, 1986.
19. Ермак // Советская историческая энциклопедия. – М., 1964. – Т. 5.
20. Соболева Л. С. «Государев атаман» Ермак Тимофеевич: векторы идеализации // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI – XX вв. – Новосибирск, 2005.
21. Демин А. С. Писатель и общество в России XVI-XVII веков (Общественные настроения). – М., 1985.

В.С.Шмаков

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ – ПОЛИТИКА КОНСОЛИДАЦИИ*

Современный мир переживает в последние десятилетия этап активных трансформаций, характеризующихся невиданной динамикой и усиливающимся взаимовлиянием разнообразных культур и социальных институтов. Результатом происходящих процессов является изменение облика отдельных стран, регионов и мира в целом. Сегодня этот факт никем не оспаривается, но, в то же время, наблюдается значительный разброс оценок и мнений относительно сути процессов трансформации и ее конечных результатов.

Особенно значительные изменения коснулись стран бывшего социалистического лагеря. Распад Советского Союза, происходивший параллельно с усилением влияния глобализационных тенденций, поставил большинство стран постсоветского пространства в условия двойного транзита: переход от закрытой, жестко структурированной социально-политической системы к более открытым обществам сопровождался в них переходом к принципам глобального информационного общества.

С одной стороны, своеобразие проблем и противоречий, с которыми сталкиваются постсоветские общества в процессе системной трансформации, предопределены особенностями их исторического и социально-экономического развития. С другой стороны, постсоветским государствам свойственны многие из социально-экономических противоречий, порожденных глобализацией и характерных для других регионов мира. В результате постсоветским государствам свойственны как противоречия развитых постиндустриальных стран, так и противоречия стран догоняющего развития.

Важным основанием для выработки новых или более глубоких объяснений человеческой мотивации, социального и политического порядка и членства в коллективе стала проблема мультикультурализма, культурного диалога, активно разрабатываемая в философской мысли, социальной и политической теории. Именно в феномене мультикультурализма ученые и политики всего мира пытаются найти практический ответ на проблему наиболее гармоничного сосуществования различных культур. Сторонники идеи взаимодействия и взаимовлияния культур, их равенства и диалога, говорят о равенстве культур как о состоявшемся феномене и свершившемся факте. Их оппоненты, отрицая тезис о равенстве культур, скептически относятся к самой возможности конструктивного диалога культур [1].

Теоретическое философское осмысление современного понятия мультикультурализма является важной предпосылкой для решения проблем в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений. Особенно важным решение этих проблем становится в период изменений всей системы общественных отношений изменение экономических основ, социокультурных стереотипов и системы ценностей.

В период социально-экономических и политических трансформаций в полиэтничных государствах естественно актуализируются и проблемы межэтнических отношений.

Перед изменяющейся Россией встала проблема поиска варианта интеграции различных наций и этнических групп не только в рамках бывшего СССР, но и внутри государства, учитывая достаточно большое количество этнокультурных меньшинств. При этом проблема

интеграции внутри государства усложняется еще и тем, что она касается не только миграционных потоков извне, но и затрагивает народы, проживающие на ее территории издавна.

Быстрые изменения социально-политической, этнокультурной и демографической ситуации в стране требуют более гибкой политики способной предотвращать негативные последствия изменений в условиях глобализации. Очевидно, что глобализация в значительной степени обостряет существующие проблемы мультикультурных обществ, кроме того, существует определенный страх перед американизацией, с которой чаще всего ассоциируют глобализацию, что приводит к опасению потерять свою национально-культурную идентичность. Естественно возникает необходимость переосмысления, переоценки роли и значения мультикультурализма, призванного в идеале обеспечивать бесконфликтность мультикультурных обществ.

Исследуя проблемы трансформации современных национальных государств, американский политолог Ч. Капхен считает, что они являются объективным результатом наступления новой «цифровой эры»[2]. С. Хантингтон, в свою очередь, подчеркивает необходимость сохранения национальной идентичности территориального сообщества, которое базируется на единой культуре; мультикультурализм рассматривается как деструктивное начало в развитии сообществ [3]. М. Уолцер, приводя классификацию толерантных режимов, делает вывод о том, что суть мультикультурализма заключается «в обучении детей культурам друг друга, в привнесении в образовательный процесс плюрализма иммигрантского общества»[4].

Ф.-О. Радтке показывает, что благодаря политике мультикультурализма можно решить проблему институциональной дискриминации иммигрантов, символически признавая разнообразие и равноправие культур [5]. Р. Гайслер подчеркивает, что при проведении политики мультикультурализма необходимо учитывать особенности развития отдельного общества [6].

Таким образом, глобализация, под влиянием которой на сегодняшний день находится практически весь мир, вносит новые тенденции в систему международных отношений как интегративного, так и дезинтегративного характера. Практически все государства включены в систему мировой экономики и систему международного права. В последние десятилетия в значительной степени обострились межнациональные и межконфессиональные отношения, идет бурный рост конфликтных ситуаций между представителями разных культур, на уровне мирового терроризма. Между тем, глобализация подается как сотрудничество между государствами и народами. Но у глобализации есть и негативные последствия: за созданием мирового рынка, установление демократии и т. д. скрывается стратегия на повсеместное насаждение «неолиберальных» стандартов.

Очень серьезным последствием глобализации являются миграционные перемещения, которые не только существенно расширяют этнокультурную мозаику, способствуют диалогу культур, культурному обмену и т. д., но и выявляют новые, и обостряют старые этнокультурные противоречия между различными этносами, способствуют развитию социальных напряжений и конфликтов. Поэтому возникает не только проблема адаптации мигрантов к нормам жизни принимающих стран, но и проблема толерантного отношения со стороны коренных жителей страны. Политика мультикультурализма служит способом решения этой проблемы, которая является общепризнанной (хотя, как мы отмечали выше, есть и другая точка зрения) в практике западных стран.

Но, несмотря на то, что мультикультурализм сегодня определяет политику многих стран мирового сообщества и является концепцией, которая в перспективе должна опреде-

лять основные параметры межэтнических и межкультурных взаимодействий – универсальной, единой для всех модели мультикультурного общества не существует. Каждая страна сама определяет собственную модель межэтнического и межкультурного взаимодействия. В то же время необходимо отметить, что и единого определения понятия «мультикультурное общество» не существует. Одним из самых общих определений можно считать следующее: «мультикультурным является общество, включающее в себя две или более культурные общины» [7]. Или, например, более широкое понимание: «мультикультурное общество состоит из нескольких хорошо организованных культурных общин, каждая из которых обладает более или менее специфичным пониманием того, что есть благо, и имеет свою особую историю, социальную структуру, традиции, потребности и устремления» [8]. Можно отметить также характеристику мультикультурализма как «теорию, практику и политику неконфликтного сосуществования в одном жизненном пространстве множества разнородных культурных групп. Он утверждает уважение к различиям, но при этом не отказывается от поиска универсальности» [9]. Культуры взаимодействуют через координацию, а не через субординацию. Понятие «мультикультурализм» может иметь различные значения. Термин имеет как минимум три аспекта: описательный, нормативный (или оценочный) и программный [10].

В ряде публикаций подчеркивается, что процесс транснационализации не позволяет контролировать процесс принятия решений, что ведет к кризису Государства-Нации, где гражданство рассматривается в национальных рамках [11]. Но при этом, один из ведущих исследователей мультикультурализма М. Вивиорка подчеркивает, что «... мультикультурное общество должно быть основано на расширении политических, социальных, гражданских и культурных прав, но обязательно в условиях уважительного отношения к базовым принципам, таким как официальный язык или равенство полов» [12].

Таким образом, изучение проблемы мультикультурализма определяется несколькими основными моментами. В связи с активизацией интеграционных процессов в условиях глобализации актуализируются вопросы о феномене культур, их взаимодействии и взаимовлиянии, о роли и месте отдельных культур в мировой цивилизации. Наши социологические исследования в регионах Западной Сибири показали, что, с одной стороны, проявляется активное стремление к объединению и интеграции, с другой стороны, в сторону локализации и фрагментации культур [13]. Проблема взаимодействия культур существовала с момента зарождения человеческого общества, и зачастую все разрешалось межнациональными конфликтами. По настоящее время не разрешены противоречия Ирландии и Англии, конфликты с курдами в Турции и Ираке, противостояния между басками и испанцами и т. д. Подобных примеров достаточно и многие исследователи пишут об увеличении конфликтных ситуаций в мире на почве межнациональных и религиозных расхождений.

Современное мультикультурное общество отражает все многообразие и неоднородность современного сообщества, которые хотят быть открытыми. Мы видим, что мультикультурное общество является обществом конфликтным. Возможен ли переход от конфликта к взаимопониманию, к политике консолидации? Ответ на этот вопрос интересует не только политиков, ученых, общественных деятелей и т. д. Это вопрос принципиальный. Ответ на него связан с проблемой выживания человечества в целом. Поэтому вокруг него идет постоянная полемика. Спектр взглядов на проблему мультикультурализма достаточно широк: от признания необходимости и важности мультикультурального подхода в общественной науке и общественной жизни до признания мультикультурализма вредным явлением, разрушающим традиционную систему ценностей, способствующим глобализации об-

щества. Существует взгляд на мультикультурализм как на «модернизированный расизм». В начале 90-х годов Ф.-О. Радтке, а следом за ним и другие исследователи утверждали, что мультикультурализм становится новой формой национализма. Однако наряду с подобными оценками существуют и другие, согласно которым мультикультурализм объявляется необходимым условием межкультурных взаимодействий и мирного решения сосуществования рас и народов. Но главным остается вопрос, возможно ли на основе политики мультикультурализма, выработать систему законов, нормы морали которые определяли бы сосуществование различных культур и конфессий?

В самом общем виде в литературе мультикультурализм определяется как некоторая форма идеологии (чаще всего подразумевается либеральной), которая способствует реализации стратегий социального согласия и межкультурных взаимодействий различных национальных и конфессиональных сообществ на основе равноправия [14]. На первом этапе своего развития, мультикультурализм зарождается именно как либеральная идеология, которая способствовала росту миграции населения в страны Нового света и страны Европы, как политика, которая обеспечивала бы решение проблем межэтнической толерантности, социального согласия и стабильности.

Возникнув в рамках концепции строительства национального государства в открытых для иммиграции США и Канаде в начале XX века в качестве успокоительного средства стабилизации растущих национальных обществ, мультикультурализм выполнял, прежде всего, социальный заказ – стабилизировать возникающие межнациональные противоречия [15]. Необходимо заметить, что и до сих пор в части стран мира мультикультурализм используется именно для успокоения возбужденных национальных чувств.

Можно отметить и политико-правовые формы измерения мультикультурализма: канадское и американское законодательство, французские законы о гражданстве и т. д. Основной задачей формирования концепций мультикультурализма выдвигалось создание правовых и политических условий, прежде всего в рамках национальных государств, способных обеспечить равный статус национальных меньшинств и большинства населения во всех сферах общественной жизни.

Концепция «плавильного котла», популярная в США в 60-70-е гг., постепенно стала замещаться новой парадигмой – теорией этнического плюрализма. В основе этого подхода лежит утверждение о необходимости сосуществования в рамках единого государства различных этнических групп, которые не сплавляются, а сохраняют свои специфические черты. США не смогли справиться с переплавкой миграционных потоков, до сих пор не решена проблема формирования приемлемой общей национальной идентичности. Именно поэтому первыми в борьбу с расовой дискриминацией и за необходимость государственной поддержки чернокожего населения вступили активисты иммигрантских меньшинств, выдвигавшие лозунги этнического возрождения и потребовавшие публичного признания культурного многообразия [16]. В обсуждение расовых проблем активно включились и академические круги. Этот подход с определенными оговорками оказался не чужд и антирасистскому движению, и правительству [17].

Обострение расовой и межэтнической напряженности в стране к середине XX века, когда меньшинства в США не захотели или не смогли интегрироваться в системе «плавильного котла», побудило американских социологов вернуться к понятию "этничность", которым они обозначили широкий комплекс явлений, связанных с попыткой малых этнических групп защитить себя от натиска нежелательных для них побочных явлений интернационализации. Отчетливо прослеживалось стремление этих групп подчерк-

нуть свою этническую принадлежность, обрести национальное самосознание, отменить своеобразие своей культуры. «Плавильный котел» не смог выдать «стопроцентного американца». Исходя из такого понимания самого феномена этничности, американские ученые предприняли попытку рассмотреть как общие принципы "возврата к этничности", так и особенности этого явления в различных странах. Был сделан вывод, что этничность как бы первозданна, но была на какой-то исторический срок лишь отодвинута на задний план интернационализацией мира. В наши же дни наблюдается всеобщий "возврат" к ней. Вместе с тем очевидна невозможность "вернуться" к изначальной независимости малым, локализованным друг от друга, этническим группам.

В Канаде, где был принят первый юридический акт о мультикультурализме в качестве государственной политики, мультикультурная стратегия выстраивается на основе выделения двух категорий граждан, различающихся, прежде всего, по языку: англофонов и франкофонов. Вместо термина "этничность" были предложены понятия языка и культуры, что послужило основанием для признания культурного разнообразия населения страны.

В мультикультурной стратегии Австралии, где мультикультурализм является официальной государственной политикой, лидерам этнических групп отводится важное место в участии управлением полиэтничным обществом, а сам феномен этничности используется и поддерживается государством как инструмент для локализации социальных инициатив. Таким образом, правительство ряда стран сделало попытку положить конец политике ассимиляции и дискриминации иммигрантов и постаралось создать равные условия жизни для всех жителей независимо от расы, национальности и языка.

В Германии мультикультурализм дал возможность обсуждать проблемы иммиграции, не затрагивая идейные основы национального государства. Этот подход давал возможность обсуждать положение неграждан (зачастую иммигрантов не в первом и даже не во втором поколении) в терминах культурных различий, и не затрагивал проблемы социальных барьеров, препятствующих полноценному участию этих людей в жизни общества. Проблемы гражданства, доступа к рынку труда, ограничений социальных прав не являлись «актуальными». Иностранцы рассматриваются как носители «иной» культуры, которых именно в таком качестве необходимо адаптировать к «принимающему» обществу [19].

Таким образом, для политиков, средств массовой информации, общественных организаций и академических кругов сведение социально-государственных проблем к культурологическим стало своеобразной уловкой, с помощью которой формировалось соответствующее общественное мнение. «Сложная система социальных противоречий “выпрямляется” до простой конфронтации “своего” и “чужого”» [20]. Подобные подходы в разных сочетаниях использовались и в других западных странах [21]. Таким образом, мультикультурализм описывает различные социальные ситуации, стратегии государственной технологии власти по разным параметрам, включая географические и исторические [22].

Дальнейшее развитие показало, что концепция мультикультурализма не стала средством консолидации общества, но, тем не менее, выдвинула ряд положений, определивших новый период в разработке проблем межэтнического и межкультурного взаимодействия. Мультикультурализм оказался явлением разнородным, в различных странах складывалось его различное понимание, уровень экономического и социально-политического развития стран с полиэтничным населением был различен; не сложилось единого научного понимания проблемы мультикультурализма. Ф. Барт отмечает: «Разным режимам нужны разные условия их сохранения, стабилизации, они имеют разную последовательность действий,

т.е., как политические акторы они будут внедрять такие стратегии действий, которые позволят им контролировать этнические движения и группы» [23]. Тем не менее, главным выводом который получился в результате анализа проблем мультикультурализма, стала идея признания этнокультурного плюрализма как основы межэтнического, межкультурного взаимодействия. При этом, один из основных тезисов мультикультурализма, тезис мирного сосуществования, оставаясь актуальным и востребованным, расходится с реальной международной, социально-экономической и политической практикой правительств различных стран мира.

Начало философской теории мультикультурализма было положено Ч. Тэйлором [24]. Основные категории его теории – «автономия», «признание», «идентичность», «аутентичность и оригинальность» личности – легли в основу дальнейших исследований теоретических проблем мультикультурализма. Мультикультурализм у Ч.Тейлора не ограничивается борьбой индивидов за признание, требование признания оригинальности, своеобразия и равнозначности распространяется на идентичность групп. С идеями Ч.Тейлора соотносится теория мультикультурного гражданства У. Кимлики, в которой подчеркивается, что наличие у индивидов неравных долей социальных благ естественно. А либеральные классические принципы должны соответствовать требованиям «внешней защиты» меньшинства перед решением большинства в обществе.

Таким образом, термин «мультикультурализм», а также ряд концепций и научных направлений им определяемых, имеет достаточно длительную и непростую историю. Термин «мультикультурализм» вводился в оборот в разных контекстах и первоначально выполнял исключительно инструментальную функцию. Свое дальнейшее развитие он получил, по преимуществу, в социально-философских науках США, Австралии, Канады, Западной Европы, где он находится в центре внимания академических, политических и общественных дискуссий уже более двух десятков лет, наряду с такими понятиями как этничность, этническая и национальная идентичность, нация, этническая среда, национальные меньшинства. [25]

Необходимо отметить, что современная политика мультикультурализма является своеобразным ответом национального государства на изменение этнодемографической ситуации в стране, обусловленной активными миграционными процессами. С точки зрения правительств ряда европейских государств, культурный плюрализм должен преуменьшить конфликтность на этнокультурной почве, что, в тоже время, ведет и к сокращению объемов государственной социальной помощи этническим меньшинствам, исходя из политики равенства культур. Но именно это ведет к уязвимости мультикультурного общества, его слабостью управляемости.

Таким образом, во-первых, мы понимаем мультикультурализм как сосуществование разных культур, их взаимодействие и взаимовлияние. Межкультурное взаимодействие, диалог культур в современном мире являются определяющими моментами коммуникации различных этносов и конфессий. Очевидно, что все конфликты в современном мире определяются недостатком взаимопонимания и коммуникации различных культур. В принципе, мультикультурализм — это социально-политический феномен, предполагающий равенство культур, которые имеют одинаковое право на жизнь. Мультикультурализм предлагает интеграцию культур без их ассимиляции, их мирное сосуществование не только в отдельной стране, но и во всем мире. Мультикультурализм — политика, направленная на развитие и сохранение в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий, и обосновывающая такую политику теория или идеология. Отмечая особенности современной государ-

ственной идеологии Л. Туроу, например, пишет: «Если нет ни сильной внутренней идеологии, ни непосредственной внешней угрозы, нации распадаются на противоборствующие этнические, расовые или классовые группы»[26].

Во-вторых, мультикультурализм — один из аспектов толерантности, суть которой в общем виде сводится к смешению культур в целях их взаимного влияния, обогащения и развития в русле массовой культуры. То есть речь идет о включении в культуру населения страны элементов культур мигрантов из бывших колоний, либо нелегально проникающих в страны с высоким уровнем жизни.

Несмотря на то, что в рамках политики мультикультурализма правительства принимающих стран предпринимают большие усилия по сохранению национального самосознания иммигрантов, их языковой, религиозной культуры, в конечном итоге, в этих странах образуются большие этнические группы, не осознающих себя частью нации. Более того, они являются, в конечном счете, конкурентами в социально-экономической жизни. Именно на социально-экономической почве и возникают межэтнические конфликты. В современности ярким примером подобных конфликтов является Франция.

Может ли политика мультикультурализма привести к ликвидации межнациональных конфликтов? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо разобраться в сути политики мультикультурализма. Если мультикультурализм – это политика государства по признанию культур всех народов, этнических групп, проживающих на его территории, то из области культуры мы переходим в область политики и экономики. Именно социально-политические и экономические проблемы являются основой этнических конфликтов. Борьба идет, прежде всего, не за культурные права, а за политические и экономические интересы. Пропагандируемые стратегии поведения оказываются глубинно связаны с интересами бюрократии и элиты [27]. Но именно само государство, более всех заинтересованное в собственной целостности, должно в первую очередь заниматься ликвидацией этнических конфликтов на своей территории, решая проблему объединения граждан на основе единой национальной идеи, предотвращая свой распад. Содействие в образовании единого сообщества в государстве, где существуют межэтнические конфликты, может быть осуществлено только с позиций мультикультурализма, который основан на «принципах равноправного сосуществования различных форм культурной жизни» [28].

Мультикультурализм, с одной стороны, может стать общей государственной идеологией, а с другой, не должен разрушать уже сложившиеся объединения, причем здесь нужно отметить, что идея мультикультурализм не ограничена принятием культурных особенностей только этнических групп, но также и различных субкультур. Предполагается, что политика государства должна давать возможность и необходимость обеспечения участия различных этнических групп в системе государственного управления. В государственной управленческой практике ряда стран политический мультикультурализм применяется довольно активно. В США, например, представители различных этнических групп участвуют в системе государственного управления на различных уровнях, включая высшей эшелон власти. Таким образом, мультикультурализм есть, прежде всего, этническое, политическое разнообразие, в конечном итоге – федерализм. В политический процесс должны быть включены на равноправной основе представители всех национальных и культурных меньшинств, общественных и политических сил государства. Насколько это возможно в настоящее время, ответить достаточно сложно, даже для Западной Европы.

В то же время мирное урегулирование региональных конфликтов предполагает реализацию принципов политического разнообразия, международной интеграции на основе принципов равноправия и суверенитета, федерализма или самоопределения.

Мультикультурализм, возникший как феномен, своеобразная политика поддержания разнообразия этнических культур в рамках общины, общества выходит за пределы социальной коммуникации и становится пространством формирования государственной политики. Термин "мультикультурализм", появившийся в конце 80-х годов, «поначалу означал нечто вполне безобидное: уважение большинства к меньшинствам, равный статус различных культурных традиций, право индивидов на выбор собственной идентичности...»[29], а в настоящее время стал обозначать не только внутрисоветскую национальную политику, но и активно внедряется в систему национальных отношений на межгосударственном уровне.

Для описания постсоветской ситуации в области мультикультурализма современные теоретические схемы западной социологии оказываются не вполне релевантны. Ни к одному из типов мультикультурных обществ, выделяемых западными социологами, постсоветские общества отнести нельзя. Любая типология по необходимости недостаточно исчерпывающа. Постсоветский мультикультурализм не является и постнациональным, поскольку, во-первых, процесс образования национальных государств еще не завершен, и во многих регионах постсоветского пространства усиливаются процессы этнической идентификации, а также тенденция к возрождению ранее маргинализированных языков национальных меньшинств. Во-вторых, нациообразующий процесс происходит в условиях тяжелого экономического и социального кризиса. То есть, постсоветский мультикультурализм не такой, какой можно было бы наблюдать в досовременных и донациональных обществах, поскольку на постсоветском пространстве в данный момент происходит процесс становления национальных государств. И не такой, как в мультикультурных обществах Нового Света, поскольку его динамика определяется взаимодействием исконных для данной территории этнических культур аборигенного и старожильческого населения, а отнюдь не иммиграцией и заселением.

1. Мультикультурализм и мультикультурные отношения сложились еще в СССР, но и по настоящее время он является необходимым условием развития полиэтничных государств и является основой для урегулирования этнических конфликтов, необходимо только его политическое измерение. Мультикультурализм выступает одним из аспектов толерантности и способствует равному сосуществованию культур, их взаимопроникновению и обогащению. Политический мультикультурализм – это политика государства, способствующая обеспечению участия этнических групп в управлении государством на различных уровнях.

2. Мультикультурализм является явлением, разрушающим национальную идентичность и существующую многовековую систему культурных ценностей этноса. Мультикультурализм способствует обезличенному глобализму, является угрозой национальной гармонии и единству.

3. Идеология и политика мультикультурализма, выдвигающая предположение о возможности бесконфликтного сосуществования различных культур является утопической.

4. Ряд аналитиков полагает, что мультикультурализм, напротив, подчеркивает разнообразие и различие в нациях [30].

5. Существует точка зрения, что мультикультурализм должен включить в систему обсуждения проблемы гендера, класса, религии, расы, т. е. ту часть проблем, которая, так или иначе, относится к понятию многокультурное общество.

Если отмечать в целом, то в российской науке понятие «мультикультурализм» в первую очередь, обозначает наличие фактической поликультурности, полиэтничности, поликонфессиональности сообщества как продолжение идеологии России. На протяжении многих веков Россия была и есть страна полиэтничная, многоконфессиональная и мультикультурная.

Достоинствам российского мультикультурализма является, прежде всего, сохранение и поддержание культурного многообразия; признание и защита национальных меньшинств; отказ от шовинизма и ксенофобии; воспитание веротерпимости и уважения к другим культурам; политика интеграции культур. Тем не менее, дискурс мультикультурализма противоречив. Его недостатки, являющиеся оборотной стороной преимуществ, проявляются в возможной этнизации социальных отношений, институционализации культурных различий, не признании либерального принципа приоритета прав индивида. Пристрастные оппоненты мультикультурализма среди его изъянов называют также: создание «угрозы» национальной гармонии и единству, усложнение процесса ассимиляции, возможность усиления межгруппового и межрасового недоверия, в частности из-за введения «квотирования» при приеме в вуз, поступлении на работу и т.п.

Относительно того типа мультикультурализма, который сформировался на постсоветском пространстве и который можно обозначить как «постсоветский мультикультурализм», правомерны следующие выводы.

- Постсоветский мультикультурализм является наследником мультикультурных традиций Российской империи, а затем Советского Союза, и поэтому в значительной степени статичен, так как является унаследованным, а не заново возникающим.

- Динамика развития современного постсоветского мультикультурализма во многом определяется архаическим компонентом включенных в него культур. (Советская культура не стала плавильным котлом, как культура американская, поскольку в основе своей была глубоко архаичной и органично вписалась в архаичные структуры.) Отсюда архаизация социальных процессов, явившаяся неожиданным следствием модернизации.

- Большинство государств, образовавшихся в результате распада СССР, формировались не по национальному признаку, а по линиям административных границ, действующих на момент распада. При этом не учитывались ни исторические культурные традиции народов, ни особенности этнических процессов. Процесс образования новых государств подстегнул этнические и миграционные процессы. В итоге возникла ситуация, когда новые постсоветские общества оказались по сути своей мультикультурными, а в образовавшихся государствах оказалась велика доля нетитульного населения.

- В большинстве республик произошла политизация этничности, получили распространение этнополитические процессы, и был выбран курс на построение этнократического государства. Формирование элит происходило в подавляющем большинстве из числа представителей титульной нации, механизмами реализации политики по национальному признаку служили законы о языке.

- Процесс национального строительства во всех постсоветских государствах еще не окончен, а их политика в сфере социальных и национальных отношений является во многом противоречивой (например, в России только сейчас поднимается вопрос о национальной идеологии на государственном уровне).

- Для всего постсоветского пространства характерно сохранение традиционно значимой роли русского языка и культуры, которые выступают средством межнациональной интеграции и основанием межкультурного диалога. Это привело к тому, что в некоторых госу-

дарствах русский язык признается вторым государственным языком или средством межнационального общения.

- Формирование постсоветских мультикультурных обществ происходило в условиях перехода к новой модели экономических и социальных отношений, который сопровождался мощным экономическим кризисом. Социально-экономическое развитие всех бывших республик прошло одни и те же этапы, а экономические условия существования оказались важным фактором этнокультурной идентификации.

- Социальные последствия экономических экспериментов 90-х годов везде оказались одинаковы: ухудшение условий существования основной массы населения, происходящий на этом фоне беспрецедентный рост неравенства в доходах и обвал социальной сферы.

- Мультикультурализм, наблюдаемый сегодня в постсоветских обществах, является не столько следствием постиндустриальных тенденций, свидетельствующих о развитости общества и наличии в нем плюралистического порядка, сколько результатом системного кризиса, повлекшего за собой разрушение сложившихся ранее социальных идентификаций и солидарностей, в том числе и в этнической сфере.

- Динамика постсоветского мультикультурализма определяется не только и не столько иммиграцией, сколько развитием исконных для данной территории этнических культур. При этом традиционной формой существования такого населения являлось существование в рамках полиэтничных сообществ. Также особую роль в функционировании постсоветского мультикультурализма играют феномен ирредентизма и диаспоральные стратегии.

Вместе с тем, наряду со своеобразием складывающегося мультикультурализма, постсоветским государствам свойственны также многие порожденные глобализацией социально-экономические противоречия, характерные для других регионов мира. Более того, оказавшись в промежуточном положении между государствами, развивающимися по так называемой "западной модели", и странами отстающего и догоняющего развития, они стали плацдармом, на котором переплелись наиболее острые противоречия, свойственные и тем, и другим. На современном этапе мультикультурализм – это комплекс идей и действий различных социальных субъектов, направленных на равноправное развитие различных культур, преодоление дискриминации различных групп населения во всех сферах общественной жизни, обеспечение равных шансов при трудоустройстве и получении образования, отмену скрытых и явных препон в административной карьере и пр. Содействуя сосуществованию различных культур в рамках одного общества, мультикультурализм является необходимым условием диалога культур.

На постсоветском пространстве в целом и отдельных его частях феномен мультикультурализма проявляется в полиэтничности, поликультурности, поликонфессиональности. При этом, постсоветский мультикультурализм ориентируется на выдвижение на передний план культуры как идентичности, делая основной акцент на поддержку уже существующих исконных для данной территории культур. Все это дает основание для вывода о том, что мультикультурализм представляет собой не просто этическую доктрину, но и определенную политическую программу, государственную политику, характерную для государств, стремящихся способствовать формированию открытого общества. Таким образом, в проведении политики мультикультурализма основная роль принадлежит государству. Мультикультурализм в России должен стать особой идеологической и политической программой, осуществляемой государством. Сегодня, в условиях, когда практически все индустриально развитые государства мира обсуждают проблему достижения реальных политических, со-

циально-экономических условий реализации межкультурного диалога и взаимодействия, это тем более важно.

Межкультурный диалог многочисленных народов населяющих новые независимые государства, возможен только в условиях мультикультурализма и толерантности. Острую потребность в утверждении культуры толерантности создают процессы глобализации и быстро растущий плюрализм форм общественной жизнедеятельности. В этой ситуации возникает острая потребность в создании условий, когда многообразие взглядов, позиций, установок, способов действия различных агентов политического процесса, независимо от их национальности или конфессиональной принадлежности, не перерастая в силовую конфронтацию, остается в рамках дискурса, позволяющего искать и находить оптимальные решения, приемлемые для всех его участников. Наиболее перспективной и актуальной с такой точки зрения представляется политика консолидации общества не на основе этнической, а на основе гражданской идентичности. Мультикультурное общество – это общество, в котором этнические группы толерантны и решают свои проблемы через социальное партнерство.

Примечания

* Грант РГНФ № 07-03-90311 а/Б

1. Малахов В. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. — М., 2002. — С. 48-60.
2. Капхен Ч. Закат Америки: уже скоро. — М.: Издательство АСТ, Люкс, 2004. — С. 564—572 (Грант РГНФ № 07-03-90311 а/Б)
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2004. — С. 501—505.
4. Уолцер М. О терпимости. — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. — С. 89.
5. Радтке Ф.-О. Дилемма немецкого социального государства в обращении с иммиграцией [Электронный ресурс] // Центр независимых социологических исследований. Режим доступа: <http://www.cisr.ru/files/publ/Migr_Radtke.pdf>.
6. Geißler R. Multikulturalismus in Kanada — Modell fuer Deutschland? [Elektronische Ressource] // Bundeszentrale fuer politische Bildung. Regime des Zugangs: <<http://www.bpb.de/publikationen/XPXZV2.html>>.
7. Parekh B.C. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. P. 6.
8. Parekh B. Common Citizenship in Multicultural Societies // The Round Table. 1999. No 351. P. 449.
9. Кирабаев Н.С. Культурная идентичность, плюрализм и глобализация в современном философском дискурсе // Культурная идентичность и глобализация. Доклады и выступления. 5-й международный философский симпозиум «Диалог цивилизаций: Восток-Запад». — М.: Изд-во РУДН, 2002. — С. 20.
10. Inglis Ch. Multiculturalism: New Policy Responses to Diversity. Paris: UNESCO, 1996. P. 16–17.
11. Giraud M. L'ethnicite comme necessite et comme obstacle//Integration, lien social et citoyenete. Lille.: Presses Universitaires du Septentrion, 1998.
12. Цит. по Otayek R. Identite et democrtie dans le monde global .Paris.: Press de sciences po, 2000. P. 40.

13. См.: Шмаков В.С. Процессы социальной модернизации на постсоветском пространстве: методология исследования // Северный регион: наука, образование, культура. — 2006. — № 1. — С. 109-110.
14. Habermas J. Vergangenheit als Zukunft Das alte Deutschland jm neuen Europa? Ein Gespräch mit Michael Haller (Hrsg) // Haller M. Zürich. 1991. P. 29.
15. См, например: Суси П.И. Нация, культура и кризис идентичности: эссе о мультикультуральных обществах // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. СПб. 1995. Deger P. Ethnische Grenzziehungen, Buergerstatus und multikulturelle Gesellschaft. Gastarbeiter in Deutschland // Kollektive Identität in Kriesen (Hrsg) // Hettlage R., Deger P., Wagner S. Opiaden. 1997.
16. Малахов В. Скромное обаяние расизма и другие статьи. — М.: Модест Колеров и Дом интеллектуальной книги, 2001. — С.49.
17. См. Wieviorka M. Is multiculturalism the solution? // Ethnic and Racial Studies. 1998. Vol. 21. №. 5. P. 886–889.
18. Более полный обзор см. в: Inglis Ch. Multiculturalism: New Policy Responses to Diversity. Paris: UNESCO, 1996, P.41-45; Wieviorka M. Is multiculturalism the solution? // Ethnic and Racial Studies. 1998. Vol. 21. No. 5. P. 881–889; Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтничных обществ. —СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000; Малахов В. Скромное обаяние расизма и другие статьи. — М.: Модест Колеров и Дом интеллектуальной книги, 2001. — С.44–55.
19. Беккер Ф. Этничность и миграция: критическое прочтение понятия этничности в миграционных исследованиях // Ab Imperio. —2001. —№. 3. — С. 67-69.
20. Малахов В. Скромное обаяние расизма и другие статьи. — М.: Модест Колеров и Дом интеллектуальной книги, 2001. — С. 55.
21. См. подробнее: Inglis Ch. Op. cit. P. 61; Rex J. The problematic of multinational and multicultural societies // Ethnic and Racial Studies. 1997. Vol. 20. No. 3. P. 469.
22. См.: Rex J. Ethnic Minorities in the Modern Nation State: Working Papers in the Theory of Multi-Culturalism and Political Integration. Houndmills, Basingstoke: Macmillan Press, 1996.
23. Barth F. Enduring and emerging issues in the analysis of ethnicity // The Anthropology of Ethnicity. Beyond „Ethnic Groups and Boundaries“. Amsterdam, 1996.
24. См.: Taylor Ch. Multiculturalism and the “Politics of Recognition”. Princeton, 1992.
25. Thadden R. Aufbau nationaler Identität. Deutschland und Frankreich im Vergleich // Nationale und kulturelle Identität. Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewusstseins in der Neuzeit (Hrsg) // Geisen V. Frankfurt am Main. 1991. S. 993.
26. Туроу Л. Будущее капитализма // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология /Под редакцией В.Л. Иноземцева. — М.: Academia, 1999. — С.136.
27. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. — М., 1997. — С. 514; Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. —М., 1997.
28. Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтничных обществ. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. —С. 7.
29. Малахов В. Ностальгия по идентичности // Логос. —1999. —№ 3. —С. 9.
30. В. Малахов. Парадоксы мультикультурализма // Иностранная литература.— 1997. —№ 11. — С. 34-35.

Д.А. Топкаев

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ МИГРАЦИОННОЙ
ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ СИБИРСКОГО РЕГИОНА
НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Одним из приоритетов миграционной политики современной России согласно Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации является оптимизация размещения населения и трудовых ресурсов посредством социально-экономических миграций [1]. Перераспределение численного состава населения с учетом потребностей регионов является одним из традиционных механизмов, используемых в мировой практике. Территориальный потенциал России, ее богатые ресурсы подпитывают интерес со стороны мировых держав к их использованию. Одной из таких территорий является Сибирский регион.

Начало присоединения огромного Сибирского края к Русскому государству относится к концу XVI в., когда началось переселение русских в Зауралье и его освоение. Процесс присоединения Сибири к Русскому государству был явлением многосторонним, обусловленным целым рядом обстоятельств исторического развития русского и сибирских народов. Присоединив Сибирь к Российской империи, правительство занялось вопросами организации управления новыми территориями. Появление на огромных просторах Сибири русских существенно изменило этнографическую карту уже в XVII в и оказало влияние на миграционные и этнические процессы в среде местного населения. [2, с.25, 55, 59]. Произошла консолидация пришлого и коренного сибирского населения, что положило начало формированию сибирского этноса.

В период существования советского государства были созданы эффективные рычаги перераспределения трудового потенциала страны, а сибирский регион имел высокую степень миграционной привлекательности. Сегодня ситуация изменилась и Сибирь рассматривается мигрантами как один из наименее благополучных мест потенциальной миграции. Это видно из статистических данных. Вот уже на протяжении последних пяти лет в Сибирском Федеральном округе отмечается отрицательный миграционный прирост (таб. 1) [3, с.67].

Таблица 1.

Миграция населения Сибирского Федерального округа

Название округа	2002	2003	2004	2005	2006
Сибирский Федеральный округ	Число прибывших				
	384109	365767	375655	368118	368553
	Число выбывших				
	417741	407381	405926	385653	386579
	Миграционный прирост				
	-33632	-41614	-30271	-17535	-18026

Тот факт, что с 1 января 2007 года вступила в силу Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, направленная на стабилизацию численности населения Российской Федерации, располагает к принятию конкретных решений со стороны федеральных и региональных властей и серьезной работе по созданию миграционной привлекательности Сибирского региона.

Всего в этом году Россия ждет 23 тысячи переселенцев, а к 2012 году – более 300 тысяч. Реализация программы направлена на привлечение мигрантов в регионы с достаточно низким показателем миграционного прироста на протяжении последних трех лет. По официальной информации МИДа, с момента принятия программы на согласовании в Правительстве Российской Федерации уже находятся 5 региональных проектов информационных сообщений о первоочередных переселениях в следующие субъекты РФ: Иркутская, Калужская, Новосибирская, Тамбовская, Тверская области. Поэтому уже сегодня необходимо позаботиться областным органам власти о создании позитивного образа области, с точки зрения её миграционной привлекательности и активно принимать участие в создании своего регионального проекта. В соответствии с разделом IV Государственной программы Кемеровская область относится к территориям вселения категории «Б», то есть к регионам с отрицательными показателями по численности населения, согласно статистической информации за последние три года. Субъекты данной категории должны иметь стабильное социально-экономическое положение, поэтому для поддержания его требуется массовое привлечение переселенцев. Это обусловлено отсутствием соответствующего предложения рабочей силы на территориальном рынке труда [4]. Настоящий материал содержит анализ проблемы создания миграционной привлекательности Сибирского региона на примере Кемеровской области.

После распада Советского Союза и образования независимых государств Россия активно включилась в миграционный процесс. Первые иммиграционные потоки начали во многом образовываться за счет этнических русских из стран ближнего зарубежья, а также за счет граждан других национальностей, в связи с резким ухудшением экономической ситуации и социально-политической напряженности в этих странах, нередко приводящей к конфликтам. В 1990-х годах за счет «прозрачности границ» со странами ближнего зарубежья миграционный прирост был достаточно стабильным и стал существенным фактором политического, экономического и демографического развития страны (таб. 2) [5, с.100].

Таблица 2.

Миграционный прирост населения России

годы	тыс. человек			годы	тыс. человек		
	все население	городское население	сельское население		все население	городское население	сельское население
1991	51.6	-5.8	57.4	1996	343.6	309.4	34.2
1992	176.1	-113.4	289.5	1997	352.6	296.2	56.4
1993	430.1	166.1	264.0	1998	285.2	240.7	44.5
1994	810.0	537.6	272.4	1999	154.6	99.7	54.9
1995	502.2	406.0	96.2				

В условиях демографического кризиса и высокой естественной убыли населения, которая за 1992-2002 годы составила 7,7 млн. чел., миграционный приток более чем наполовину компенсировал эту убыль и фактически получил такую роль в демографическом разви-

тии страны, которую он никогда не имел ранее [6, С.66]. Согласно предварительным прогнозам специалистов, совокупный демографический потенциал для иммиграции на постоянное место жительства в Россию из стран СНГ и Балтии в ближайшие 10-15 лет равен 7.1-9.1 млн. чел. Из них 4,4-5.2 млн. составит русское и русскоязычное население. При самом благоприятном для России стечении обстоятельств максимальное значение ежегодной иммиграции на постоянное место жительства государств ближнего зарубежья составят в среднем 400-600 тыс. чел. в год, что только на 60-70 % покрывает естественную убыль населения России [7]. Размер миграционного потенциала государств, ориентированных на Россию, зависит не только от численности проживающего в ближнем зарубежье русского и русскоязычного населения и от демографического потенциала бывших союзных республик, но от иммиграционной привлекательности России и ее иммиграционной политики.

Территория России неоднородна и не вся пригодна для заселения. По размерам эффективной для жизни территории Россия занимает только пятое место в мире. Но такие её регионы, как Поволжье и Сибирь, где на жителя приходится 2-2,5 га угодий и 1-1,5 га пашни, сравнимы лишь с самыми многоземельными странами мира [8, с.172]. Традиционно наиболее привлекательными для иммигрантов, въехавших в Россию на постоянное место жительства, являются Центральный и Приволжский федеральные округа. Первый привлекает своей близостью к Европе, второй – благоприятными климатическими условиями. Из-за множества стереотипов, которые присутствуют у мигрантов при выборе места жительства, Сибирь до сих пор воспринимается как достаточно неблагоприятный для жизни регион, с неприемлемыми климатическими условиями, неблагоприятной экологической обстановкой и отсутствием инфраструктуры. Некоторые полагают, что Сибирь является своеобразным ресурсным придатком для европейской части России. Конечно, в Сибирском федеральном округе масса проблем, к решению которых необходимо отнестись федеральным и региональным структурам власти со всей серьезностью, но уже сегодня можно с уверенностью сказать, что у каждого из сибирских регионов сложилась достаточно четкая стратегия развития, направленная на качественный рост жизни человека. Реализация стратегии уже во многом повышает её привлекательность в территориальном пространстве современной России.

Среди регионов Сибири, в полной мере подтверждающих данное утверждение, является Кемеровская область. Если в целом весь Сибирский Федеральный округ вот уже на протяжении пяти лет имеет отрицательные показатели по миграционному приросту, то, согласно последним данным территориального органа федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области (Кемеровостат), область является лидером по количеству миграционного прироста в Сибирском Федеральном округе (таб. 3) [9, с.67]. Справедливо по этому поводу заметила Л.Б. Карачурина: «было бы неверно видеть в миграции единственно верный «рецепт», по которому можно было бы относить регионы к «плохим» или «хорошим», но использовать ее в качестве одного из таких индикаторов непременно следует» [10, с.114].

В чем секрет такого успеха и привлекательности области для мигрантов?

Считается, что для благоприятного естественного и миграционного прироста населения необходимо стабильное социально-экономическое развитие области, направленное на повышение уровня благосостояния населения. В одном из выступлений, посвященных 60-летнему юбилею Кемеровской области, губернатор А.Г.Тулеев отметил, что сегодня Кузбасс уверенно шагает вперед и главной задачей на этом пути является создание достойных условий жизни для кузбассовцев [12]. Это не просто механическое увеличение доходов лю-

дей, а создание качественно нового жизненного пространства, позволяющего быть уверенным в завтрашнем дне. Пожалуй, для каждого человека такая идея будет желаемой при реализации своих жизненных планов.

По мнению ведущих российских специалистов в области миграции населения, иммиграционная привлекательность региона определяется различными факторами, характеризующими условия жизни и труда населения. К числу важнейших из них могут быть отнесены такие, как ВРП ППС (валовой региональный продукт к паритету покупательной способности) на душу населения, ИРЧП (индекс развития человеческого потенциала), уровень естественного прироста населения и ситуация на рынке труда [13]. Конечно, экономические мотивы являются самым значимым фактором не только при выборе места жительства в конкретном регионе, но и для временного пребывания с целью осуществления трудовой деятельности.

Для выявления факторов, определяющих степень привлекательности предположительного места миграции, в мае 2007 года в Новокузнецке было проведено анкетирование. В анкетировании приняли участие 35 человек в возрасте 25-35 лет. Согласно общим психологическим возрастным характеристикам, выбор респондентов был обусловлен их миграционной активностью и наиболее оптимальным с позиции возраста социальной мобильностью. Как показало исследование, 75% опрошенных в ближайшее время не собираются уезжать из Кузбасса, так как именно с областью связывают реализацию своих профессиональных интересов. Здесь сработал известный принцип: «Лучше в условиях незначительной конкуренции специалистов быть успешным, чем рисковать и остаться незамеченным в новой социальной действительности». Среди факторов, влияющих на выбор потенциального места жительства (города, региона, страны), респонденты выделили следующие: 85 % – стабильная работа, 67% – реальная возможность приобретения жилья в собственность, 59% – приемлемые географические условия, 32% – благоприятная экологическая обстановка и 21 % – высокий уровень культуры. Далее мы намерены проанализировать каждый из вышеобозначенных факторов, охарактеризовать их объективное состояние на сегодняшний день применительно к Кемеровской области.

Таблица 3.

Миграция населения Сибирского Федерального округа

Миграционный прирост					
	2002	2003	2004	2005	2006
Сибирский Федеральный округ	-33632	-41614	-30271	-17535	-18026
Республика Алтай	86	-43	177	253	355
Республика Бурятия	-4309	-3536	-3652	-4279	-3553
Республика Тыва	-775	-688	-826	-821	-1200
Республика Хакасия	189	643	454	487	-150
Алтайский край	-5945	-7315	-6597	-6402	-7168
Красноярский край	-4659	-6567	-5538	-4960	-4037
Иркутская область	-4349	-5240	-5202	-5413	-6049
Кемеровская область	445	272	2518	5780	4572
Новосибирская область	-354	-3233	372	1757	2777
Омская область	-7800	-9631	-5900	-2153	-651
Томская область	342	-1278	-1603	1505	1392
Читинская область	-6533	-4998	-4474	-3289	-4314

1. Стабильная работа. Со времени своего образования (т.е. с 1943 года) и по настоящее время Кемеровская область играет ведущую роль в экономике Сибири. Здесь сосредоточено около одной трети основных производственных фондов Западной Сибири. Основу промышленного потенциала Кемеровской области составляют предприятия топливно-энергетического комплекса, металлургии, химии, машиностроения и металлообработки. В Кузбассе расположен крупнейший в мире каменноугольный бассейн. Уникальность Кемеровской области заключается в её высокой степени урбанизации, что является вторым показателем после Московской области. На долю сельского населения приходится всего около 13-15%, остальные граждане – живут в городах. Благодаря высокой концентрации производства рынок труда области имеет свои особенности.

Если в 1990-е годы на рынке труда чувствовалась напряженность за счет увеличения масштабов безработицы, в связи с ростом количества численности населения в трудоспособном возрасте в условиях экономической нестабильности. Сегодня условия на рынке труда изменились, и Кемеровская область испытывает дефицит человеческого потенциала для рационального использования огромных природно-ресурсных возможностей.

Согласно официальным данным Госкомстата, Кемеровская область по статистическим показателям потребности предприятий в работниках, заявленным в службы занятости на апрель 2007 года, занимает третье место среди субъектов Сибирского федерального округа. Данные таблицы 4. содержат показатели за три года, благодаря чему можно отследить их в динамике. В Кузбассе существует достаточно стабильный спрос на представителей рабочих профессий со стороны предприятий области: каждый четвертый из них трудится на промышленных предприятиях [14] (таб. 4).

Таблица 4.

Потребность предприятий в работниках, заявленная в службах занятости (в тыс. чел.)

Сибирский федеральный округ			
Название субъекта РФ	апрель 2005	апрель 2006	апрель 2007
Республика Алтай	645	1081	1267
Республика Бурятия	4213	4654	6678
Республика Тыва	301	429	462
Республика Хакасия	2735	2516	3354
Алтайский край	8793	8522	11178
Красноярский край	16015	13835	17879
Иркутская область	12851	14071	29652
Кемеровская область	27117	27307	26495
Новосибирская область	22817	23988	35588
Омская область	9546	9811	15562
Томская область	4616	5402	7361
Читинская область	1634	1395	2418

Данные за I полугодие 2007 показали, что численность экономически активного населения в мае составила 1395 тыс. человек, в том числе 1296 тыс. человек (93%) заняты в экономике. Из них официальный статус безработного на конец мая имели 38,4 тыс. человек, что на 20% меньше мая прошлого года. По сравнению с маем 2006г. численность занятого населения увеличилась на 11 тыс. человек, или на 0,8%. Основной процент дефицита

трудовых кадров сосредоточен в двух городах – Новокузнецке и Кемерово. В первом – в силу высокой концентрации металлургической и горной промышленности, во втором – благодаря химической промышленности и наличию статуса столицы Кузбасса. Конечно, уровень заработной платы во многом определяется местом работы. Если это мелкий населенный пункт, где минимальное количество вакансий, то оплата труда может быть ниже прожиточного минимума; если это город (таких в Кузбассе 22), то есть высокая степень вероятности устроиться на градообразующие предприятия или в сферу торговли. В целом, среднемесячная заработная плата одного работника по области в январе-мае 2007 составила 11530 рублей (включая 30% районный коэффициент).

Сегодня на рынке труда области работает главный принцип, согласно которому уровень зарплаты определяется уровнем квалификации, поэтому для оперативного решения проблемы, связанной со стабильным местом работы и гарантированным материальным достатком необходимо быть специалистом своего дела.

2. Реальная возможность приобретения жилья в собственность. Если сложности с поиском работы – формальными или неформальными методами – со временем устраняются, то с жильем все обстоит гораздо сложнее [15, с.114]. Сегодня на рынке недвижимости Кузбасса наблюдается положительная динамика строительства жилых объектов. С начала года в области построены жилые дома общей площадью 489 тыс. м² (126% к уровню I полугодия 2006г.). Большая часть жилых помещений (85,5% всего ввода) расположена в городах и поселках городского типа. В сельской местности сданы в эксплуатацию жилые дома общей площадью 71,1 тыс. м², что на 7,1% больше, чем в I полугодии 2006 г. [15]. Приобретение недвижимости в собственность является одной из приоритетных задач для мигрантов. Низкая покупательная способность усложняет решение данного вопроса. Сегодня существует широкий ценовой диапазон на жилье в разных регионах и в разных типах населенных пунктов. Так, например, рыночная цена квадратного метра жилья в Новокузнецке, самом крупном городе Кемеровской области, колеблется от 28000 до 38000 рублей, поэтому возможность переезда в крупнейшие города области становится для мигрантов проблематичной.

Главным инструментом в решении жилищного вопроса является ипотечное кредитование. В настоящее время в Кузбассе действуют несколько программ, предусматривающих государственную поддержку молодых семей и других категорий населения, постоянно проживающих на территории Кемеровской области и нуждающихся в улучшении жилищных условий, за счет кредитования на приобретение или строительство жилья. Беспрецедентным не только для области, но и для всей России является поддержка молодых специалистов в бюджетной сфере. Предусмотрена возможность получения беспроцентной ипотеки сроком до 20 лет, без первоначального взноса. Созданы специальные программы с целью закрепления молодых специалистов в организациях области, повышения общественной активности молодежи, улучшения демографической ситуации и укрепления института семьи в Кемеровской области.

Поэтому, если раньше жилищный вопрос был основным барьером для мигрантов при выборе места жительства, то с изменением социально-экономической ситуации появились приемлемые варианты его решения.

3. Приемлемые географические условия. Кемеровская область расположена на юго-востоке Западной Сибири и географически занимает срединное положение между Москвой и Владивостоком. По площади Кемеровская область самая маленькая в Западной Сибири – она составляет всего 95,5 тыс. кв. км. Так, площадь Тюменской области составляет 1361,9

тыс., а Омской – 139,7 тыс. кв. км. В то же время область по площади значительно больше, чем любая из республик Закавказья или Балтии. Она превосходит по размеру территории ряда стран Западной Европы. Для сравнения: площадь Венгрии – 93 тыс. кв. км, Португалии – 92 тыс. кв. км, Австрии – 83,8 тыс., Ирландии – 70 тыс., Норвегии – 62,0 тыс., Швейцарии – 41 тыс., Бельгии – 30,5 тыс. кв. км. [11]. Административные границы Кемеровской области отдалены от крупных водоемов (морей, океанов). На севере она граничит с Томской областью, на востоке с Красноярским краем и республикой Хакасия. На юге границы проходят по главным хребтам Горной Шории и Салаирского кряжа с республикой Горный Алтай и Алтайским краем, на западе - по равнинной местности с Новосибирской областью. Протяженность Кемеровской области с севера на юг почти 500 км, с запада на восток – 300 км. Важной особенностью географического положения Кемеровской области является то, что она находится в глубине огромной части суши, вблизи центра материка Евразия, на стыке Западной и Восточной Сибири и значительно удалена от морей и океанов. Расстояние до ближайшего холодного северного моря (Карского) – почти 2000 км, до ближайшего теплого моря (Черного) – более 4500 км. Зима продолжается до 8 месяцев, но переносится легко, так как климат резко-континентальный.

Совокупность обозначенных географических факторов призвана разрушить стереотипное, зачастую искаженное представление мигрантов о неприемлемости жизни в суровых природных условиях Кемеровской области. Более того, данные условия стимулируют развитие туризма, спорта и особенно его зимних видов.

4. Благоприятная экологическая обстановка. Вот уже на протяжении многих лет с развитием горной и металлургической промышленности экологическая обстановка в Кузбассе остается напряженной. В атмосферу Кузбасса ежегодно попадает более 1,5 млн. тонн вредных промышленных выбросов, из которых 51,6% – окись углерода, 15% – сернистый ангидрид, 8% – окислы азота, 3,5% – углеводород. Наибольший «вклад» в загрязнение вносит металлургия – более 800 тысяч тонн, энергетика – 320 тысяч тонн, угольная промышленность – 170 тысяч, строительная – 80 тысяч, химическая – 15 тысяч тонн. Из городов абсолютное первенство по загрязнению – у Новокузнецка (573 тысячи тонн). Далее следуют: Белово – 113, Мыски – 102, Кемерово – 95 и т.д. Рекордно низкие выбросы в Калтане – 0,03 тысячи тонн. Ежегодно в области проводятся семинары и круглые столы по проблемам экологии, результатом которых служат создание перспективных экологических программ. Так, например, в 2004 в Кемерово состоялся «круглый стол» по теме: «Экологическая безопасность Кузбасса. Взаимодействие власти, бизнеса и общественности в решении экологических проблем». Согласно резолюции «круглого стола» Кемеровская область по показателям загрязнения окружающей среды: воздуха, воды и почвы и показателям здоровья населения продолжает оставаться одним из самых «грязных» регионов России, зоной чрезвычайной экологической ситуации [16].

Такое положение дел отрицательно влияет на демографическую статистику: растет коэффициент общей смертности, происходит сокращение общей численности населения за счет отрицательного естественного прироста (таб. 5), снижается продолжительность жизни. Область имеет максимальные темпы и абсолютные значения естественной убыли населения в Западной Сибири, низкий уровень рождаемости. Хотя, следует отметить, что с 2000-го по 2006-й годы рост рождаемости в Кемеровской области составил 12,2%. Определенным стимулом к повышению уровня рождаемости послужили инициативы федеральной власти по увеличению детских пособий и стимулированию рождения второго ребёнка в виде выдачи родового сертификата.

Таблица 5.

Численность населения Кемеровской области (на конец года, в тыс. чел).

Год	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Количество	2962,1	2940,5	2893,4	2872,1	2855,0	2838,6	2825,7

Экологическая обстановка области не самая благополучная, но областная и муниципальные администрации со всей серьезностью относятся к решению этой проблемы. На сегодня принято 9 региональных законов и более 100 нормативных актов об охране окружающей среды и рациональном природопользовании. Главная задача – повышение эффективности природоохранной деятельности. В области действуют экологические проекты (например «Новокузнецк 2010», который включает три программы: «Питьевая вода», «Промышленные аудиторские экспертизы» и «Снижение выбросов в атмосферу»), направленные на улучшение экологических условий города. Также в 2002 году была принята Концепция экологической политики Кемеровской области, целью которой является совершенствование деятельности по охране окружающей природной среды и обеспечение экологической безопасности населения региона. Аналитическая информация по ключевым экологическим проблемам области и реализации стратегии находится на официальном сайте Кемеровской региональной общественной организации «Информационное экологическое агентство» [16]. При такой сложной экологической обстановке степень миграционной привлекательности области значительно уменьшается, но в перспективе, когда будет замечен эффект от политических решений, выраженных в программах и различного рода проектах, ситуация может и должна измениться в лучшую сторону, так как область обладает сильной экономикой.

5. Высокий уровень культуры. Данный аспект проблемы привлекательности отмечен респондентами не случайно. Здесь, скорее, акцент сделан не просто на развитие и достижения культуры Кемеровской области, у которой, безусловно, есть достойные результаты, а на внутренний культурный потенциал и воспитание проживающих здесь людей. В условиях высокой концентрации промышленного производства в области сформирован своеобразный рабочий менталитет, то есть совокупность установок, ценностей и традиций, свойственных определенной (данной) группе людей. Для мигрантов, особенно нерусскоязычных, необходимо быть уверенным, что после приезда в область у них сложатся доброжелательные отношения с местным населением. Как показывает практика, достижимость желаемого на 80-90% зависит от самого мигранта и используемой им модели поведения.

В Кузбассе проживает более 100 разных наций и народностей, поэтому огромное внимание уделяется воспитанию толерантного отношения друг к другу. При организационной и финансовой поддержки администрации в области действует мощная сеть национально-культурных объединений, деятельность которых сосредоточена на изучении национальных традиций. В области создано около 450 факультативных курсов по изучению родных языков. Названные меры обеспечивают приемлемые условия для «диалога национальных культур» с целью обмена опытом и национальной интеграции. Координационные действия по осуществлению «вхождения в культуру» принимающей стороны активно и адаптации к ней ведут национальные общины. Для повышения эффективности работы по данным направлениям в Кемеровской области принята программа «Культура Кузбасса», которая по значимо-

сти рассматривается как пятый национальный проект. Поэтому можно отметить, что в настоящее время в области происходят позитивные изменения культурного пространства, приоритетом в которых является человек, независимо от национальности и его ценностных ориентаций.

В результате исследования проблемы привлекательности региона, согласно заданным респондентами факторам, можно отметить, что Кемеровская область имеет достаточно характеристик, привлекательных для мигрантов, благодаря созданной в области единой стратегии ее развития. В идеале, для определения подходящего места жительства необходимо более детально анализировать все ключевые показатели развития региона по экономике (промышленности, сельскому хозяйству, внешнеэкономической деятельности, транспортной инфраструктуре, связи, строительству, банковской сфере) и социальной сфере (демографии, здравоохранению, образованию и науки, культуре и искусству, религии, спорту, туризму, социальной защите населения, ипотеке). Если такая необходимость возникает, то логичней использовать краткую аналитическую информацию и статистические показатели социально-экономического развития региона, которые находятся на официальном сайте администрации Кемеровской области.

В современной социально-экономической ситуации, когда на рынке труда заметно снижается качество трудового потенциала, требуется постоянный приток квалифицированных рабочих кадров. Кузбасс принято называть кузницей рабочих кадров, благодаря чему он с каждым днем становится все более привлекательным для специалистов рабочих профессий. Если просто предположить, что в регионе нет полезных ископаемых и крупной металлургической промышленности, будет ли область привлекательной для мигрантов? Вопрос остается открытым. Осуществляя поиск наиболее оптимального варианта развития всех отраслей области, нельзя сегодня лишь механически обеспечивать прирост кадров, используя зачастую труд мигрантов низкой квалификации. Только прогнозирование и дальновидность, сбалансированные решения в сфере миграционной политики будут способствовать стабильному и качественному росту области, который обеспечит высокий уровень привлекательности Кузбасса среди всех регионов России на длительную перспективу.

Чтобы у современного мирового сообщества не складывалось мнение о России, как о небольшом государстве «Московия», каким его представил немецкий дипломат Зигмунд фон Герберштейн в XVI веке в своей работе «Проезжая по Московии»; и чтобы пространство нашей страны воспринималось как единство органически дополняющих друг друга территорий, необходимо уже сегодня проводить взвешенную миграционную политику по отношению к Сибирскому региону.

Примечания

1. Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru>. – Загл. с экрана.
2. История Сибири: в 5 т. / под ред. А.П.Окладникова. – Т.2. – Л.: Наука, 1968.
3. Миграция населения Кемеровской области в 2006 году (Статистический бюллетень). – Кемерово, 2007.
4. Приказ от 29 декабря 2006 г. №152. «Об утверждении положения о критериях отнесения субъектов Российской Федерации к категориям территорий вселения, по которым определяется объем государственной поддержки, оказываемой субъектам Российской Федерации, участвующих в государственной программе по оказанию содействия доброволь-

ному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, за счет средств федерального бюджета» [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.mvd.ru . – Загл. с экрана.

5. Российский статистический ежегодник. – М.: 2000.

6. Ионцев В.А., Ивахнюк И.В. Международная миграция населения в России на рубеже XX – XIX вв. // Международная экономика. 2005. №1-2.

7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.archipelag.ru/agenda/povestka/naturalization/doklad/doklad.4?version=forprint.

8. Метелёв С.Е. Международная трудовая миграция и развитие российской экономики: Монография. – М.:ЮНИТИ – ДАНА: Закон и право, 2006.

9. Миграция населения Кемеровской области в 2006 году (Статистический бюллетень). – Кемерово, 2007. – С.67.

10. Карачурина Л.Б. Межрегиональная миграция и социально-экономическая дифференциация пространства современной России // Проблемы прогнозирования 2006. – №3 – С.96-115.

11. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ako.ru/Kuzbass/geogr.asp?n=4>

12. Красносельская Т. Аман Тулеев: "Мы строим новый Кузбасс" // Кузбасс. – 2003. – № 013-014 (24.01.2003).

13. Вишневский А.Г., Зайончковская Ж.А, Макртчан Н.В., Трейвиш А.И., Тишков В.А. Доклад «Перспективы миграции и этнического развития России и их учет при разработке стратегических направлений развития страны на длительную перспективу» – М.: Институт экономики переходного периода, 2004.

14. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gks.ru>

15. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://stat.kemcity.ru>

16. [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <http://www.ineca.ru>

Р.Ю. Федоров

**РЕГИОН КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ОСВОЕНИЕ,
КОММУНИКАЦИИ, ЦЕННОСТИ**

В современных отечественных гуманитарных исследованиях отчетливо выражено стремление рассматривать регион не только в качестве единицы географического пространства, но и как особое социально-пространственное образование с той или иной артикуляцией (политической, производственно-экономической, культурной) [1], [2], [3], [4], [5], [6].

Подобные подходы тем более оправданы, когда речь заходит об истории региона, о его генезисе. К одному из методологических подходов, дающих возможность комплексного рассмотрения социокультурных особенностей территории региона, можно отнести концепцию культурного ландшафта. Несмотря на отсутствие однозначной трактовки понятия "культурный ландшафт" в современной науке, в наиболее общих чертах под ним можно понимать комплекс как материальных, так и духовных форм культуры (включая особенности жизненного уклада того или иного сообщества), сформировавшихся в процессе освоения территории. Очевидно, что подобный подход во многих случаях помогает избежать крайностей "одномерных" трактовок пространства культуры, рассматриваемого отдельными дисциплинами, к примеру, лишь в качестве совокупности материальных артефактов или социально-демографических процессов.

На формирование концепции культурного ландшафта значительное влияние оказало выделение И. Кантом в системе научных знаний хронологических направлений, изучающих пространственные закономерности бытия. Развивая данный подход, К. Риттер обосновал хронологический принцип, ставший революционным для географии и, по сути, превращавший ее из "науки о размещении объектов, в науку о заполнении пространств" [7], [8].

В начале XX века в научный лексикон США, Европы и России понятие "культурный ландшафт" почти параллельно начали вводить К. Зауэр, О. Шлютер и Л.С. Берг [9], [10]. Первоначально под ним преимущественно подразумевались лишь материальные результаты антропогенной деятельности, противопоставленные "неокультуренной" природной среде. Однако к концу столетия в понятие "культурный ландшафт" многие исследователи все чаще стали включать слой нематериальной (духовной, идеальной) культуры [11], [12], [13], [14]. Развивая данный подход, современные исследователи соотносят закономерности формирования культурных ландшафтов не только с характером преобразования природы, но и с субъективными процессами наделения человеком среды его обитания атрибутами ценностей и смыслов культуры. Подобное понимание культурного ландшафта послужило отправной точкой к применению в его рефлексии методологических подходов, привнесенных из таких направлений философии, как феноменология, герменевтика, аксиология, структурализм и др.

Так, В.Л. Каганский, определяя свой исследовательский метод как герменевтику ландшафта, осуществляет посредством него своеобразное прочтение общества по объективированным на поверхности определенных участков Земли результатам его деятельности. Опираясь на него, автор утверждает: "Всякое земное пространство, жизненная среда доста-

точно большой (самосохраняющейся) группы людей – культурный ландшафт, если это пространство одновременно цельно и дифференцировано, а группа освоила это пространство утилитарно, семантически и символически” [15].

Любой культурный ландшафт можно рассматривать в качестве своеобразного "произведения", созданного жизненным укладом определенной социокультурной общности. Поэтому жизнедеятельность культурного ландшафта в первую очередь поддерживается за счет различных форм актуализации специфических социальных и культурных ценностей, присущих формирующему его сообществу.

Маршруты освоения, по которым распространялись определенные культурные ценности и связанные с ними прототипы образа жизни можно рассматривать в качестве своеобразных "силовых линий", во многом определяющих специфику культурного ландшафта того или иного региона.

В данной работе предпринята попытка с этих позиций проследить социокультурную доминанту становления регионов, сложившихся на территории Урала и Западной Сибири в ходе поэтапного освоения и формирования соответствующих слоев культурного ландшафта: промыслового, аграрного, промышленного, нового индустриального. Одним из способов реконструкции этих слоев является ретроспективный анализ маршрутов освоения, предпринятый опять-таки не только в географическом, но и в ценностно-смысловом измерении.

В истории колонизации обширной и слабозаселенной территории Сибири решающую роль играли сухопутные и водные маршруты освоения. Первоначально их эскиз намечался строительством опорных острогов, в задачи которых входил набор несложных военно-оборонительных и представительских функций. Однако в скором времени начинался процесс обживания нового маршрута, формирования определенных устоев хозяйственной и духовной жизни, служивших образцами для наследования и распространения. Тем самым маршруты колонизации в контексте формирования культурного ландшафта можно рассматривать и более широко – как *коммуникации освоения*, соединяющие в себе целый ряд моментов, главным образом – путей сообщения и человеческого общения. И если первый имеет очевидное географическое измерение, то второй обладает определенной территориальной привязкой в силу сложившегося на данном месте образа жизни локальных сообществ.

При этом освоение пространства, представленное различными структурно-коммуникативными способами (маршрутно-каркасный или же фронтальный), особым образом организует его практическую значимость и ценностную специфику. То есть можно вести речь о пространственной концентрации образцов освоения и, соответственно, о теоретической реконструкции культурного ландшафта как в плане аксиологии, так и в плане праксиологии. И если праксиологический аспект освоения связан с практическим смыслом деятельности, посредством которой реализуются те или иные цели материального порядка, с эффективностью этих целей, то аксиологический аспект – это, прежде всего, ценностно-смысловое содержание освоения как целостного процесса.

С этих позиций нами была осуществлена ретроспективная реконструкция ряда процессов освоения, оказавших влияние на социокультурную специфику современных регионов, расположенных на территории Урала и Сибири.

В ранних этапах русского освоения Сибири (конец XVI-XVII вв.) наибольшее значение имел так называемый «Сибирский путь» – комплекс первых сухопутных и водных транссибирских маршрутов. На нем было расположено большинство городов и острогов, сыгравших важную роль в закреплении за русским государством его новых восточных рубежей (Чердынь, Соликамск, Верхотурье, Тюмень, Тобольск, Тара, Енисейск, Иркутск, Лен-

ский острог (Якутск) и др.). Данный маршрут можно рассматривать в качестве своеобразного коммуникативного канала, посредством которого на территорию Сибири привносились определенные прототипы духовной и хозяйственной жизни, начинавшие формировать ее социокультурное пространство. Ценностный характер освоения, осуществлявшегося по этому маршруту, в большинстве случаев соответствовал специфике доиндустриального общества, в котором доминировали промысловые и аграрные формы хозяйствования. Как правило, подобному обществу присущи близкие к архаическим ценностные инварианты культуры, выраженные в высоком значении традиций, доминировании религиозных институтов над светскими, преобладании общинных поселенческих моделей со свойственными им механизмами этической саморегуляции. Для поселений, возникших в результате доиндустриального освоения, характерна органичная вписанность в окружающую природную среду при незначительном антропогенном воздействии на нее, что было свойственно первым сибирским городам.

В общих чертах можно сделать следующие выводы о характере освоения, доминировавшего в этот период русской колонизации территории Урала и Западной Сибири.

С точки зрения праксиологии освоения, ее основные цели заключались в развитии на новых территориях промысловых типов хозяйствования, направленных на присвоение их природных ресурсов, имевших высокую стоимость и важное стратегическое значение для метрополии (пушнина, соль и т.д.).

В характере аксиологии освоения того периода можно выделить несколько доминирующих черт. Во-первых, это склонность многих первопроходцев, казаков, купцов, гулящих людей той эпохи к поиску новых, неосвоенных территорий для реализации своих духовных и нравственных жизненных идеалов. Данная черта была особенно характерна для населения Русского Севера. Его высокая пространственная мобильность и склонность к первопроходчеству объяснялась практическим отсутствием на его территории крепостного права, прикреплявшего крестьянство к одному месту, суровыми природными условиями, стимулировавшими развитие дальних промыслов и торговых связей [16], [17]. Еще одной важной чертой аксиологии освоения этого периода можно назвать стремление к своеобразной "сакрализации" осваиваемых территорий путем утверждения на них наиболее важных атрибутов русской государственности и духовной культуры, обоснования провиденциального характера их присоединения к Руси (эта тенденция хорошо "прочитывается" в таких исторических источниках, как "Кунгурская" летопись С.У. Ремезова). Данный процесс можно считать важной предпосылкой к началу формирования своеобразного регионального самосознания на территории Сибири.

XVIII столетие ознаменовалось началом ряда экономических и социокультурных процессов, в значительной степени изменивших как географию коммуникаций, так и ценностный характер освоения территории Сибири.

В это время на смену "Сибирского пути" приходит прошедшая на несколько сотен километров южнее новая система сухопутных транссибирских трактов. Этот маршрут объединил ряд крупных промышленных и аграрных центров (Пермь, Кунгур, Екатеринбург и др.), постепенно начинавших вытеснять с исторической сцены ранние форпосты освоения Урала и Сибири.

Предпосылки этих сдвигов следует искать в проведении в жизнь реформ Петра I. В 1710-х годах благодаря принудительным мерам Петра, направленным на развитие торговли в Петербурге, был наложен запрет на транспортировку через архангельский порт наиболее важных товаров. Данная политика способствовала резкому падению экономического значе-

ния сыгравших важную роль в ранних этапах освоения Сибири торговых центров Русского Севера, сообщение с которыми осуществлялось по "Сибирскому пути" (Великий Устюг, Тотьма, Каргополь, Сольвычегодск).

Одним из решающих факторов, повлиявших на характер изменения транссибирских маршрутов освоения, стало формирование в этот период крупных промышленных центров на Урале.

В отличие от прежних городов-острогов, выполнявших преимущественно административные, торговые и военно-оборонительные функции, организующими доминантами новых типов поселений нередко становились заводы. Главенствующую роль в их социальной жизни брали на себя новые светские институты, такие, как Берг-коллегия, Горная канцелярия и др. В культурном ландшафте построенных в XVIII веке крупнейших центров экономической и культурной жизни Урала – Екатеринбург и Перми – можно проследить воплощение целого ряда новых градообразующих стандартов, впервые получивших развитие в Петербурге, городе, в котором были заложены «основы принципиально иной поселенческой организации со своими смыслообразующими и коммуникативными центрами» [18].

В строящихся с начала XVIII века городах-заводах получили развитие процессы рационализации и секуляризации их культурного ландшафта, стремление подчинить силы природы практическим задачам производства. В результате, к концу XVIII столетия на территории Урала была сформирована специфическая система расселения, представляющая собой разветвленную сеть городов-заводов. Историк и этнограф П.С. Богословский называл ее в своих работах "уральской горнозаводской цивилизацией", тем самым, делая особый акцент на ее рассмотрение в качестве самобытного региона, возникшего в результате промышленного освоения. Помимо его выдающегося производственно-экономического значения он включал в это понятие ряд уникальных социокультурных черт, характерных для живущего в нем сообщества [19].

В дальнейшем промышленные черты освоения продолжали формировать не только экономический, но и социокультурный облик Уральского региона. Воплощаясь в разные организационные и технологические облики, процессы индустриального освоения, разворачивавшиеся на его территории, сохраняли свои специфические ценностные инварианты.

Праксиологию освоения, доминирующую в региональных сообществах индустриального типа, в общих чертах можно свести к практическому преобразованию окружающей среды, преследующему задачи производства определенных материальных благ. М. Вебер, одним из первых сформулировавший концепцию индустриального общества, подчеркивал значимость в его системе ценностей формально-рационального начала [20]. Его аксиологическую актуализацию можно проследить в специфических поселенческих моделях, возникающих в результате индустриального освоения. На смену присущих доиндустриальным сообществам синкретических знаний и навыков, передаваемых посредством традиций и необходимых для поддержания жизнедеятельности и культуры популяции, в индустриальном обществе происходит строгая дифференциация областей знаний и профессиональных сфер. В связи с этим появляются специфические системы ценностей, присущие тем или иным отраслям деятельности, профессиям. Определяющее место в жизни индустриального общества начинают играть организации. В качестве общественной формации, осуществляющей освоение, вместо общины выступает коллектив.

Наиболее ярко выраженным примером актуализации праксиологических и аксиологических аспектов индустриального освоения в масштабах отдельно взятого региона, стало новое индустриальное освоение территории Тюменского и Томского Севера. В случае гор-

нозаводского Урала промышленное освоение, как правило, "произрастало" из сложившейся здесь ранее аграрной среды. Большинство его агентов, участвовавших в производственном процессе, были приписанные к заводам крестьяне, позднее – сельские жители, переезжавшие в город [21]. Начавшееся в 1960-е годы новое индустриальное освоение северных районов Западной Сибири складывалось по принципиально иной схеме. Здесь на слабозаселенных или практически безлюдных территориях первоначально была сформирована матрица производственного комплекса. Ее пространственная структура была намечена строительством рабочих поселков, расположение которых было "привязано" к крупным месторождениям. Первоначально их население отличалось значительной "текучестью", пространственной мобильностью и преимущественно состояло из приехавших из разных уголков страны приглашенных специалистов и вахтовых рабочих. Данное обстоятельство определило то, что социальный фактор в них был представлен преимущественно организацией, и в значительно меньшей степени – коммуникацией [22]. Однако, в скором времени начался процесс своеобразного обживания зоны нового освоения, в котором важную роль играли коммуникативные факторы. На уровне человеческого общения здесь имел место процесс постепенной инверсии от формально-организационных форм межличностных взаимодействий к непосредственным контактам. На уровне наземных коммуникаций шел процесс формирования опорного каркаса, объединяющего расположенные на значительном удалении узловые центры освоения [23].

Процесс урбанизации территории Тюменского Севера способствовал постепенному перерождению первоначальных ценностей ее освоения. На ранних этапах, ценностная парадигма освоения региона носила преимущественно мононаправленный характер. В первую очередь она сводилась к созданию производственного комплекса, призванного любой ценой обеспечить интенсификацию добычи полезных ископаемых. Поэтому многие поселения, возникшие в период нового индустриального освоения, отождествлялись с сугубо утилитарными функциями и, по сути дела, не были рассчитаны на длительное проживание в них людей. Процесс обустройства возникших городов и рабочих поселков, связанный со строительством жилых районов, социальной инфраструктуры, появлением учреждений образования и культуры, стал своеобразным индикатором формирования новой региональной общности индустриального типа. Невольно он способствовал усложнению освоенческих ценностей, началом которого стало повышение общественного внимания к комплексу специфических для данного региона экологических, социальных и культурных проблем.

Несмотря на то, что сегодня ресурсодобывающая отрасль продолжает играть решающую роль в экономической и социальной жизни региона, все большее внимание начинает уделяться поиску альтернативных путей их развития. Среди них можно выделить попытки возврата к традиционным ценностям доиндустриального освоения и тенденции к формированию постиндустриального сектора социально-экономического развития. Говоря о первом варианте, можно привести примеры возрождения заповедных территорий (родовых угодий) для ведения традиционного жизненного уклада коренных народов Севера или случаи, когда приехавшие когда-то на Тюменский Север бывшие участники его индустриального освоения начинают перенимать опыт промыслового хозяйствования его старожильческого населения [24]. Второй путь подразумевает развитие непромышленного (постиндустриального) сектора социально-экономической жизни региона, включающего образование, информационные технологии, различные виды сервисных услуг и т.д.

Данные тенденции можно рассматривать в качестве индикатора диверсификации ценностной парадигмы развития региона. Этот процесс включает в себя не только появление

новых, но и возрождение некоторых старых ценностей освоения в социокультурном пространстве региона. Примером этого может служить возрастающий в последнее время интерес к развитию обходных индустриальным освоением территорий, обладающих высоким экологическим или рекреационным потенциалом. Все большее значение в качестве духовных и историко-культурных центров регионов приобретают исторические города, расположенные на ранних маршрутах освоения территории Урала и Сибири (Чердынь, Соликамск, Верхотурье, Тобольск). Несмотря на то, что некоторые исторические маршруты, или фронтальные зоны освоения, давно прекратили свое существование ("Сибирский путь" XVII - первой половины XVIII вв., "засечные линии", расположенные на территории Южного Урала и Западносибирской равнины, некоторые маршруты старопромышленного освоения Среднего Урала и т.д.), в социокультурном пространстве современных регионов они продолжают имплицитно присутствовать в качестве своеобразных "силовых линий", репродуцирующих специфические культурные ценности.

Подобное понимание социокультурного пространства региона позволяет сделать заключение о необходимости пристального изучения взаимодействий в нем разных исторически-сложившихся ценностей освоения. Одна из его актуальных проблем состоит в поисках путей к тому, чтобы социокультурные различия внутри региона играли не деструктивную, а созидательную роль в его развитии. Для решения этой задачи, в адаптированном виде, может представлять интерес концепция поляризованного ландшафта, сформулированная Б.Б. Родоманом. В ней автором была предложена идеальная модель культурного ландшафта территории, построенного по принципу пропорционального чередования различных функциональных зон (административных, промышленных, историко-культурных, селитебных, рекреационных и т.д.), не только гармонично дополняющих, но и "работающих" друг на друга. Как было отмечено Б.Б. Родоманом: "не только наличие каких-либо природных и культурных богатств, но и различия их от места к месту сами по себе являются важными ресурсами" [25]. При таком подходе становится очевидным, что залогом сбалансированности и гармоничности социокультурного пространства региона является его ценностное разнообразие, дополненное наличием как разветвленной сети транспортных "кровеносных артерий", так и "нервной системы", состоящей из разносторонних культурных коммуникаций.

Примечания

1. Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы / Под ред. А.И. Трейвиша и С.С. Артоболевского. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 296 с.
2. Регионы и регионализм в странах Запада и России. – М., ИВИ РАН, 2001 – 260 с.
3. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. Издательство: ГУ ВШЭ. М.: 2006. – 792 с.
4. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы. Под ред. Н.И.Лапина, Л.А.Беляевой. М.: ИФ РАН, 2006. – 325 с.
5. Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика. М.: Изд-во РАГС, 2004. – 314 с.
6. Стрелецкий В.Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии. // Известия РАН. Серия географическая. – 2003 – №2 – с. 114-120.
7. Там же.

8. Замятин Д.Н. Моделирование географических образов. Пространство гуманитарной географии. – Смоленск: Ойкумена, 1999. – 256 с.
9. Берг Л.С. Предмет и задачи географии // Изв. РГО, 1915. Т. 51. Вып.9. – С. 463-465.
10. Sauer K. Morphology of Landscape // University of California/ Publications in Geography. 1925, Vol. II, №2.
11. Культурная география. – М.: Институт Наследия, 2001. – 192 с.
12. Веденин Ю.А. Культурный ландшафт как объект наследия. – М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 620 с.
13. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.
14. Калуцков В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 94 с.
15. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – С. 24.
16. Булатов В.Н. Русский Север. – Архангельск: Изд-во Поморского университета, 1998. – 352 с.
17. Добрыднев В.А. Поморье и колонизация Западной Сибири: конец XVI - начало XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. - Архангельск, 2003. – 25 с.
18. Ганопольский М.Г. Региональный этос: истоки, становление, развитие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 1998. – с. 90
19. Баньковский Л.В. Сад XVIII века. Соликамск, 2001. – с. 20
20. Вебер М. Избранные произведения. – М.: “Прогресс”, 1990. – 804 с.
21. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия. - М.: Наука, 2000. – 261 с.
22. Ганопольский М.Г. Региональный этос: истоки, становление, развитие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 1998. – 160 с.
23. Ганопольский М.Г., Литенкова С.П. Структура расселения в Тюменской области: особенности генезиса и перспективы развития // Известия РАН. Серия географическая. 2005. №3. – С. 56-62
24. Налетов А.М. Взаимодействие была коренных малочисленных народов Севера и культуры переселенцев в современных условиях. Автореф. дис. ..., канд. философ. наук: 24.00.01 / Тюм. гос. ун-т. - Тюмень, 2005. – 22 с.
25. Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера. – Смоленск: Ойкумена, 2002. – С. 24.

М.И. Ташлыкова

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (1965-1980-Е ГГ.)

Резкое увеличение в середине 1960-х гг. числа молодежи и повышение уровня образования жителей Севера Западной Сибири объективно требовали улучшения работы учреждений культуры. Однако эта задача сильно осложнялась сложившимся в стране недостаточным вниманием к проблемам финансирования и материально-технического обеспечения учреждений культуры, особенно в районах нового промышленного освоения, а также природно-климатическими условиями региона. Эти факторы способствовали резкому увеличению нагрузок на работников отрасли. Уровень их работы по культурному обслуживанию населения во многом зависел от образования, профессиональной подготовки и преданности избранному делу. Однако анализ архивных источников показывает, что именно кадровый вопрос являлся одним из наиболее проблематичных в течение всего исследуемого периода.

Положение, сложившееся в учреждениях культуры округов к 1965 г. с полным основанием можно назвать критическим. Из 224 клубных работников лишь 13 человек имели высшее образование, из них 8 – по специальности, 97 человек – среднее специальное и 45 – общее среднее образование. Из 104 библиотечных работников высшее образование имел 1 человек, среднее библиотечное – 75, общее среднее образование – 28 [1]. Простой подсчет показывает, что 31% клубных работников не имели даже общего среднего образования. Более того, в ряде случаев на должность заведующего сельским клубом принимались малограмотные люди с образованием в 3-5 классов, как это имело место, к примеру, в поселках Пугоры, Новинские, Июльск, Хуллор, Кислор, Помут Березовского района [2]. На протяжении многих лет оставался нерешенным вопрос обеспечения клубных учреждений баянистами, владеющими хотя бы основами нотной грамоты.

Таким образом, укомплектование учреждений культуры квалифицированными кадрами становилось важнейшей задачей руководителей отрасли. К началу исследуемого периода в Тюменской области велась подготовка специалистов среднего звена, которой занимались три специальных учебных заведения: Тюменское областное и Салехардское культпросветучилища (далее КПУ), Тюменское музыкальное училище. Кадры из представителей малочисленных народов Севера для учреждений культуры готовили в основном в Салехардском КПУ, являвшемся межокружным, а также в Тюменском музыкальном училище, при котором было открыто отделение по подготовке музыкантов из представителей коренных национальностей северных округов [3].

Учитывая наличие в республике развитой сети средних специальных учебных заведений культуры и искусства, разрабатываемая в Министерстве культуры программа улучшения состояния кадров предполагала в перспективе свертывание подготовки кадров среднего звена, поскольку специалисты с таким уровнем образования уже не могли обеспечить решение поставленных перед отраслью задач. Министерство культуры считало необходимым открытие новых вузов и увеличение приема в уже существующие высшие учебные заведе-

ния, а также преобразование в институты культуры ряда училищ, имевших хорошую материальную базу [4].

Согласно позиции руководящих органов в вопросе подготовки кадров, а также учитывая высокую потребность в высококвалифицированных кадрах, Тюменский обком КПСС и облисполком в ноябре 1970 г. обратились в Совет Министров РСФСР с просьбой открыть в г. Тюмени институт культуры в 1973 г. Для него предполагалось строительство типового здания с контингентом обучающихся 920 чел. на дневном и 1200 - на вечернем отделении. Строительство предполагалось вести за счет местных источников финансирования [5]. Однако в то время дело ограничилось открытием в 1971 г. в Тюмени учебно-консультационного пункта Челябинского института культуры [6]. К 1980 г. в нем был сформирован педагогический коллектив, укреплен материальная база, выделены учебные помещения площадью около 1200 м кв., приобретено оборудование и инвентарь. Для проведения занятий использовались также Дворцы культуры, областная библиотека, аудитории Дома политического просвещения обкома КПСС, училища искусств. Общая численность студентов в начале 1980 г. составила более 600 чел. Учитывая возрастание потребности в рабочих кадрах культуры на Севере Западной Сибири, Тюменский обком КПСС и облисполком обратились к министру культуры РСФСР Ю.С. Мелентьеву с просьбой преобразовать в 1980 г. УКП в Тюменский филиал Челябинского института культуры. Областные партийные и советские организации обязались оказать необходимую помощь в укомплектовании его кадрами и в развитии учебно-материальной базы. Руководство института также поддержало это предложение [7]. Открытие филиала состоялось в январе 1984 г., а в январе 1991 г. он был преобразован в Тюменский институт искусств и культуры [8].

Дальнейшее развитие получила также система подготовки специалистов среднего звена. В Тюменской области в конце 1967 г. в средних специальных учреждениях культуры обучалось 1400 чел., [9] что составляло 34% фактической численности работников всех государственных учреждений культуры [10]. В 1967-1969 гг. в учреждения культуры национальных округов было направлено 223 выпускника средних специальных учебных заведений области [11]. Однако в течение года на местах направления не работало уже 10-15% выпускников, а через три года - 40-50%. Некоторые из них призывались в армию, поступали в высшие учебные заведения. Кроме того, значительная часть молодых культпросветработников использовались не по назначению: они работали преподавателями музыкальных школ, преподавателями пения в общеобразовательных школах, а также занимались рядом других обязанностей, к которым их не готовили.

Нехватка музыкальных работников отчасти объяснялась также сравнительно небольшим количеством студентов, обучающихся в Тюменском музыкальном училище. Так, в 1965 г. данное учебное заведение выпустило 24 специалиста, тогда как Тюменское областное и Салехардское КПУ успешно закончили соответственно 79 и 28 чел [12].

Учитывая острую нехватку кадров музыкальных работников, в 1969 г. было организовано Тобольское музыкальное училище на правах музыкального отделения Тюменского областного КПУ. В самостоятельное учебное заведение оно было преобразовано в январе 1970 г. [13]. С целью расширения подготовки кадров для детских музыкальных школ было принято решение Тюменского областного Совета депутатов трудящихся об открытии с 1 сентября 1972 г. еще одного музыкального училища в г. Сургуте с приемом учащихся в 1972-1973 уч. году 60 чел. [14].

Одновременно в уже существовавших учреждениях культуры происходила реорганизация учебного процесса: открывались новые специальности, менялись учебные планы. Так,

в 1965 г. в Тюменском областном КПУ была осуществлена коренная перестройка учебной программы, получившей одобрение Министерства культуры РСФСР и составившей основу преподавания в культурно-просветительных училищах России. Теперь училище стало выпускать не просто клубных работников, а специалистов конкретного жанра художественной самодеятельности, свободно владеющих одним или несколькими музыкальными инструментами [15]. В соответствии с новой программой Тюменское областное КПУ было ориентировано на подготовку библиотекарей и клубных работников по следующим специальностям: «Руководитель самодеятельного драматического коллектива», «Руководитель хореографического коллектива», «Руководитель академического хора», «Руководитель оркестра народных инструментов». В 1971 г. здесь состоялся первый выпуск по новой специальности - «Методист по пропаганде технических средств культпросветработы» [16]. В 1974 г. по всем специальностям в нем занималось 509 учащихся на дневном и 492 на заочном отделениях [17].

В Салехардском КПУ обучение велось по двум специальностям: «Библиотекарь массовых библиотек» и «Клубный работник - руководитель самодеятельного коллектива»: оркестра духовых инструментов, оркестра народных инструментов, театрального коллектива, хореографического коллектива [18]. В 1979 г. для подготовки национальных кадров художников со средним специальным образованием в Салехардском КПУ была открыта специальность «Художественная обработка дерева, камня и кости» [19]. В 1982 г. из лиц коренной национальности впервые был произведен набор на музыкальное отделение по специальности «Народные инструменты» [20].

Новые специальности были открыты также в Тюменском музыкальном училище, преобразованном в 1974 г. в Тюменское училище искусств с планом набора 140 человек, в т.ч. на музыкальное отделение 100 чел., на театральное - 25 чел., на отделение художественно-оформительское - 15 чел. Заочное обучение предусматривалось только на музыкальном отделении [21].

**Количество специалистов
в государственных учреждениях культуры клубного типа [24]**

	Платных культпросветработников				в т.ч.							
					со средним специальным образованием по культпросветработе и искусству				с высшим специальным образованием по культпросветработе и искусству			
	1969	1987	1990	1991	1969	1987	1990	1991	1969	1987	1990	1991
РСФСР	*	100,4	100,9	*	*	34,3	38,6	*	*	6,8	8,5	*
в % от общего количества					*	34,2	38,3	*	*	6,8	8,4	*
Тюменская область	1261	2011	2135	2533	333	623	644	757	8	131	165	219
в %					26,4	31,0	30,2	29,9	6,3	6,5	7,7	8,6
ХМАО	205	425	495	681	62	176	178	240	1	50	72	120
в %					36,7	41,4	35,4	35,2	0,5	11,8	14,5	17,6
ЯНАО	169	367	351	403	110	176	198	216	5	42	46	52
в %					65,1	48,0	56,4	53,6	3,0	11,4	13,1	12,9

Проводившаяся в стране реорганизация системы подготовки кадров принесла для отрасли культуры положительные результаты. К 1985 г. в целом по РСФСР специалистами были замещены 73% должностей, на которых должны были работать выпускники вузов и средних специальных учебных заведений. Более трети из них имели высшее образование [22]. Только за 1985 г. число работников со специальным образованием в клубных учреждениях увеличилось на 1,6% и составило 40,9% [23]. В Северных округах Тюменской области эти показатели в сер. 1980-х гг. были даже выше, чем в среднем по РСФСР, что подтверждают данные таблицы. Причем органы культуры добились наибольших успехов в замещении должностей клубных работников специалистами с высшим образованием.

В соответствии с целевой комплексной программой «Совершенствование подготовки кадров учреждений культуры и искусства до 1990 г.», Министерство культуры приступило в 1985 г. к работе по улучшению планирования подготовки и использования специалистов. В рамках этой программы была предусмотрена целевая подготовка кадров для учреждений культуры Сибири путем заключения прямых договоров вузов и управлений культуры. В Салехардском училище были дополнительно введены новые специальности и расширена подготовка кадров для районов Крайнего Севера [25]. Особое внимание к этому учебному заведению объяснялось тем, что более половины контингента учащихся составляли представители коренных национальностей, проживавшие на территории округов и севера Коми АССР, которые находились в училище на полном государственном обеспечении [26].

В перспективе, помимо имевшихся специальностей, предусматривалась подготовка специалистов из выпускников северных детских музыкальных школ и школ искусств по специальностям духовые и ударные инструменты, хоровое дирижирование, фортепиано. Расширение квалификационного спектра подготовки специалистов Салехардским КПУ диктовалось еще и тем, что многие выпускники музыкальных, художественных школ и школ искусств округов предпочитали поступать в музыкальные училища искусств других северных территорий страны. Для решения этой проблемы и повышения профессионального статуса Салехардского КПУ Управление культуры Тюменского облисполкома обратилось в Министерство культуры РСФСР с просьбой преобразовать его в училище искусств и культуры с контингентом учащихся 170 чел. [27]. Этот вопрос разрешился 1 января 1988 г. Салехардское межокружное культурно-просветительное училище им. Л.В. Лапсуя было переименовано в Салехардское училище культуры и искусства им. Л.В. Лапсуя с подготовкой в нем кадров по специальностям «Художественная обработка дерева, меха, кости», «Народные инструменты», «Библиотечное дело», «Культурно-просветительная работа» [28].

В 1987 г. было организовано Тобольское училище культуры и искусства на базе Тобольского музыкального училища и Тюменского областного КПУ с подготовкой в нем кадров по специальности музыкального искусства, культурно-просветительной работы и библиотечного дела с контингентом 320 чел. на дневной и 300 чел. на заочной форме обучения [29].

Проведенная в средних специальных учебных заведениях реорганизация, тем не менее, не способствовала значительному повышению уровня образования учащихся. Так, качественная успеваемость по итогам государственных экзаменов во всех музыкальных и культурно-просветительных училищах Тюменской области заметно снизилась и составила в 1981-1982 уч. году – 58%, в 1988-1989 уч. г. – 47,2%, в 1989-1990 уч. г. – 44,8% [30].

Существовал ряд причин недостаточно эффективной работы учебных заведений культуры, среди которых немалую роль играло неудовлетворительное состояние их материально-технической базы. Перед руководством учебных заведений возникало множество труд-

ностей, связанных с организацией строительства, ремонта, снабжения оборудованием и необходимым инструментарием. Много в этом отношении делалось самими коллективами. В то же время в архивных документах отмечалась недостаточная помощь со стороны местных и вышестоящих хозяйственных органов. На отдельные виды необходимого оборудования отсутствовали выделяемые лимиты, не всегда удовлетворительным было обеспечение нормального функционирования учебного процесса со стороны управления культуры.

Так, в 1965 г. 23 классные комнаты Тюменского музыкального училища были заняты по расписанию с 8.30 до 22.00-23.00 час. Материальная база училища требовала значительного укрепления. Музыкальные инструменты после 5-8 лет эксплуатации в большинстве своем пришли в негодность. Кабинеты химии, физики, музлитературы, физического воспитания, мастерские по проведению ремонта и настройке инструментов или совсем отсутствовали, или не были оборудованы. Хоровые и оркестровые коллективы не имели костюмов. Библиотека, размещенная в маленькой комнатке, располагала книжным фондом всего в 8 тыс. экз. Училище не имело также никаких средств культурно-просветительной работы [31]. В 1966 г. для училища было построено новое здание по типовому проекту - учебный корпус на 350 учащихся, оборудованный всеми необходимыми кабинетами и лабораториями. Однако затянувшееся строительство концертного зала на 600 мест значительно тормозило учебный процесс [32]. К 1972 г. все здания училища снова требовали капитального ремонта [33].

Учебный корпус Тюменского областного КПУ располагался в ветхом деревянном здании. Все постройки датировались 1914 годом и актом комиссии Тобольского горисполкома были признаны аварийными. Клуб училища и сцена выглядели намного хуже, чем сельские ДК, построенные за последние годы [34]. В 1982 г. на строительство учебного корпуса Тюменского областного училища было выделено 362 тыс. руб. [35]. Строительство его завершилось только в 1987 г. [36].

Отмечалось нарушение учебного процесса из-за отсутствия помещений и во вновь открытом Сургутском музыкальном училище. Здесь были недостаточно укомплектованы библиотека и фонотека, отсутствовал кабинет звукозаписи, не было многих учебников. [37] С начала 1980-х гг. из-за отсутствия заявок от администрации Салехардского КПУ управление культуры в течение ряда лет не получало на него фондов из облснаббюта. Ухудшилось снабжение и обеспечение Тобольского и Сургутского музучилищ, перешедших на финансирование городских отделов культуры [38].

Крайне важное значение для учебных заведений, готовивших кадры работников культуры и искусства для огромного региона, имело наличие благоустроенных общежитий. Скучный жилищный фонд общежитий сдерживал расширение подготовительных отделений при училищах, где могли бы заниматься способные абитуриенты из районов области, не получившие достаточной подготовки на местах [39]. Эта проблема также решалась очень медленно и тяжело на протяжении всего исследуемого периода. Так, во второй половине 1960-х гг. отсутствовало общежитие в Тюменском музыкальном училище. В результате 150 учащихся, проживавших на частных квартирах, платили за них по 5-10 руб. в месяц при стипендии 20 руб. Кроме того, в силу нехватки учебных площадей они были вынуждены приходить для индивидуальных занятий в училище в 6 часов утра и в 10-12 часов вечера. Такие условия не позволяли проводить набор учащихся из числа молодежи коренной национальности Северных округов. [40] К началу 1970-х гг. училище, наконец, получило свое общежитие, однако в нем отсутствовали центральное отопление, водопровод, канализация. Кроме того, в здании располагались мастерские мореходного училища [41].

Сургутское музыкальное училище первые три года также не имело своего общежития, учащиеся проживали в классах и на 3 этаже учебного корпуса. На весь этаж не было ни одной кухни, отсутствовало помещение для стирки белья. В конце 1975 г. Сургутский горком КПСС и исполком горсовета, несмотря на остроту жилищного вопроса в городе, выделили целый подъезд жилого дома для организации общежития училища [42], сумев обеспечить 90% преподавателей и 100% нуждающихся учащихся благоустроенным жильем [43]. К концу исследуемого периода общежития имелись уже во всех средних специальных учебных заведениях области. Однако в Тюменском училище искусств и Тобольском училище культуры и искусства состояние их было крайне неудовлетворительным [44].

Весьма слабая материальная база учебных заведений отрасли, трудности с обеспечением учащихся местами в общежитиях, а также крайне низкая заработная плата культпросветработников создавали значительные трудности с набором абитуриентов в музыкальные и культурно-просветительные училища области. Ежегодно управление культуры совместно с обкомом КПСС и обкомом ВЛКСМ, отделы культуры и комсомольские организации проводили большую работу по набору на клубные отделения училищ способных юношей и девушек, проявивших себя в области самодеятельного искусства и художественного творчества.

В 1967 г. отдел пропаганды и агитации Тюменского обкома КПСС направил письмо по вопросу подготовки кадров клубных работников во все РК КПСС [45]. Начиная с 1968 г. во всех районах начали разрабатываться трехлетние планы развития культпросветучреждений и подготовки кадров. В них большое внимание обращалось на необходимость помощи руководителям хозяйств в вопросах подбора и направления в учебные заведения культуры и искусства способных стипендиатов [46]. Однако многие местные властные и общественные организации относились к набору в них формально. Крайне плохо эта работа велась в совхозах, колхозах и на предприятиях [47]. К примеру, в 1970 г. направление отделов культуры имели только 48 из 194 учащихся, принятых на клубное отделение Тюменского областного КПУ. Принятых по направлению на библиотечное отделение было еще меньше – 12 из 82 чел. [48].

Очень плохо для подготовки кадров использовалось заочное обучение. К примеру, на заочное клубное отделение Тюменского областного КПУ ежегодно вместо 60 человек поступало не более 40, причем 20-30% из них не являлись работниками клубных учреждений [49]. Более того, по данным 1974 г., чтобы выполнить план набора на заочное отделение этого училища, нередко набирали совершенно случайных людей – поваров, парикмахеров, торговых работников, которые, проучившись 3-4 года, даже не пытались устроиться по специальности [50].

Те же проблемы возникли и во вновь открывшемся в 1971 г. Тюменском УКП Челябинского института культуры. Итоги набора показали, что студентами стали в основном преподаватели ДМШ и работники других отраслей, не связанных с культурой [51]. Работники УКП высказывали упреки в адрес руководства и преподавательского состава Тюменского областного КПУ, не проводившего должной работы по направлению своих выпускников в институт на очное или заочное отделения. Так, в 1971 г. из этого учебного заведения поступили только 3 выпускника на библиотечное отделение. В результате для выполнения плана набора приходилось принимать студентов из других областей – Курганской, Челябинской, Свердловской [52].

Положение стало меняться к лучшему в 1973 г., когда окружные отделы культуры провели большую работу по направлению абитуриентов в УКП. В институт приехали

учиться люди из самых отдаленных северных поселков, причем, как отмечала заведующая У КП Л.П. Заварзина, качество знаний у них было достаточно высоким, а посещаемость выше, чем у тюменцев [53]. В то же время отмечались большие опоздания, с которыми прибывали на сессию студенты из Ханты-Мансийского округа, что создавало серьезные проблемы в организации учебного процесса [54]. Тем не менее, недоборы в это учебное заведение имели место в течение всего исследуемого периода.

Помимо трудностей с набором, большой проблемой подготовки культпросветработников был низкий уровень общеобразовательной и специальной подготовки большинства абитуриентов. Заведующая Ямало-Ненецким окружным отделом культуры И.И. Коломникова прямо говорила об этом на областном совещании работников культуры в 1968 г.: «...в культпросветучилища поступают те, которые не попали никуда. Культурный уровень их низок и не идет ни в какие сравнения и когда разговариваешь с ними, то оказывается, что у них нет никакого призвания к этой работе»[55].

Поэтому качественная успеваемость, особенно в группах на базе восьмилетки, не превышала 22% [56]. Высоким был также отсев по причине профессиональной непригодности, особенно на первых курсах, где он составлял 10-12% набора [57]. Работники отделов культуры признавали, что выпускники училищ в большинстве своем владели баяном или фортепиано, могли руководить коллективами художественной самодеятельности, однако без должного интереса относились к клубной работе [58], а также с большой неохотой занимались организаторской работой [59]. Имели место значительные просчеты в воспитательной работе с учащимися. В частности, по признанию директора Тюменского областного КПУ З.Г. Сухер, с каждым годом все труднее становилось вести борьбу с пьянством [60].

Существенно снижали мотивацию студентов по овладению специальностью низкий уровень организации и условия проведения учебной практики. Так, директор Дома народного творчества, проверявший работу режиссерского отделения Тюменского областного КПУ в 1974 г., отмечал крайнюю убогость материальной базы для практической работы, имевшейся в Тобольске. Поэтому учебная практика проводилась в непригодных помещениях, а иногда в красных уголках, которые часто не имели штатных заведующих. Весь реквизит на отделении составляли потрепанные куклы, хранившиеся в шкафу и тряпье, которое трудно было куда-либо применить. Отсутствовали платье, шпаги, декорации и другие необходимые театральные аксессуары [61]. В таких же условиях осуществлялась работа библиотеки Тобольского КПУ - в ней было темно, холодно, сыро и неудобно[62].

Еще одним характерным фактором, влияющим на качество обучения в большинстве периферийных учебных заведениях, являлся острый недостаток квалифицированных преподавательских кадров. Так, в 1965 г. из 45 преподавателей Тюменского музыкального училища только 7 имели высшее образование. Ни один из преподавателей-специалистов не имел педагогического образования, 10 человек работали в училище по совместительству, 12 преподавателей имели нагрузку более 2 тыс. часов в год при норме 720 часов, у остальных нагрузка составляла 1,5-2 ставки, что отнюдь не способствовало эффективному ведению учебного процесса [63].

В целях повышения профессиональной подготовки преподавательских кадров культпросветучилищ Министерство культуры РСФСР и управление культуры Тюменского облисполкома организовывали для них работу курсов на базе Ленинградской консерватории и Московского института культуры. С 1968 г. Министерством культуры РСФСР были запланированы постоянно действующие курсы. Тем не менее, набор на них осуществлялся не систематически и большинство преподавателей не были охвачены их работой [64].

На протяжении всего исследуемого периода серьезного улучшения требовала деятельность по подбору, расстановке и повышению квалификации кадров преподавателей Салехардского КПУ, где далеко не все преподаватели имели высшее образование [65], а также имело место частое обновление педагогического состава. В 1975 г. из 44 преподавателей 25 работали в училище менее пяти лет, в т.ч. 6 чел. имели стаж работы один год, а другие 6 чел. только второй год. Сложность контингента обучающихся, резкие контрасты в общей и специальной подготовленности учащихся к учебе не позволяли начинающим педагогам достаточно быстро найти свою эффективную методику [66]. Тем не менее, к 1987 г. в Салехардском КПУ сложился высококвалифицированный педагогический коллектив, состоявший в основном из выпускников московских и ленинградских вузов [67].

Гораздо лучше кадровый вопрос решался в Тюменском областном КПУ, где работа преподавателей по организации учебных занятий в целом проводилась на достаточно высоком уровне. В 1974 г. из 84 преподавателей 55 имели высшее образование, многие работали по 10 и более лет [68]. Однако и здесь из 29 преподавателей, не имеющих высшее образование, заочно учились в вузах только 7 чел. Причем некоторые преподаватели обучались не по специальности. Например, преподаватели, обучавшие студентов вокалу, учились на филологическом и даже физико-математическом факультетах Тюменского пединститута [69].

В Сургутском музыкальном училище учебный процесс к 1976 г. вели 46 преподавателей, из которых 41 имели высшее образование, в т.ч. 32 - высшее музыкальное [70]. Однако и здесь имелись серьезные проблемы. В училище сложился молодой педагогический коллектив. Первый выпуск в училище для большинства преподавателей также являлся первым в их педагогической деятельности. В то же время, ни руководители училища, ни ведущие преподаватели не выезжали ни разу ни в одно из ведущих музыкальных училищ России для изучения опыта организации учебного процесса, составления учебных программ и выработки требований к выпускникам. Областной методкабинет по учебным заведениям и областное училище искусств со своей стороны своевременно не потребовали от руководства Сургутского музыкального училища подобной инициативы и не оказали ему методическую помощь [71].

Надо отметить, что слабые контакты между училищами в вопросах учебно-воспитательной работы, отсутствие обмена опытом были общей проблемой учебных заведений отрасли культуры в области. Так, Салехардское КПУ поддерживало тесный контакт с ленинградскими коллективами, Тюменское КПУ - с Челябинским институтом культуры, Тюменское музыкальное училище являлось структурным подразделением Уральской консерватории. Однако контакты между училищами внутри области практически не осуществлялись. Кроме того, работники средне-специальных учебных заведений крайне редко встречались с преподавателями музыкальных школ области [72]. Директор Дома народного творчества И.Д. Волчек отмечала в 1974 г., что за 6 лет работников этого учреждения только один раз приглашали на конкурс в Тюменское областное КПУ с целью ознакомления с работой будущих руководителей художественной самодеятельности [73].

Тем не менее, несмотря на очевидные трудности, в учебных заведениях Тюменской области проводилась большая и разнообразная работа по повышению уровня образования студентов. Например, стремясь улучшить качественный состав абитуриентов, руководство Тюменского музыкального училища в начале 1970-х гг. много внимания уделяли набору подготовленных выпускников из школ других областей [74]. Преподаватели библиотечного отделения Тюменского областного КПУ сделали акцент на воспитании любви к своей профессии. Здесь проводились постоянные беседы о социальной значимости профессии биб-

лиотекаря, практиковались встречи с выпускниками училища, организовывались другие мероприятия, дававшие определенный положительный результат. Так, в 1973 г. общая успеваемость будущих библиотекарей составила 99,7%, а качественная – 59% [75].

Большую работу по повышению престижа профессии работника культуры среди учащихся проводили в 1970-е гг. преподаватели Салехардского КПУ. В нем традиционными стали «недели театра», межкурсовые конкурсы художественной самодеятельности, творческие художественные выставки, отчеты оркестрового отделения и множество других профориентационных мероприятий. Наиболее значимые из них проводились в производственных коллективах, выносились на площадки клубов города. Лучшие работы учащихся художественного отделения были представлены на выставке в г. Тюмени и были признаны лучшими по зоне Севера и Дальнего Востока. Ряд из них были выставлены на ВДНХ, где были отмечены медалями и дипломами [76].

По мере своего становления и развития заметных успехов стали добиваться преподаватели и студенты Сургутского музыкального училища, нередко занимавшего первое место в социалистическом соревновании учебных заведений и награждавшегося Переходящим Красным знаменем управления культуры Тюменского облисполкома и обкома профсоюза работников культуры [77]. Реальным достижением стали результаты 1986 г., когда 12 выпускников училища стали студентами консерваторий и вузов страны. До этого количество поступавших не превышало 5 человек [78].

Таким образом, к концу исследуемого периода на работу в учреждения области ежегодно направлялись более 300 выпускников средних специальных учреждений культуры и искусства [79]. Выпускники, как правило, распределялись в те же районы, из которых они приехали. Однако важнейшая задача системы образования отрасли культуры - замещение специалистами должностей работников культуры и искусства, - так и не была достигнута. Наибольшую нужду в квалифицированных кадрах традиционно испытывали учреждения культуры клубного типа. Как следует из приведенной выше таблицы, в целом по РСФСР происходил постепенный рост числа работников, имеющих специальное образование. Показатели же по Северу Тюменской области примерно в полтора раза превышали общероссийские. Произошедшее за период с 1969 по 1991 гг. сокращение количества культпросветработников, закончивших средние специальные учебные заведения на 1,5% в ХМАО и 11,5% в ЯНАО, вполне компенсировалось выпускниками институтов культуры и искусства, число которых возросло соответственно 17,1% и 9,9%.

Таким образом, в исследуемый период в Тюменской области была создана достаточно стройная система подготовки наиболее востребованных кадров для учреждений культуры. Несмотря на трудности, связанные с отсутствием связей с ведущими учебными заведениями культуры и искусства страны, слабой материально-технической базой, нехваткой квалифицированных преподавателей, невысокой образовательной и специальной подготовкой абитуриентов, учебные заведения Тюменской области сумели добиться определенных успехов и значительно повысить профессиональный уровень своих выпускников. Однако в полной мере ожидаемого замещения должностей творческих работников специалистами не произошло. Особенно неудовлетворительно происходило закрепление специалистов среднего звена в учреждениях культуры клубного типа. По-прежнему был довольно низок престиж профессии работника культуры. Эти вопросы оставались актуальными в течение всего исследуемого периода и могли разрешиться лишь в результате ее коренной перестройки.

Примечания

1. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 489. Л. 28.
2. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 483. Л. 10.
3. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 492. Л. 54.
4. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 492. Л. 54.
5. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 734. Л. 196.
6. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 208. Л. 52.
7. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 222. Д. 110. Л. 23.
8. Официальный ресурс Тюменского института искусств и культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tsiac.ru/index.php?id=3>
9. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 184. Д. 1. Л. 76.
10. Подсчитано по материалам: ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 131. Л. 40.
11. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 753. Л. 110.
12. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 490. Л. 29.
13. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 173. Л. 16.
14. Из истории культурного строительства в Тюменской области. Сборник документов. 1918-1975 гг. - Свердловск, 1980. - С. 360.
15. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 139. Л. 292; Д. 146. Л. 88.
16. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 734. Л. 120.
17. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 208. Л. 37.
18. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 830. Л. 151.
19. Подсчитано по материалам: ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 883. Л. 153.
20. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 947. Л. 42.
21. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 802. Л. 78.
22. ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 3. Д. 601. Л. 274.
23. ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 3. Д. 601. Л. 275.
24. Таблица составлена и рассчитана по материалам: Народное образование и культура в РСФСР/ Госкомстат РСФСР - М: Республиканский информационно-издательский центр, 1991. - С. 258; Культурно-просветительные учреждения Тюменской области за 1987-1991 годы (Статистический сборник) - Тюмень, 1992. - С. 26-28; ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 710. Л. 9-11; Там же. Д. 1052. Л. 36-38.
25. ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 3. Д. 601. Л. 274.
26. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 1028. Л. 61.
27. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 1028. Л. 62.
28. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 1051. Л. 5.
29. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 1027. Л. 114.
30. Подсчитано по материалам: ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 308. Л. 7; ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 1069. Л. 41; Там же Д. 1104. Л. 85.
31. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. О. 1. Д. 490. Л. 25-26.
32. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 146. Л. 21.
33. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 783. Л. 43.
34. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 208. Л. 43.
35. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 308. Л. 6.
36. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 1052. Л. 45-46.
37. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 831. Л. 4-5.

38. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 308. Л. 12.
39. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 308. Л. 11.
40. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 490. Л. 24-25.
41. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 783. Л. 43-44.
42. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 329.
43. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 831. Л. 4.
44. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 590. Л. 11.
45. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 146. Л. 13.
46. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 146. Л. 106-107.
47. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 184. Д. 1. Д. 77.
48. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 734. Л. 124-125.
49. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 146. Л. 13.
50. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 208. Л. 63.
51. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 208. Л. 52.
52. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 208. Л. 53.
53. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 208. Л. 52.
54. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 208. Л. 53.
55. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 658. Л. 56.
56. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 146. Л. 8.
57. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 734. Л. 123.
58. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 146. Л. 10.
59. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 734. Л. 123.
60. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 146. Л. 10.
61. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 208. Л. 47-48.
62. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 208. Л. 46.
63. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 490. Л. 24.
64. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 146. Л. 57.
65. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 804. Л. 89.
66. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 830. Л. 156.
67. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 1028. Л. 61.
68. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 208. Л. 37.
69. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 208. Л. 39-40.
70. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 831. Л. 17.
71. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 831. Л. 4-5.
72. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 173. Л. 104-105.
73. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 208. Л. 49.
74. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 173. Л. 103.
75. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 208. Л. 44.
76. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 445. Л. 10-11.
77. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 329. Л. 17.
78. ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 444. Л. 49.
79. ГУТО ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 1007. Л. 63.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Л.Д. Ганеева

БОЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНА, ИЛИ О СТАТУСЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Дети всегда хотят быть взрослыми. Во фразе «когда я вырасту...» скрыт совершенно волшебный, с точки зрения детей, магический смысл, так называемый код, пароль, позволяющий мечтать о самых ярких атрибутах взрослости и возможности делать то, что в данный момент запрещено или контролируется родителями. Привлекательность взрослости становится еще сильнее в подростковом возрасте. Именно теперь как можно быстрее хочется стать взрослыми, то есть не испытывать ограничений, самостоятельно распределять свое время, заниматься и интересоваться всем тем, на чем стоит ярлык «подрастешь – узнаешь!» или «до 16 вход запрещен».

Если подростки мечтают повзрослеть, то люди среднего или преклонного возраста часто с сожалением вспоминают о своей юности («Где мои 17 лет?», «Если б молодость знала, если б старость могла» и т.д.). Complimentом для представителей старшего поколения считается указание на молодость их взглядов, суждений, молодежавый внешний вид. Молодо выглядеть и чувствовать себя молодым – значит быть в хорошем расположении духа и жить в ногу со временем, испытывать новые яркие чувства («я влюбился как юнец!»), быть здоровым. Интересно, но даже поверхностный анализ рассуждений подростков и представителей старшего поколения позволяет заключить, что наиболее желательным для них выступает возраст, называемый молодостью.

Почему же образ молодости так привлекателен и для детей, и для представителей старшего поколения? Какие мифы и стереотипы скрыты в понятии «молодость»? Что значит сегодня «быть молодым»?

Начнем с того, что понятие возраста и возрастных этапов – продукт сугубо исторический, подверженный изменению. Если тысячи лет взрослый среднего возраста безоговорочно считался авторитетом, полноценным членом и защитником общества, производительной силой, а старик при физической немощи был все же кладезем опыта, советчиком, судьей, то ребенок свое право быть членом общества достаточно долго отвоевывал. Так, по замечанию возрастного психолога Л.Ф. Обуховой: «Продолжительность детства находится в прямой зависимости от уровня материальной и духовной культуры общества» [1]. По мнению французского демографа и историка Ф. Ариеса детство вплоть до XIII века считалось периодом, быстро проходящим и малоценным, о чем свидетельствовало неохотное обращение писателей, художников и ученых к образам детства. Открытие детства началось в XIII веке, его развитие можно проследить в истории живописи XIV-XVI веков, но очевидность этого открытия наиболее полно проявляется в конце XVI и в течение всего XVII столетия [2].

Сегодня детство, как отмечает Л.Ф. Обухова, «это период, продолжающийся от новорожденности до полной социальной и, следовательно, психологической зрелости; это период становления ребенка полноценным членом человеческого общества» [1]. "Конвенция о правах ребенка", принятая Юнеско в 1989 году и ратифицированная большинством стран мира, направлена на обеспечение полноценного развития личности ребенка в каждом уголке Земли. Культура, общество и наука полностью признала право «маленького человека» на детство и даже проявляет к нему большой интерес. Множество научно-исследовательских работ написано об особенностях детского возраста. Огромное количество художественных и мультипликационных фильмов, произведений детской литературы, музыки, иллюстрирования создано специально для детей. Индустрия детской моды и игрушек, предметов детства и даже косметики сегодня налажена во всех ведущих странах мира. Заниматься развитием ребенка с пеленок считается сегодня не только правильным, но и модным, престижным. Толерантное отношение к детям позволяет им долго наслаждаться этим возрастным периодом со всеми его привилегиями (правовая и законодательная защищенность, обилие морально-этических и экономических скидок).

Но ребенок свободен в своей игре только до тех пор, пока она остается игрой. Там, где начинается решение настоящих жизненных проблем, детей, что называется, отсаживают за отдельный детский столик, как бы подчеркивая и отгораживая их от взрослых проблем, отрезая путь к реалиям жизни, мол, «еще не готов, подрасти немного, и тогда...».

Первые попытки родителей передать ребенку ответственность за самого себя начинаются именно в подростковом возрасте. И дело не только в физической зрелости, когда ребенок уже отдаленно начинает напоминать взрослого. Деятельность подростка подвергается «жесткому экзамену» со стороны взрослых. Если понятие детства насчитывает всего лишь 3-4 столетия, то история становления подростничества или юношества начинается еще в глубокой древности. По свидетельствам этнологов, во многих первобытных обществах и древних культурах был распространен обряд инициации. По мнению философа И.Л. Андреева [3], инициация – один из самых древних, если не древнейший, обряд, истоки которого теряются на границе биологического и социального миров. Этот ритуальный церемониал справедливо считается примитивно-жестоким тестом на переносимость сильнейших стрессов, острой боли и проявление максимальной выдержки в критических ситуациях, своего рода экзаменом на выживаемость в суровых условиях традиционного общества.

Инициация была одним из ритуалов «перехода» или «посвящения», сопровождающих наиболее значимые социально-личностные изменения в жизни человека: рождение, взросление, брак, зрелость, смерть и пр. Совершение такого ритуала говорит о социально признаваемом праве на изменение или трансформацию – праве вступить на новый уровень своего развития, т.е., как бы сдать экзамен на новый уровень своей личностной и социальной зрелости и получить новые инструкции для правильного прохождения новой стадии жизни. Уже сама строгость ритуалов инициации свидетельствует о том, насколько сильно этап перехода к взрослости был замечен и значим в рамках человеческой жизни и жизни общества. Великолепный историк религий Мирча Элиаде пишет: «Инициация позволяла подростку постичь "тройное откровение: откровение Священного, Смерти и Сексуальности". Все три вида опыта отсутствуют у ребенка [4]». Задача данного посвящения состояла еще и в своеобразном испытании подростка, магической и бытовой проверке того, насколько он готов, насколько способен войти в мир, в сообщество взрослых людей. Все испытания подростка были направлены на безупречное воспроизводство накопленного обществом опыта и отличались чрезвычайной строгостью и суровостью. Проходили они под присмотром или на

виду у старейшин, родителей. И не мудрено – жизнеспособность общества напрямую зависела от того, насколько будет усвоена молодыми людьми ответственность за культуру, род в целом. Этнопсихолог А. Андреев рассуждает о необходимости сохранения константности условий и в том числе сценария обряда инициации: «... в отношении к детям, в их воспитании взрослые вынуждены быть предельно точны и требовательны. Иначе мир пойдет не туда. Именно этим вызваны ужасающие нас строгости и жестокость при инициациях. Крошечная ошибка при воспитании со временем поведет к накоплению чужих качеств, и вместо человека ты приведешь в этот мир нечто страшное, имя которому - чужой!..» [5].

После обряда инициации, который часто проходил в несколько ступеней, статус подростка существенно менялся – после коллективного отождествления себя со взрослым он и чувствовал себя взрослым, и вел себя соответственно, то есть буквально им становился, причем общественность его безоговорочно воспринимала таковым (татуировки, шрамы, элементы одежды свидетельствовали доказательством пройденной инициации). Через внешнее принятие образа взрослости неизменно приходило внутреннее интериоризированное чувство взрослости, и все мотивы поведения отныне подчинялись ему. Подобные театральные действия взрослыми расценивались как один из важных событий общества, поскольку в трудных жизненных условиях, где каждый день проходил в стремлении выжить, четко осознавалась необходимость в «новых взрослых», способных заботиться о племени, роде.

Сегодня доисторические инициации в чистой форме давно забыты и не используются взрослыми, и четкая граница между миром детства и взрослости стерта. Мир во множество крат усложнился, социальные структуры все более дифференцируются, отныне законодательство, а не старейшины, следит за соблюдением правил социального бытия. Ответственность за сохранность, воспроизводство и умножение культуры лежит на семье и воспитательных учреждениях. Но имманентное стремление самих подростков «испытать себя» заставляет их искать ситуаций, где взрослые или сверстники стали бы свидетелями их зрелости. Нужна ли инициация сегодня?

В наше время древний этап инициации заменен другим емким словом – «социализация», – понятием, которое отражает процесс вхождения молодого человека в общество. При всей многозначности трактовок, социализация есть принятие индивидом в процессе социального взаимодействия определенных норм и ценностей, взглядов и образа действий. Педагоги и психологи акцентируют внимание на социализации как процессе усвоения индивидом знаний, социальных норм, образцов поведения. В социологии и политологии под социализацией понимается, прежде всего, включение индивида в общество, в систему общественных отношений посредством наделения его (индивида) общественными свойствами. При этом общество (через свои институты, в том числе семью) предоставляет набор социальных позиций; наделяет индивидов свойствами (знаниями, профессиональными навыками, умениями), необходимыми для занятия имеющихся («предоставленных») позиций; определяет механизм распределения индивидов по позициям [6].

Понятия инициации и социализации близки. Убрав ритуальную, театрализованную, игровую сторону, мы получаем логический и плавный, растянутый во времени и нечеткий в возрастном аспекте тот же процесс вхождения в общество. Общество взрослых на законодательном или ином уровне определило все те мероприятия, участие в которых ориентировано на присутствие, включенное наблюдение, а не на результат (можно ли доказать свое право на участие в выборах? на желание одеваться в деловой костюм? носить татуировку? вступать в половую связь? рожать детей?). Инициация не предоставляла права выбора – рано или поздно нужно было ее проходить по жестким правилам. Социализация при общем

похожем для всех оснований, дает больше степеней свободы (в школе можно не быть отличником, но быть спортсменом; можно не иметь семьи, но быть хорошим работником; можно не иметь водительских прав, но быть молодым ученым и пр.). Появилось ощущение личного выбора, даже некоторой ответственности за этот маленький шаг, но пропало чувство личной победы и ее значимости для общества. А общество большего и не требует. Возрастные психологи в один голос твердят: «Условием удачного разрешения кризиса подростка выступает появление таких психологических новообразований как личная ответственность и адекватные средства социализации, приобретаемые при включении личности в соответствующие формы деятельности». Куда бы молодой человек не кинулся, там уже есть кто-то, исполняющий подобную роль: народный герой, богатырь, шут, праведник, пророк, старец, защитник, воин, звезда, родитель, хозяин, хулиган, гейша, лирик, физик. Остается только удачно подражать или научиться исполнять эту роль лучше. Не так много места для новаторства и творчества, но, так или иначе, ты в рамках общества, а вовсе не «чужой».

Остается выбрать – примкнуть к тем членам общества, которые стремятся эти границы во что бы то ни стало сохранять, или научиться их раздвигать! Социальные психологи Е.П. Белинская и Т.Г. Стефаненко [7] видят в инициации «не только обряды, оформляющие переход в мир взрослых, а характерный для первобытных культур институт социализации, основная задача которого состояла в формировании новой социальной идентичности подростков (в качестве полноправных членов племени, рода или мужского союза)». Они приводят пример: «В “школе инициации” под руководством наставника мальчик овладевал самыми сложными навыками в мужской работе: изготовлении оружия, приемах охоты. Но еще больше соплеменники были озабочены его воспитанием в качестве члена общности – «гражданина», умеющего не только познавать окружающий мир, но и влиять на него». Остается загадкой, насколько в нашем современном мире нужен такой молодой человек, (способный влиять на окружающий мир, а не просто воспроизводить заранее готовые формы поведения)?

Интерес общества к той или иной проблеме соотносим с объемом доступной информации по данной проблеме. Насколько общественная культура сегодня удерживает свое внимание на подростках и на молодежи? На протяжении всего существования искусство, будучи зеркалом общественных коллизий и ценностных ориентиров, отражало, в том числе, и отношение к молодежи и молодости. Юные тела и души всегда служили эталоном красоты и объектом любования в живописи и скульптуре. Молодые люди становились наиболее популярными персонажами и в литературе. Многие, ставшие классикой, истории любви на слуху и по сей день («Ромео и Джульетта», «Тристан и Изольда»). Обилие детской и юношеской литературы в XX веке демонстрирует устойчивый интерес к воспитанию подрастающего поколения. Однако огромное количество сюжетов (в том, числе, например, «Ромео и Джульетта») делает очевидной отделенность мира молодых от общества зрелых и умудренных. Посредством поступков, безрассудных и неразумных с точки зрения взрослых, молодежь как бы отграничивает себя от мира взрослых, заявляет о нежелании входить в такой мир взрослых, не принимает его. К. Лоренц отмечает следующее: «При отсутствии объективированных средств хранения социальной информации, последняя могла передаваться от поколения к поколению только через непосредственный контакт. Однако здесь решающее значение имело наличие положительного эмоционального климата между приемником и передатчиком знания. Известно, что «если преемник традиции не испытывает по крайней мере к одному из представителей старшего поколения ... эмоций уважения и любви... механизм, передающий традиционные нормы, не срабатывает» [8]. Следовательно, для того,

чтобы молодежь прониклась чувством любви и принятия окружающего мира и не усердствовала в разрушении устоявшихся норм, необходимо, чтобы она испытывала любовь и уважение ко взрослым.

Советская власть создала целый механизм воспитания лояльности к системе с рядом последовательных этапов взросления (октябрята, пионеры, комсомол), поощряя все те виды общественных интересов, которые позволяют молодому поколению не сбиться с верного пути, и порицая и искореняя все то, что могло бросить тень сомнения на безоговорочный авторитет декларируемых ценностей. Советская молодежь направляет свою энергию на созидание государства-гиганта и скромно, но честно живущих в нем людей, а «Пионерская правда» становится той трибуной, с которой ведется отчет о проделанной работе. Оттепель 1960-х, а затем и перестройка 90-х годов сначала подвергли трансформации, а затем и разрушили налаженный механизм социализации молодежи, которая, не имея достойных ориентиров и лидеров, ушла в подполье (буквально – в подвалы, подьезды). Молодежь потеряла не только культурную, личную активность, но и гражданскую. Все социологические исследования середины и конца 90-х годов запестрели нелестными выводами: «Обладая недостаточным жизненным опытом, молодежь чувствует себя уязвимой в политических баталиях общества, нередко вступает в конфликт с законом, вовлекается в асоциальные и криминальные группы, испытывает трудности адаптации к изменяющейся ситуации, что нередко сказывается понижением их социального статуса, ростом безработицы и преступности, снижением возможности доступа к образованию и культурным ценностям». Уже к 2000 году анализ государственных докладов о положении молодежи в обществе, сделанный В.И. Деникиным и В.А. Родионовым [9] выявил следующие проблемы: численность молодежи сокращается; каждое новое поколение является менее здоровым, чем предыдущее; молодежь вымирает быстрее, чем старшее поколение; под угрозой генофонд нации; падает интеллектуальный и инновационный потенциал молодежи; обострилась проблема занятости молодежи, снизилась до критического предела ее роль в управлении; социальный статус по всем пунктам быстро снижается, материально-бытовое положение, доступ к образованию ухудшились; молодежь все более оттесняется на обочину жизни общества, маргинализируется; субъектность молодежи, ее самосознание, самоидентификация, организованность, роль в общественной жизни, политике, защите своих интересов значительно упала и продолжает падать; молодежь брошена на произвол судьбы, оказалась в положении жертвы и заложника политических, сепаратистских, националистических амбиций; молодежь манипулируют, ее используют, не допуская в структуры представительной и исполнительной власти; происходит духовное и нравственное разложение молодежи, которой овладевает дух безмерного потребительства и обогащения любой ценой; молодежь все более криминализируется, нарастают пьянство, алкоголизм, наркомания, проституция.

Потребовался срочный курс экстренной реанимации молодежи. Было взято направление на культуру. Сегодня молодежи предоставляется длительный этап социализации, то есть можно долго экспериментировать, искать себя в разных направлениях деятельности, которые становятся все более доступными. Школа, среднеспециальные и высшие учебные заведения предоставляют возможность попробовать все те притягательные формы «взрослости», которые долго были под запретом. Сегодня можно защищать знамена разных политических партий, участвовать в интеллектуальных играх, виртуальных и реальных войнах, протестных акциях, испытывать свои силы в любых видах спорта, возглавлять и реализовывать собственные арт-проекты и бизнес-планы, участвовать в школьном или студенческом самоуправлении, вступать в объединения, читать любую литературу, выражать откры-

то свое мнение на форумах и спорить со взрослыми. Общество в кризисные моменты готово любимыми силами и средствами развлекать и удерживать внимание молодежи, идти на любые эксперименты.

И правда, культура сегодня все больше разворачивается к молодежи. Если детско-юношеские кинофильмы еще лет 20 назад предполагали сверхзадачей воспитание патриотических чувств, честности и готовности уже в юном возрасте наравне со взрослыми служить родине («Неуловимые мстители», «Кортик», «Тимур и его команда»), то сейчас после западных бестселлеров («Американский пирог», «Дорожное приключение») и кино-, мультсериалов («Элен и ребята», «Друзья», «Зачарованные», «Тайны Смоллвилля», «Бивис и Батхед»), российские режиссеры приготовили достойный ответ («9 рота», «Питер FM», «В ожидании чуда», «Жара», «Сволочи»). Кинематограф с большого экрана обращается к каждому молодому человеку, взывая к его личному, индивидуальному, и только потом к общественному, гражданскому. Телевизионные коммерческие проекты («Фабрика звезд», «Народный артист») приковывают к экрану молодежь, позволяя не только поверить в свои силы, попробовать пройти кастинг, но и дают возможность со зрительской позиции анализировать взаимоотношения молодых людей в режиме on-line. Более того, большая часть рекламы (в том числе и социальной) ориентирована на молодых – в одежде, услугах телефонной и интерактивной связи, в организации досуга, личной жизни, спорта. Молодежь весомо заявляет свое право на место в обществе. Юношеская субкультура (т.е. ценности, стереотипы и правила, разделяемые в молодежной среде, отличающие ее от других возрастных групп и различающие «свое» и «чужое») постепенно теряет приставку «суб». Активно оформляется самостоятельный новый стиль жизни, ориентированный на свободу, активность и собственный выбор. Молодежь имеет свою арену на телевидении – вместо демократичной программы первого канала «До 16 и старше», на «ТНТ» пришел «Комеди Клуб», КВН стал целым течением, смело отражающим все метаморфозы действительности и поведение звезд кино, шоу, бизнеса и политики. Молодежная страсть к эпатажу коснулась и моды, причем типично молодежные аксессуары, кричащая цветовая гамма, неожиданные сочетания в одежде неожиданно стали уместными и модными и в рамках строгого офисного стиля, и в элегантных вечерних нарядах. Заборы и фасады зданий в городах разрисованы граффити (молодежной уличной настенной живописью). В молодежной музыке постоянно появляются новые направления – как оригинальные, так и синтетические: этно, альтернатив, авангард, клуб-хаус, драм-энд-бэйс, электроник, гранж, хип-хоп, фанк, хардкор, рэп, ар-энд-би, лаундж и др. Множатся всевозможные субкультуры и направления – рэперы, готы, эмо, скин-хэды, панки, скейтеры, металлисты, хиппи, гламуры, растаманы, гопники, неформалы, пацифисты и прочие, не говоря уже об обществах интеллектуалов, спортсменов, коллекционеров. Более того, появляются и развиваются новые виды спорта на улицах города – скейтбординг, стритбол, паркур, БиЭмИкс, роллинг, а также скай-серфинг, дайвинг, картинг, стрит- и драгрейсинг, энкаунтер. Развитие общения по Интернету, создание компьютерной реальности и сеть виртуальных игр – еще один пример молодежного отношения к сложной действительности. Необходимость объединяться с кем-то из тех, кто похож на тебя, и создавать новое направление или течение взглядов, одежды, музыки и есть то самое новаторство и творчество, помноженное на желание отличаться, это тот самый современный протест действительности. Затягивание сроков традиционного варианта социализации привело к отказу от нее значительной части молодых людей, обретших собственные представления о смысле жизни и конкретно-индивидуальных путях его реализации. И даже в политике, куда молодежь не пускали достаточно долго, создается целый спектр общест-

венно-политических молодежных программ, которые во многом разрабатывает и реализует сама молодежь («Молодая гвардия»), окружные и муниципальные программы. Социальные и национальные проекты позволяют получить льготы на приобретение жилья, к молодежи активнее присматриваются в мире науки и бизнеса.

Например, в ХМАО-Югре созданы достаточные условия для всестороннего развития молодежи и сохранения стабильности молодежной среды. По данным исследования «Молодежь как социальный ресурс», проходившем в апреле-июне 2007 года под руководством заведующего социологической лабораторией М.Ю. Мартынова [10], молодежь занимает в социально-экономической и политической жизни округа существенную роль уже в силу демографической причины – значительной доли в общей численности населения (средний возраст жителя округа сегодня – 30 лет). Именно молодые люди должны являться основным человеческим ресурсом развития региона. Сегодняшняя молодежь сформировалась уже в условиях рыночной экономики и свободного общества. Она получила современное образование, демонстрирует стремление к овладению инновациями и успешное использование передовых технологий. Сегодня молодежь успешно трудится в нефтегазовом комплексе, строительстве, транспорте, непромышленной сфере.

Неслучайно поэтому, что молодежная политика занимает существенное место в деятельности органов власти округа и муниципалитетов. Успешно реализуются программы, направленные на поддержку молодых семей, охрану здоровья, воспитания и т.д. Значительные средства выделяются на развитие образования, искусства, спорта, туризма, во многом ориентированных на молодежь. В округе достаточно эффективно действуют молодежные объединения. Объективной предпосылкой самореализации молодежи является относительно высокий уровень экономического развития округа, возможность получить хорошее образование и высокооплачиваемую работу. Стратегическими направлениями молодежной политики в округе являлись направления «Социально-гражданское развитие молодежи», «Деловая и трудовая активность молодежи» (воплощенное, например, в ежегодном окружном конкурсе "Золотое будущее Югры"), а также направление "Здоровое поколение".

В то же время, на сегодняшний день молодежная социальная группа является источником ряда серьезных общественных проблем. Назовем некоторые из них:

- трудовые и образовательные ориентации молодежи не всегда адекватны производственной структуре региона и потребностям рынка труда, что создает проблемы неэффективного использования трудовых ресурсов, «текучки» кадров, появления «лишних людей», маргинализации, безработицы;
- высокий уровень разводов свидетельствует о недостаточном уровне личной ответственности молодых людей, ведет к увеличению числа «осколочных» семей, ненадлежащему воспитанию детей, социальному сиротству;
- сохраняется рискованный уровень девиантного поведения в молодежной среде, включающего употребление наркотиков, суициды, правонарушения;
- существуют пробелы в правовом и нравственном воспитании у части подростков и молодежи, которые отмечают, в частности, педагогические работники, сотрудники правоохранительных органов;
- недостаточен уровень политической зрелости значительной группы молодежи, о чем свидетельствует индифферентность к политической жизни, участию в выборах и т.д.

Словом, молодежь получила возможность активно и практически беспрепятственно входить и в те сферы жизни, которые были для нее закрыты или жестко контролировались,

но интерес к ним теперь снизился. Созданная мода на молодость сама себе поставила подножку. Сегодня, когда широко пропагандируется молодежный стиль жизни и поведения, никто больше не призывает «стать взрослым». Ценностные ориентации молодежи смещены на процесс получения удовольствия от молодости.

Проблема трудоустройства и занятости молодежи, особенно поселковой, стала бичом современного индустриального общества. Довольно серьезный отпор молодежь получает и на рабочих местах, то есть там, где среди старшего поколения распространено мнение «чем старше сотрудник и чем больше у него стаж работы, тем он опытнее». Насущной проблемой молодежи сегодня становится недоверие руководства и сотрудников к молодым специалистам, к их уровню знаний, стремление руководства контролировать каждый шаг в работе молодого специалиста; присвоение результатов труда молодого сотрудника начальниками или имеющими большой стаж работниками; недовольство старших по возрасту или имеющих большой стаж сотрудников тем, что молодой специалист быстро и успешно продвигается по службе. Предметом гордости молодых специалистов сегодня считается получение престижной работы самостоятельно, благодаря своему личному опыту и образованию, а не посредством родительских или иных связей.

А каким сама молодежь видит свое положение в обществе? Как оценивает те изменения и процессы, которые происходят на ее глазах? Что из предложений государства видится молодежи как ценность? Осознает ли молодежь, какую ставку на нее делает государство в будущем и какие материальные и духовные ценности вкладывает в это будущее? Вот данные исследования молодежи ХМАО - Югры [10].

Доступность качественного высшего образования и личный труд молодежь расценивается как благо, потому что именно они являются лифтом, позволяющим максимально эффективно достичь материальных и социальных благ – получить высокооплачиваемую, творческую работу или желаемую работу, обзавестись жильем, атрибутами обеспеченной жизни и завести семью. Молодежь позитивно оценивает тот факт, что сегодня можно больше надеяться на самого себя, свои силы, а не на постороннюю помощь и внешние обстоятельства. Основной проблемной группой все больше становится работающая молодежь, а ядром ее проблем – трудности включения в трудовую деятельность. Большие возможности, по мнению молодежи, дают те программы, которые направлены на поддержание молодежного бизнеса, проектов («Золотое будущее Югры», «Бизнес-инкубатор»). Они рассматриваются как возможность развивать новые сферы деятельности и профессий, интеллектуальным трудом заработать авторитет в городе и получить стартовый капитал на реализацию своих замыслов. Молодежь готова жестко отстаивать и защищать свои авторские права при реализации данных проектов и бороться за удержание пальмы первенства в конкуренции на рынке услуг. Профессиональная мобильность, готовность осваивать новые профессии и формы труда создает чувство социальной защищенности у молодежи.

Доступ к любого рода информации посредством электронных источников и СМИ, а также возможность их выбирать расцениваются молодежь как возможность всегда быть в курсе событий, идти в ногу со временем (в поиске вакансий, правовых консультаций, удовлетворения личных интересов, общения).

Почти половина из числа опрошенных молодых людей убеждена, что играет существенную роль в округе, но при этом не имеет возможности влиять на политическую жизнь. Важно отметить, количество занимающихся политикой молодых людей постепенно увеличивается (за последние 9 лет – на треть). Само отношение к политике как к возможному регулятору своего положения в обществе, как к действенному средству выражения своих

интересов на политической арене является новой хорошей тенденцией. Данные о низкой политической активности молодежи середины и конца 90-х годов (в выборах принимали участие только 3-20% молодежи России) свидетельствовали об утрате молодежью своего важного предназначения в роли страны, о своеобразном протесте против той политики и режимов, которые были присущи России в том переходном периоде.

Сейчас в нашем государстве в ускоренном темпе происходят изменения, значения которых нельзя недооценивать. Становятся очевидными те пробелы в воспитании молодежи, которые необходимо экстренно компенсировать. При культе молодости и нового стиля жизни, в котором нет места вчерашним авторитетам, проблема возвращения потерянного доверия к старшему поколению остается актуальной проблемой. Восстановление межгенерационных связей призвано создать более адекватные условия для взросления молодежи, не только наследования ею готового, но и накопления собственного жизненного опыта.

Примечания

1. Обухова Л.Ф. Детская (возрастная) психология – М.: Рос. пед. агентство, 1996. – С. 12.
2. Обухова Л.Ф. Указ. Соч. – С. 16
3. Андреев И.Л. Жестокый экзамен [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.ladoga100.lab-g.com>
4. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Инвест-ППП, 1996. – С. 36.
5. Андреев А. Мир Тропы. Очерки русской этнопсихологии – СПб., 1998. – С. 67.
6. Спиридонов Л.И., Гишинский, Я.И., Лебедев П.Н. Человек и общество: Проблемы социализации индивида // Журнал социологии и социальной антропологии. Том III. – 2000. – С. 62.
7. Белинская Е.П. Этническая социализация подростка – М.: Моск. псих.-соц. ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. – С. 208.
8. Лоренц К. Эволюция ритуала в биологической и культурной сферах // Природа. – 1969. – № 11. – С. 53
9. Деникин В.И., Родионов В.А. Российское государство и молодежные, детские объединения: смысл и практика партнерства // Молодежная политика: Информационный бюллетень. – 2000. – № 4. – С. 14.
10. Мартынов М.Ю. Молодежь как социальный ресурс округа. Отчет по результатам социологического исследования. Ханты-Мансийск – Сургут, 2007 г.

*URBI ET ORBI**В.В. Корнеев***АВТОРСКИЙ / НАРОДНЫЙ ТАНЕЦ:
ТОПОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ДИСКУРСА**

Под формой танца предварительно можно понимать некоторое множество топосов (танцевальных позиций), в которых этот танец представлен, общую топографию танца. Другим определением формы танца может быть «суммарная топография взаимного размещения сторон». Минимум две стороны танца имеют некий пространственный топос, постоянно меняющийся в результате активности сторон. Очевидно, что, если активны обе стороны (это отношение можно представить диалогическим), то обе стороны танца меняют топографию своего взаимного расположения. В этом случае можно говорить о диалогическом отношении сторон. Если же активна только одна сторона, то другая сторона как бы «зажата» активностью первой стороны, размещена в отпущенном ей пространстве. Можно сказать, что в этом случае вторая сторона обладает жестко заданной формой, притом, что эта жесткость зависит от активности первой стороны, то есть форма для второй стороны задана гетерономно. В этом случае имеет место монологическое отношение. Если выразиться максимально просто, то в диалогическом отношении обе стороны танцуют «друг с другом», а в монологическом отношении одна сторона «танцует другую», задавая другой стороне пространственное расположение.

Собственно, множество топосов, представляющих танец, выступают как внешняя характеристика танца, набор знаков, выраженных в танцевальных позициях (позах) и переходах между ними. Изначальная зависимость знаков танца от содержания не вызывает особого сомнения, поскольку в традиционных обществах за танцем закреплена стандартная речевая функция. Однако, проявляемые вовне знаки танца не могут быть сводимы к своему содержанию. Более того, топосы как знаки танца, могут быть в значительной мере отделены от своего содержания и представлены как почти исключительно эстетические характеристики танца, выраженные и существующие как некоторое множество пространственных положений той или иной эстетической направленности, оцениваемые в генерализованной системе отношений «прекрасное – безобразное». Полное устранение содержания, наверное, невозможно, но его минимизация представляется вполне вероятной.

Под содержанием будем понимать смысл, речевое действие, обращенное от субъекта действия вовне в некотором социальном контексте, заключающееся в конкретном танце как в некотором сообщении. Содержание, в свою очередь, не может быть полностью отделено от формы, поскольку форма представляет некий набор пространственных положений тела, понимаемых как топографические положения, через которые возникает содержание, однако, форма может быть минимизирована, так что максимальное содержание может быть соз-

дано любыми минимальными выразительными средствами.

Поверхностное наблюдение показывает, что можно фиксировать довольно богатый спектр различия всего множества танцев по степени увеличения или уменьшения их содержания или формы. Можно с определенной уверенностью говорить о том, что два крайних полюса представляют танец с максимальной формой и минимальным содержанием, с одной стороны, и танец с максимальным содержанием и минимальной формой, с другой стороны.

Максимизация формы может наблюдаться у активной стороны танца – она имеет максимальное количество топосов, зависящих только от ее собственной активности и от умения ориентироваться в контексте. И наоборот, пассивная сторона танца, как это показано выше, минимизирует свою форму, жестко фиксируя ее в гетерономных формах. При этом в монологических отношениях активная сторона стремится к максимальному заполнению пространства, а в диалогических отношениях взаимное соответствие танцующих обязательно должно выразиться в определенном топографическом самоограничении, при возможном проявлении импровизационной активности в рамках некоторых игровых правил.

Существует определенная традиция полагать народное искусство обладающим максимальным содержанием, но относительно невысоким уровнем развития формы. Естественно, народное искусство здесь понимается как некоторая идеальная форма, когда под словом «народный» имеется в виду не существующее в действительности, среди настоящих людей в городах и селах, анонимное искусство, которое может быть и неразвитым, и деградировавшим. Имеется в виду некая особая ступень развития искусства, заключающаяся в его начальной стадии развития, когда искусство еще не приобрело персонализированного характера, еще не оформилось, может быть, в отдельном виде и жанре, выступает, скорее, как некая попытка осмысления мира, является скорее анонимным, соотносится скорее с группой людей, нежели с отдельным человеком, и является значимой формой их взаимодействия. Такое «народное» искусство, действительно, обладает значительной простотой в отличие от авторского, возникающего на более поздней стадии развития при определенных условиях, в которые входит разделение общества на слои, группы, страты, классы по социальному, экономическому и политическому статусу.

Как раз относительная «бедность» формы в данном случае является полем, на котором расцветают цветы импровизации, маловероятные в жестких рамках авторского искусства. Кроме того, как показано выше, условная «бедность» формы в народном танце вызвана диалогичностью структурирования пространства, когда каждая из сторон предполагает наличие другой стороны и, вдобавок, наличие заранее неизвестной ее топографии. Еще одна сторона условной «бедности» форм народного танца – это использование «корневых» движений, основных положений тела в пространстве, при минимальном использовании которых становится возможна передача смысла. Эти «корневые» движения представляют собой в некотором смысле «эмбрионы» для развития всего множества доступных человеческому движений. В конечном счете, народный танец, представляя «слабую» форму, ограничен только собственной внутренней логикой развития, т.е. автономен.

Авторское же искусство связано достаточно суровыми формами, поскольку оценивается потребителями как раз по формальным признакам. В конечном итоге, авторство определяется именно по форме, когда содержание полагается мало- или несущественным. В этом же заключена причина оскудения содержания авторского искусства и гипертрофия его формы. При этом, авторское искусство ориентируется на внешние правила и нормы, и выступает, таким образом, «пассивной» стороной, ограниченной извне, т.е. является гетеро-

номной формой искусства. Можно сказать, что авторский танец является принудительным по форме, и именно потому, что предназначен для потребления извне, а не самими танцующими.

Минимальная форма и максимальное содержание (F_{\min}/C_{\max}) присущи танцу, имеющему максимальную речевую функцию, являющемуся полноценным сообщением от танцующего к другому участнику сообщения. Правилom можно полагать, что структура такого рода соответствует неформальному (народному) танцу, при его любительском характере и ярко выраженной содержательности, связанной с определенными традиционными формами сообщения. Топография народного танца обладает выраженным содержанием, прямо зависящим от контекста исполнения танца и от культурно-исторических обстоятельств, сообщающих танцу свои смыслы.

Важно отметить, что танец представляет одну из невербальных форм сообщения, и потому значительно более абстрактную, чем вербальная форма. Проблема «считывания смыслов» не может быть решена путем соотношения определенных топосов танца с некоторыми жестко закрепленными за ними значениями. Топографии народного танца присущи многие формы, встречающиеся в животном мире, что, в целом, только добавляет аргументации в пользу максимизации содержания при минимизации формы. Низкая степень формализации народного танца уравнивается закрепленным за набором движений смыслом, при помощи которого достигается базовая речевая функция взаимодействия между танцующими.

Народный танец предполагает некоторое (весьма ограниченное) множество определенных топосов, соответствующих определенному ритму и традиционно используемых в культуре для определенных случаев. Например, множество свадебных, похоронных, праздничных, провожающих, и прочих танцев имеют достаточно ограниченную собственную топографию при очень серьезном смысловом содержании, заключающемся не только в собственно танцевальных топосах, но, в значительной мере, в контексте происходящего. При этом, топография танца, при ее внешней скудности, не связана жестко внешними условиями другой танцующей стороны, ее скудность обусловлена минимизацией затрат, достигающих своей достаточности в определенном контексте. Основная функция народного танца – речевая – в полной мере задействуется в передаче некоторого множества социально допустимых в данном случае смыслов.

В том, что касается оценки топографии народного танца с точки зрения «прекрасного/безобразного», то этот вопрос, видимо, должен решаться исходя из того, как и насколько конкретный топос соответствует своему содержанию. Пожалуй, можно говорить о зависимости представлений о красоте топоса от представлений о его уместности в данном случае. Весьма близкое представление встречается в различных формах спонтанного искусства, каковыми являются, например, импровизационная музыка или японское спонтанное стихосложение «по случаю». «Вовремя» (= «красиво») сыгранная нота или сочиненное стихотворение прекраснее в таком представлении многих песен и строчек, не имеющих места в конкретном контексте.

Не удержусь от соблазна представить один из таких шедевров, взятый из сборника «Кокинвакасю» - восемьдесят четвертую песню Второго свитка «Весенних песен» Ки-но Цураюки: «Сложил, услышав слова одного человека: «Ничто так быстро не опадает как цветы вишни». Не могу поверить,/ Что ничто так быстро не опадает,/ Как цветы вишни, - / ведь сердце человека (изменяет),/ даже не дожидаясь ветра...» [1]. Возможность быть сказанным открывает возможность быть написанным, только этим определяется мой выбор

примера как текста. Соль используемого мною примера – в предисловии к пятистишию: «Сложил, услышав слова одного человека...». Спонтанное и своевременное пятистишие, несомненно, много приобретает, будучи сложенным и сказанным вовремя. В литературе существует много примеров такого типа.

Итак, важной стороной народного танца является его спонтанность и автономность. Конечно, существует какая-то топография танца (набор поз), которая может быть использована по обстоятельствам. Топография может быть минимальной, или же наоборот, весьма обширной в тех случаях, когда танцует некто талантливый, однако, эта топография во всех случаях опирается на импровизацию, основанием которой непосредственно возникающее в контексте танца переживание. Импровизация делает народный танец довольно тонким инструментом речи, способным выразить определенные эмоции в зависимости от обстоятельств контекста. Настойчивое указание на свободу и спонтанность народного танца должно иметь какое-то основание, в котором эти отличительные черты могли бы поддерживаться. Таким основанием является то, что народный танец напрямую может быть сопоставлен с нормальной речевой функцией, и в этом своем значении не может склоняться к деградации смыслов, за теми случаями, когда происходит общая деградация народа, что, естественно, будет сказываться в его речи.

Определение народного танца как речевой субвокальной (невокализованной телесной) формы взаимодействия позволяет говорить о специфической функции танца, использующей возможности топографии тела. Социальная динамика танца относительно общих пространственных ресурсов определяет большую часть социальных действий. Народный танец в этой перспективе выглядит одной из форм социально легитимного структурирования социальных отношений. Общая задача социального структурирования – выявить социальное равновесие, в данном случае оно должно быть установлено в процессе самого танца.

Представляется, что основная задача народного танца может быть заключена в том, чтобы присущими ему формами операций с пространством перейти к смысловому равновесию участников танца относительно какого-либо контекста. Танец в этом смысле является противодействием, конкуренцией, борьбой за преобладание, выявлением победителя или игрой в поддавки. Посредством танцевальных движений можно получить некий социальный выигрыш, или выиграть нечто более вещественное. Во многих культурах формальные споры решаются посредством танца, кроме того, при помощи танца совершаются процедуры ухаживания, своего рода брачные игры. Танец в этом смысле сопоставим с игрой или с более brutальной версией игры – с войной (поединком). В общем, как современные, так и более ранние формы понимания структуры танца предполагает такую интерпретацию возможной.

Очевидно, что содержанием танца не обязательно должно быть выражение агрессии, преобладания и желания подчинить – в большинстве случаев нет никакой нужды танцевать исключительно преобладание, если того не требует речевой контекст танца. Вполне может добровольно и осознанно принята другая позиция, заключающаяся в другом смысле взаимодействия. Станцевать, в конечном итоге, можно и податливость, и слабость, и сомнение, и независимость, и робость, и жадность, и многое другое. Важным представляется спонтанность и автономность этого выбора, относящегося к возможной сфере выборов субъекта танцевания. Важно иметь в виду, что танец как форма речи может структурировать реальность в непосредственном взаимодействии между субъектами и объектами танца.

Народный танец в целом проще, чем авторский. Народный танец отличается более простыми движениями, более простой топографией, в нем легче запоминается последова-

тельность движений. Необходимость большей простоты народного танца диктуется требованиями максимально полной и безошибочной передачи минимального для узнавания танца набора топосов, движений и ритма от индивида к индивиду, не зависимо от умений, гибкости, чувства ритма. Этот процесс необходимо приводит к минимизации усилий по актуализации танца. Собственно это делает топографию танца минимальной при возможности почти бесконечного ее наращивания через импровизационные формы.

Можно говорить о том, что народный танец в целом менее энергозатратен, чем танец авторский. Наблюдение за народными танцами, исполняемыми непрофессиональными фольклорными коллективами, не имеющими отношения к эстраднему творчеству, позволяет говорить о том, что низкая энергозатратность народного танца, минимизация усилий, связанных с преодолением ограничений, налагаемых естественной динамикой, связана с высокой долей неравновесных положений тела в общем множестве топосов. Последовательность неравновесных положений позволяет использовать вес самого тела и его естественную динамику для процесса танца так, что народный танец оказывается очень близок по эргономичности к базовым движениям человека, включающим основные движения тела – ходьбу и повороты тела, реже – небольшие прыжки.

Я специально выделяю такой параметр как энергозатратность и приписываю ему принципиальное положение. Дело в том, что социальное положение человека в потребляющем обществе выражается возможностью затрачивать ресурсы на непроизводительные цели. Таков принцип «потлача» как уничтожения или дарения вещей в традиционных обществах, описываемый, в частности, К.Леви-Строссом, таков принцип прямопропорциональной зависимости энергетических затрат от статуса человека в обществе западного типа (большие машины, большие холодильники и телевизоры). Народное искусство не имеет выраженного статуса, поскольку мыслится эгалитаристски в силу своего происхождения. Однако авторское искусство имеет четко определенный статус, выраженный именно через форму. Поэтому я выделяю низкую энергозатратность народного танца в качестве одного из определителей, равно как противоположным определителем является высокая энергозатратность для авторского искусства, значение которого именно в максимуме затрат, в том или ином их виде.

Можно, далее, предположить, что происхождение танца не коренится в трудовых движениях, о чем говорят некоторые исследователи. Трудовые движения могут только имитироваться танцорами для создания необходимой смысловой наполненности в рамках необходимого контекста, быть указанием на конкретные обстоятельства создания смысла. Возможно, трудовые и танцевальные движения содержат близкие топосы, продиктованные максимальной эффективностью их передачи. Требования максимальной эффективности при минимуме затрат должно приводить к сближению всех топосов и их отношений, сформированных в пределах естественного движения человеческого тела.

В случаях, когда именование танца совпадает по названию («народный» танец), но функционально повторяет свойства авторского танца (как в случае эстрадных танцевальных ансамблей «народного» танца), то такой танец не является народным по определению. Ритуальные (иератические, магические и проч.) танцы максимально близки к народным и являются частными случаями народных танцев.

Максимальная форма и минимальное содержание (F_{max}/C_{min}) присущи танцу, несущему, практически, только эстетическую нагрузку. В этом случае структура такого рода соответствует танцу как представлению *par excellence*, множеству пространственных положений (топосов), каждое из которых оценивается с точки зрения принятых эстетически до-

минирующими социальными группами категорий «красивого/некрасивого». Это свойственно, например, эстраднему танцу, с его рафинированной формой и минимизированным, в социальных целях, содержанием, а, также, например, балету. Вообще любая форма танца, уходящая от спонтанности и автономности в использовании выразительных средств, предполагающая более или менее жестко заданную последовательность топосов, а также предполагающая гетерогенное участие в создании танца некоторого другого индивида, не занятого непосредственным танцеванием, непременно должна будет прийти к вырождению речевых функций. Такой танец, гетерономно произведенный отделенным от танцоров автором, с минимизированным содержанием и максимизированной формой, проще будет понимать как авторский, в отличие от народного, импровизационного, не имеющего автора, а рождающегося непосредственно в процессе танцевания.

Важным моментом и следствием гетерономности танца является его чужеродность в любом контексте. Автор танца отделен от непосредственно танцующего своим положением, даже если автор и является в конечном итоге самим танцующим. Танцующий в авторском танце по определению связан гетерономией. Танцующий исполняет не движения в контексте, служащие адаптации к этому контексту, а некие заранее заданные движения, независимые от контекста. Чужеродность авторского танца в контексте и минимизация смысла авторского танца связаны между собой. Невозможность существования смысла без контекста и наоборот – ненужность существования контекста без смысла, приводит к тому, что авторский танец, в силу практического отсутствия собственного содержания, не привязан к контексту и равно возможен в любом контексте без изменения формы.

У Германа Гессе в «Курортнике» есть такой замечательный пассаж: «Здесь концерт был лишен, по-моему, главного – смысла. Что две сотни людей скучают и ума не приложат, как скоротать время до ужина, на мой взгляд, недостаточная причина, чтобы оркестру хороших музыкантов играть аранжировки из знаменитых опер. Так что концерту недоставало, собственно, малого – сердца, нутра: необходимости, живой потребности, накала душ, ждущих от искусства освобождения» [2]. Авторский танец, при всем мастерстве танцующих всегда имеет «недостаточную причину» для своего места и времени, кроме места и времени, подчиненным исключительно демонстрации заданной формы.

Поскольку танец задумывается для всех возможных контекстов, в которых он может быть представлен, он, наряду с гетерономностью, приобретает характеристики гетеротопности и гетерохронности. Авторский танец гетеротопен и гетерохронен любому контексту, он инороден и чужероден, он оправдывается в своем существовании только как источник стимуляции властных чувств индивидов определенных социальных групп, каковые чувства принимаются этими индивидами как эмоции относительно красивого и достойного.

Речевая функция народного танца, рассмотренная выше и связываемая с его спонтанностью и актуальностью, его автохронностью и автотопностью, позволяет рассматривать танец как некое действие, раскрывающее принципиальный характер отношений в неоднородном обществе. Народный танец в этом смысле легко представить как диалог. В то время как танец авторский – это, скорее, монолог, хотя, возможно, представленный «в лицах».

Условно разделив общества на диалогические и монологические, можно легко прояснить для себя характер того или иного танца, а также его возможные характеристики и реакции на этот танец. В диалогических обществах, условно говоря, танец является всеобщим, на общем поле, при том, что сообщение, которое принесет танец заранее неизвестно. Диалогический танец – это танец, равный игре. Монологические общества содержат танец как заранее заданное сообщение, смысл которого понятен до начала, еще до того, как началось

собственно изложение. И, что важно, в монологических обществах, притом, что право на монолог определено заранее, физическим источником монолога являются другие лица, для которых этот монолог задан извне как некая необходимость при соблюдении правил. Грубо говоря, в монологическом обществе танцующие не имеют своего изложения, они излагают чужой материал, они представляют источник монолога, не являясь им; физически повторяют чужие топосы, тем самым, получив отказ в своем пространстве. Они являются «другой», несамостоятельной, неактивной стороной танца в монологическом отношении, их топография задана активностью активной стороны. Они как бы выступают чужими телами, их тела присвоены источником монолога, и их сообщение есть сообщение чужих тел в чужом пространстве. При этом, танцую заданную активной стороной топографию в отсутствие собственно в танце этой самой активной стороны, они только подчеркивают ее значение – даже в ее отсутствие воспроизводить топографию подчинения.

Использование готового сообщения, в котором расстановка сторон уже произведена и уже наличествует какой-то воображаемый результат, имеет смысл не только как ритуальный танец, призванный стабилизировать или изменить порядок вещей. В танце как подготовленном сообщении возникает заранее заданное отношение воображаемого результата к танцу, что носит определенную индоктринальную и идеологическую природу, диктует движению определенные параметры. Авторский танец, который в своем основании, еще до своего начала всегда имеет перед собой свою цель и свое завершение неким «финалом», «выходом на поклон», представляет некоторое уже существующее представление о порядке вещей. В силу самой природы танца как формы развлечения, в которой услуги востребуются теми, кто имеет возможность и право их востребовать, в условиях неоднородного общества, танец определенно имеет индоктринальный посыл от доминирующей стороны к подчиненной.

Вообще, можно полагать, что социальный контекст танца оказывает очень серьезное воздействие на характер самого танца. В монологическом обществе народный танец практически невозможен, разве что, за пределами контроля, а в диалогическом обществе авторский танец, скорее всего, будет малоинтересен. При переменах в характере общества может меняться танец. При скольжении общества от диалогического к монологическому народный танец может мутировать в сторону авторского, то есть, терять в содержании приобретать в форме. Авторский же танец, наоборот, при скольжении общества от монологического к диалогическому, может приобретать в содержании, но терять в форме.

Превращение народного танца в авторский происходит, как правило, при его эволюционировании в сторону большей адаптации в развивающихся иерархических системах. Эволюцию танца в иерархиях можно связывать с его использованием в условиях, в которых осуществляется или уже произошло разделение социальных групп, когда функции речи экспроприруются в пользу групп, обладающих большей властью. Формализованные танцы возникают, по-видимому, в ситуации складывающегося социального разделения и фиксируют отношения власти – подчинения, причем, развлекательная функция относится к сфере задач подчиненных социальных групп.

Для танца здесь остаются сферы развлечения, обслуживания чужих интересов, а также сферы индоктринальные, когда танец превращается в способ демонстрации определенного дисциплинарного сообщения, которое, однако, полностью заключено в его форме. Это тот самый случай, когда «посланник есть послание». Существует огромное количество примеров для аргументации, из которых можно называть, например, поддержку откровенно дисциплинаторных форм танца – балета и квази-народного эстрадного танца, а также рас-

цвет спортивного танца, в своей эволюции повторяющего движение эстрады к большей развлекательности, с утратой подавляющего большинства социальных смыслов.

В том же смысле, как основаниями для поддержания спонтанности и импровизационности народного танца является его речевая функция, так для авторского танца должны быть основания в его несвободе и смысловой ограниченности. Таким основанием для авторского танца можно называть купирование его речевой функции, максимальное ограничение смысловых характеристик, сведение их к безопасному минимуму. Пожалуй, во всех случаях, когда можно говорить о том, что смысл движения является чем-то внешним по отношению к субъекту движения – а танец здесь только один из частных случаев – можно говорить о деградации смысла и формализации отношений, складывающихся в танце, их фиксации в определенном и жестко установленном русле.

Социальный смысл подчиненности, передаваемый авторским танцем, отделяется от собственного содержания танца. Социальная ненужность собственного смысла авторского танца соответствует невозможности для танцора выявить и проявить свою спонтанность и автономность, поскольку таковая в авторском танце не имеет смысла. Все сделанное в рамках принятой для определенного авторского танца топографии будет, так или иначе, принято в его социальном смысле подчиненности. В этом серьезное отличие социального смысла подчиненности авторского танца и социального смысла автономности народного танца при возможном внешнем совпадении их топографии. Героические и богоборческие топосы балета суть не что иное как сокрытие действительного социального смысла авторского танца. Народный же танец, пусть даже выражающее подчинение или слабость, всегда более свободен и независим в социальном смысле, поскольку автономен и черпает свои смыслы в автономной речи танцующего.

Формализация танца для развлекательных целей должна была включать в себя топографию подчиненности, некоторый набор поз и положений тела, которые соответствовали бы подчиненному положению участника по отношению к зрителю. В этих рамках совершенно естественным является выхолащивание всякого смыслового содержания танца, все потребное содержание стремится быть полностью перенесенным в наиболее яркие и однозначно трактуемые позы, придумывание и «изготовление» которых для удовлетворения зрителей с некоторого времени является задачей хореографа.

Либретто танца, которое должно описывать его сохранившееся содержание, в полной мере соответствует такой функции и представляет максимально удаленные от жизни «сообщения» на мифологические, исторические или сказочные темы, легитимированные для их изложения со сцены. Представляется интересным появление новых балетов, чье содержание радикально уходит от «розовой водички» либретто классических балетов. Само появление новых форм танца на традиционной сцене в традиционном монологическом контексте есть вещь весьма нечастая и, как правило, вызывающая бурную реакцию. Так, например, премьера балета «Дети Розенталя» с либретто В.Сорокина сопровождалась большим скандалом, правда, возможно, еще и потому, что само либретто представляет полноценное художественное произведение со смыслом, несколько выходящим за рамки традиционной формы отношения власти и подчинения, когда обычно балетная сцена представляет только топографию подчиненности.

Уместно вспомнить в этом смысле, что непосредственной задачей власти в процессе подчинения во многих случаях являлось и является ликвидация народного искусства и сведение искусства к формальным отношениям. Так, в крепостной России некоторые помещики имели свою балетную труппу из крепостных, а народные танцы очень часто полагались

«грязными», «пьяными» и «дикими» плясками, не одобряемыми, и с трудом терпимыми. В этом смысле классический русский балет, при всем его отточенном формальном совершенстве, является, видимо, одной из самых дисциплинаторных форм искусства, несущей в себе идеологию подчинения, за что он и был всегда любим всякой властью, примерно в той же мере, как строевой шаг.

Здесь видится интересная проблема отношения власти и языка. Французский структурализм и наследовавший ему эту идею постструктурализм сделали достаточно очевидной ту мысль, что язык, установленный в качестве языка иерархической структуры – это язык высших слоев этой иерархии. Этот язык навязан подвластным в системе взаимодействия как единственно легальный язык, принимая который они расписываются в своей подчиненности. Более того, смыслы языка, очевидные для власти, ускользают от подчиненных, поскольку эти смыслы не поддержаны контекстом их жизни. Принимая язык власти, подчиненные теряют смыслы своей жизни, и с этого момента их социальная деятельность становится зависящей только от воли власти, теряет всякую связь с реальностью, теряет произвольность, приобретает смысл только в системе отношений со властью, вблизи власти, в теле власти. Подчиненные становятся отражением власти и видят в ней смысл своего существования, часто становясь ее защитниками, поскольку потеря своего подчиненного положения представляется им потерей смысла социальной деятельности.

Для индивидов, инкорпорированных в систему авторского танца, их положение может представляться как позитивное. В качестве определенно одобряемых характеристик, возникающих у них в результате такой инкорпорации, могут называться умение выполнить сложные движения, приобретение определенной осанки, умение красиво двигаться, подчеркивается повышение уровня дисциплинированности, адаптивности в своей социальной группе, повышения общего уровня конформности. Как правило, называются формы дисциплинирующего воздействия, приобретение которых позволяет занять индивидам определенный социальный топос, основные конфигурации которого заданы извне.

Важным моментом представления авторского танца, кроме заданного к исполнению топоса, является его внешнее визуальное оформление, обычно существующее в виде какой-то специальной одежды и сценического оформления. Одежда для авторского танца выполняет роль контекста, в котором танец совершается. Особое значение одежды подчеркивается ее специфичностью, ограниченным только в сфере авторского танца применением и неприемлемостью в нормальных бытовых условиях. Посредством одежды индивиды, инкорпорированные в сферу авторского танца, резко выделяются из множества зрителей. Одежда придает им характер контролируемой выделенной группы, совершающей определенную работу для внешнего заказчика, отчужденной от результата своей деятельности и, как следствие, зависимой и подчиненной группы, чье существование стимулируется внешним воздействием. При понимании того, что одежда есть дополнительный знак, смысл которого в усилении уже существующего социального смысла, поскольку собственного смысла у авторского танца нет, авторский танец принимает вид чистой имитации сообщения, заключенного в себе самом. Можно, наверное, проследить закономерную связь между увеличением социальной зависимости определенных групп и определенной эволюцией авторского танца, проходящей в русле эротизации и театрализации как самого авторского танца, так и одежды для него.

Формальный характер авторского танца может быть понят в таком контексте как прерятая в силу необходимости топография, проистекающая из гетерономного языка, навязанная иерархической властью своим подвластным, и потому лишенная для них собствен-

ного смысла. Этим языком, однако, они должны пользоваться в общении с властью. Заметное увеличение топографии авторского танца в сравнении с народным танцем может быть вызвано необходимостью формально зафиксировать и продемонстрировать некоторое множество легальных топосов. По своей сути, грубо говоря, такое расширение топографии представляет трудовой взнос в пользу подчиненности, расписку в подчиненности, изображение бурной активности, лишенной всякого смысла, кроме смысла быть принятым и удобным.

Авторский танец имеет значительно более обширную топографию, при более жестко упорядоченном, чем в случае с народными танцами, наборе топосов, соответствующих определенному ритму и не являющихся в данной культуре традиционными, хотя, возможно, построенными на основе традиционных топосов. Авторские танцы, как правило, являются в той или иной степени профессиональными, и используются для других целей, нежели народные, в другом контексте. Цели авторского танца – профессиональные в широком смысле. Функция – демонстрационная, имитационная. В авторском танце отсутствует проблема игры и войны, она, скорее, имитируется через наборы топосов, соответствующих осмысленным топосам народного танца.

Авторский танец представляется более затратным в энергетическом смысле, чем народный. Во-первых, требования к авторскому танцу в отношении техники весьма высоки, что видно, например, из того, сколь много усилий тратится воспитанниками балетных школ для получения приемлемого результата. Кроме прочего, система обучения авторскому танцу, балету, в частности, носит весьма авторитарный и дисциплинарный характер, включает в себя множество запретов самого разного рода. Обучение формам авторского танца весьма трудоемко. Оно требует многих лет и особых данных от обучающихся, таких как музыкальный слух, чувство ритма, мышечная активность, гибкость, сохранение определенного веса тела и многое другое. В то же самое время для полевого обучения народным танцам (не эстрадным) не требуется практически никаких особых усилий и не требуется никаких особых данных, кроме умения более или менее адекватно воспроизвести общую топографию танца относительно некоторого, в большинстве случаев, довольно простого, ритма. Во-вторых, топосы авторского танца, насколько можно судить, в большинстве своем равновесны, основаны на умении сохранять баланс, полученном в результате долгих тренировок «у станка». Используемое в авторском танце умение балансировать дает возможность применять в высшей степени сложную и энергетически затратную топографию.

Кроме того, представляется важным еще такое соображение: сложный в знаковом отношении авторский танец, такой как классический русский балет, например, требует особых усилий по своему пониманию. Зрителю, чтобы понимать смысл танца, требуется научиться понимать особый язык движений, традиционно сложившийся, или предлагаемый хореографом. Понимание топографии авторского танца требует особого обучения, и такое обучение задается в системе социальных идеологем и идеограмм, поддерживаемых властью. То, что в этом требуется особое обучение, а само значение обучения социально достаточно велико и позволяет индивиду повышать свой социальный статус как в процессе обучения, так и в его результате. Это придает обучению смысла топографии авторского танца некоторую привлекательность в поведении людей, имеющих отношения с властью и принимающей ее эстетические и этические формы взаимодействия. Умение говорить о «высоких» формах искусства, таких как классический балет или классическая музыка считается особым знаком «принадлежности» к сообществу власти, хотя бы в смысле ее идеологического обслуживания.

Важно видеть, что затратность является показателем статуса также и в том случае, если кто-то много тратит в интересах другого. Этот тип траты Бодрийяр называет «тратами по доверенности». Огромная затратность авторского танца для исполнителей и зрителей есть именно «трата по доверенности» и обеспечивает статусное потребление для людей высокого социального статуса, которые через поддержку авторского танца выполняют свои символическое демонстративное потребление своего статуса. В определенном смысле, затратные поддержка и содержание авторского танца и есть та форма «демонстративного потребления», которая отличает имеющих власть от тех, кто ее не имеет, при том, что авторский танец воспроизводит топографическую историю власти. Кто-то тратит силы для тренировок, кто-то тратит время для обучения пониманию – и все это делается для того, чтобы зафиксировать право власти на чистую форму. Описывая «демонстративное потребление» Бодрийяр пишет такие слова: «И даже если сегодня в современном демократическом обществе не существует категорий людей, по праву предназначенных для демонстративного потребления по доверенности, можно задаться вопросом, не остались ли за видимой генерализацией социального процесса классы, фактически предназначенные для этих механизмов расточительности, - классы, которые под кажущейся полной свободой индивидуального поведения возрождают, тем самым ту вечную функцию института ценности и социального различения, бывшую функцией потребления в доиндустриальных обществах»[3].

Другая сторона авторского танца требует особого рассмотрения, поскольку здесь возможна путаница. Авторский квази-народный танец может выдаваться за народный в силу отсутствия сложности знаковой системы и опоры на базовые топосы народного танца, оставаясь при этом, по существу, формой знаковой подчиненности, лишенной собственного смысла. Внешне такой танец может походить на народный, совпадая по топографии. Важным критерием здесь является отсутствие или наличие импровизационного начала как возможности нести контекстуально определяемые смыслы. Отсутствие спонтанности делает танец авторским.

Поскольку авторский танец не направлен на развитие и установление какого-либо соотношения в социальной ситуации, он демонстрирует не речевое развитие отношений, а заранее заданную структуру отношений индивидов, запечатленную во множестве топосов. С этой точки зрения можно рассмотреть подчиняющую, дисциплинирующую функцию танца, демонстрацию заранее заданного превосходства или покорности. Строевой шаг – самая примитивная форма авторского танца, демонстрирующая покорность подчиненных в минимальном количестве четко зафиксированных топосов. Можно весьма уверенно фиксировать армейское отношение к строевому шагу как к танцу при его заведомо дисциплинарной логике: слишком хороших строевиков в естественных условиях регулярной армии называют «балерунами», и отношение к ним весьма неоднозначное.

При том, что строевой шаг является общепризнанным средством дисциплинирования, он всегда соотносится со способами подчеркивания лояльности, и активно приветствуется как способ фиксирования властных отношений между старшими и младшими по званию. Наказание строевым шагом за мелкие дисциплинарные провинности в армии – обычная и всем понятная процедура. Между тем, в излишнем подчеркивании строевого шага есть какая-то избыточность, как в избыточной и чрезмерно навязчивой лести, за которой можно начать подозревать стремление быть еще более лояльным, чем это необходимо в данной ситуации, что уже выходит за рамки непосредственной лояльности конкретному человеку и выглядит то ли как ирония, то ли как претензия на его замещение. Зато хороших строевиков часто приглашают в штабные структуры, где блестящая форма при купированном и дегра-

дированном содержании вообще имеет преобладающее значение, а лояльность никогда не сможет стать избыточной.

Выше обращалось внимание на линию превращения народного танца в авторский через усиление формы. Превращение авторского танца в нечто более близкое к народному – это эволюция авторского танца на пути к увеличению его смысла и, соответственно, уменьшению его формальных характеристик, допущение большей спонтанности, импровизационности. Некоторые формы продвижения от большей формальности к большей содержательности можно увидеть, например, в некоторых современных балетах, широко использующих импровизацию в процессе танца. Суть процесса видится в том, что классический балет, получая дальнейшее развитие, не может сохранить сложность топоса, поскольку сложность является практически предельной. Останется на этой стадии формализации также не представляется возможным, поскольку это означало бы остановку в развитии. Вполне логичным является то, что в этом случае развитие балета проходит через усиление смысла и упрощение топоса. Развитием классического балета в его сложном топосе выступает современный европейский балет, менее сложный топографически, но более концептуальный. В этом смысле европейский балет становится немного ближе к народному танцу, удаляясь от чистой формы классического балета.

Другой пример – использование готовых танцевальных топосов для их использования в бытовом любительском танце, когда формальные топосы, будучи перемещенными в новый для себя контекст, используемые для создания сообщения и воспринятые в новом окружении, приобретают дополнительную смысловую глубину. Прекрасный, несколько комичный, но вполне корректный пример можно наблюдать в американском фильме «Майор Пэйн», когда офицер танцует со своей девушкой на танцполе, используя определенную топографию танца. Несмотря на то, что используемая топография является весьма формальной и относится к совершенно определенному направлению в развитии формального танца, оказавшись вынесенной за пределы естественного контекста и, будучи совмещенной с импровизационной основой, она позволяет создать вполне явное речевое сообщение с комическим содержанием.

Поскольку речь выше зашла о танце в системе отношений власти и подчинения, полагаю уместным вспомнить проблему сопротивления власти. Сопротивление, как и подчинение, о котором речь уже была, может быть выражено через речевое сообщение танца. Собственно, как это может вытекать из логики отношений спонтанности-формальности, освободительным и освобождающим танцем будет спонтанный, импровизационный танец, наделяющий сообщение автономным смыслом танцующего индивида. Совершенно естественным в этом контексте выглядит танец как сопротивление, как борьба за свою топографию, свое содержание, за автономию речи. В конечном итоге, существует борьба за право на собственный танец [4], как таковая, выраженная, в частности, в призыве Хакима Бея о «праве на вечеринку»: «Сражайтесь за право на вечеринку» – это вовсе не пародия на радикальную борьбу, а новый ее манифест, приспособленный к эпохе, которая предлагает ТВ и телефоны в качестве способа «дотянуться и дотронуться» до другого человека, способа «быть там»!»[5].

Нижеприведенная цитата из рассказа А.Цветкова «Чечетка» [6] выделена здесь из-за слова «собственность», в социальный смысл которого входят отношения подчинения, принятия и власти. Наличие собственности – это всегда право в отношении другого лица, у кого в отношении собственности возникает обязанность следовать принятому праву. «Закон перемалывает бедных, а богатые люди придумывают законы» – имеются в виду

реально действующие законы, что бы ни говорилось в изящных словах», – цитирует Оливера Голдсмита Ноам Хомски [7]. В данном контексте народный, анонимный, размытый в культурных кодах танец – это не-собственность и не-подчинение, отказ от согласия перемалывать или быть перемолотым жерновами собственности. «Твой танец не бывает чьей-то собственностью, ... поэтому все, что не бывает собственностью, есть фигура твоего танца. Каждый человек есть непродолжительный танцевальный альянс нескольких существ, фантомов и машин, ненадолго обнявшихся, чтобы более или менее выкинуть десяток-другой коленец, а затем расстаться»[8]. Народный танец в этом смысле существует как преходящая форма взаимной не-собственности

Отношения народного и авторского танцев можно представить как две точки на диаметре окружности. Их отношения по определенному критерию – обратно пропорциональны. Чем больше увеличивается сложность топоса, тем больше уменьшается его смысл, и наоборот. Если допустить, что изменению подвергается критерий S , то после какого-то этапа (например, после $S=\max$, $T=\min$), дальнейшее изменение S возможно только через увеличение T , что приводит к уменьшению S . Поэтому совершенно разумной представляется мысль о том, что развитие чего-либо на каком-то этапе ведет к своей противоположности. Например, существует фрагмент в «Чжуан-цзы», где говорится о некоем человеке, который хорошо танцует, поскольку позабыл, что это такое, и, в действительности, не ставит себе цели танцевать, то есть, в некотором смысле, совсем не танцует. Можно предположить в рамках настоящего изложения, что фрагмент из «Чжуан-цзы» описывает случай абсолютной автотопии (идеально соответствует контексту), перетекающий в случай абсолютной гетеротопии (сам есть контекст себя).

Полное и однозначное отделение народного танца от авторского провести, пожалуй, невозможно. Представляется вполне очевидным, что зачатки авторского есть уже в народных танцах, если танцы представляют заранее заданную форму. С другой стороны, авторский танец приобретает некоторые черты народного, если в нем имеет место импровизация.

Для подведения некоторого итога по сказанному выше, можно констатировать, что народному танцу, несущему определенные речевые функции, свойственны:

- спонтанность;
- автономность в качестве социального смысла передачи;
- относительно низкая энергозатратность;
- минимально необходимая топография;
- значительное содержание;
- использование для решения актуальных (непосредственно контекстных) социальных задач.

Авторскому танцу, несущему почти исключительно индоктринальные и дисциплина-торские функции, свойственны:

- формальность;
- социальная подчиненность в качестве социального смысла передачи;
- относительно высокая энергозатратность;
- избыточная топография;
- незначительное или отсутствующее содержание;
- использование для демонстрации зафиксированных властных отношений.

Фактически, народный и авторский танец могут быть рассмотрены через критерии а) речевой формы определения отношений через танец как построения социальных отноше-

ний, в том числе, отношений власти, или б) демонстрация заранее достигнутого результата в уже установленных социальных отношениях, в первую очередь, в отношениях власти.

Преобладание одного из критериев определяет общие характеристики танца.

Примечания

1. Кокинвакасю: Собрание старых и новых песен Японии. Т.1/ Пер. со старояпонск. и предисл. А. Долина. – М.: АО Издательство «Радуга», 1995. – С.183.

2. Гессе Г. Курортник // Гессе Г. Степной волк. Роман, повести. Пер. с нем. – Новосибирск, 1990. – С. 33.

3. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака./ Пер. с фр. – М.: Библион – Русская книга, 2004. – С.12.

4. Колин М., Годфри Д.. Измененное состояние. История экстази и рейв-культуры. – М.: Ультра. Культура, 2004. – 360 с.

5. Хаки́м Бей. Временные автономные зоны // Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии /под ред. П.Лэдлоу. – М.: Ультра.Культура, 2005 – С.541.

6. Цветков А. Чететка // А.Цветков. Суперприсутствие: Избр. места из электрон. переписки с друзьями. – М.: Ультра.Культура, 2003 – С.237-247.

7. Ноам Хомский. Прибыль на людях. – М.: Практикс, 2002. – С.218.

8. Цветков А. Указ. соч. – С.246.

С.А. Васеничев, Е.В. Иванчихина

СФЕРА СМЕРТИ КАК ЛИЧНОСТНОЕ НОВООБРАЗОВАНИЕ: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ АСПЕКТЫ

Сфера смерти в данном контексте понимается как некоторое состояние, длительность, возникающие в момент качественного перехода из одного состояния в категориально иное; порождение новых личностных качеств с возможностью регресса либо прогресса мотивационно-личностной структуры человека, включенной в длительность процесса умирания.

Если попытаться определить некоторые характеристики сферы смерти, то стоит прежде обговорить, что представляет собой как сама сфера, так и её место в активной деятельности субъекта. Обозначим человека как субъекта деятельности, которая определяет сферу перехода не в отдельно взятом моменте, но в самом переходе. Так, например, внешние факторы психического развития: обучение, воспитание, социальная ситуация развития в целом – задают способы и рамки поведения. Вопрос заключается в том, будут ли они осознаны и присвоены и выступят ли как естественный компонент мотивационно-личностной сферы субъекта. Тогда если вынести вовне, опосредствовать внешне сам момент перехода, обозначить его через некую символическую деятельность, становится возможным оказание влияния на процесс становления личности в целом и самосознания, в частности, с тем, что это не есть программирование либо насильственное научение. Целью подобного вынесения является возможность свободного выбора с ориентацией на условия внутреннего опосредствования («позиция вневходимости» по М. М. Бахтину).

Данным условиям, на наш взгляд, и соответствует «сфера смерти», которая выступает здесь изначально как способность познания собственного «Я» и один из источников развития личности. Субъект приобретает возможность понимания механизмов изменения собственной личности и приобретает активный инструментарий работы над собственной личностью (саморазвитие).

Кроме того, важным фактором является момент познания и его качественное отличие от традиционного осмысления себя в рамках тех критериев, которые усвоены из социальной ситуации развития, что укладывается в рамки чувственного или теоретического способа познания действительности и тем паче собственного «Я». «Сфера смерти» как бы накладывается на познание, изменяя его. Эта сфера делает объектом анализа не столько тот или иной феномен реальности, сколько делает возможным выход за пределы системы понимания. Подобное имеет многочисленные описания в различных религиозных концепциях, где акцентируется внимание на присутствии высшего закона или существа. Здесь же мы говорим о личностной ориентированности в собственных ценностях и мотивах. Однако одним из главных условий этого является «необыденность» опыта переживания, переструктурирование структуры личности, что качественно изменяет сам процесс познания.

Возможность такого способа познания мы находим в концепциях Платона и З. Фрейда [1, 2]. Так, Платон в своем диалоге «Теэтет» разделяет натуральное и философское познание. Под натуральным он предлагает понимать как чувственное, так и рациональное познание, в то время как философское познание – это способность «мыслью устремиться

вне». Он весьма резко критикует господство двух вариаций натурального познания, т.к. это не дает возможности целостного познания, независимого от влияния знания.

Если рассуждать в терминах самого Платона, то он разделяет «бытие по мнению» и «бытие по истине». Трактровка первого у Платона напоминает Майю восточной мифологии, что можно понимать как «возможность быть». По сути, это выделенные нами социальные версии развития человека. Смысловая нагруженность второго подводит нас к идее «Абсолютного существа». Мнящаяся реальность есть то, что «дано» (как некая объективная реальность»), тогда как истинно-сущее есть то, что «дает», определяет и устанавливает. Наиболее точно об этом сказано у В. Соловьева: «Истина есть, но не есть «это» [3]. «Не это» и есть то самое, настоящее, которое открывает для себя субъект в начале активного личностного становления. Он опирается на данность иерархических отношений собственных целей, мотивов и приоритетов, исходя из которых, помня о конструктивности развития, выстраивает линию собственного развития. В этом решающем пункте и устанавливается Платоном подлинное существо философствования. Оно, т.е. философствование, есть «обратное плавание» от того, что «дано», к тому, что дает и устанавливает; обращение человеческого субъекта не столько с тем, что есть данность «по мнению», а оперирование данностью первоисточника. В нашем контексте это должно пониматься как активность субъекта в конструировании собственной самости.

«Обратное плавание» Платона означает, что сущность философствования — это не столько процесс познания, сколько процесс внутреннего самоизменения сущности сознания познающего. Танатос, или «философская смерть», есть отказ от «натуральной» установки сознания, т.е. от иллюзии, согласно которой мир, каким он дан в знании и посредством знания, есть реальность сама по себе или сущее в полноте своей истины. Можно констатировать, что в учении Платона совершается событие, которое на языке новоевропейской философии обозначается как «трансцендентальный поворот». Для трансцендентальной установки сознания как раз и характерны: 1) поворот от «натурализма» к критической оценке познавательных способностей субъекта; 2) признание границ теоретического познания или идея несводимости существования к знанию [1].

Согласно И. Канту, существование есть граница знания, которое имеет не феноменальный, а ноуменальный характер. Или, что то же самое, существование имеет трансцендентный, сверхэмпирический характер. Однако трансцендентализм Канта и Платона имеют и существенные различия. В своей критической философии Кант говорит о следующем. Поле знания ограничено трансцендентальными условиями опыта, и хотя мы имеем также идеи разума, нацеленные на познание трансцендентного, эти идеи не имеют приложения к предметам опыта, а потому и не могут быть достоверным познанием [4].

Если обратиться к сущностной характеристике категорий Эроса и Танатоса, представленной З. Фрейдом, то в статье «По ту сторону принципа наслаждения» он, ориентируясь на А. Шопенгауэра, соглашается с тем, что «смерть является «подлинным результатом» и, таким образом, и целью жизни», тогда как сексуальный инстинкт оказывается в таком случае «воплощением воли к жизни» [2]. Другими словами, если рассматривать понимание жизни через призму категорий Эроса и Танатоса, «оба первичных позыва соединяются, смешиваются и сплавляются друг с другом», и такое состояние живого организма является «нормой», тогда как состояние их разъединенности и обособленности – патологией» [Там же].

Для Фрейда характерно понимание «отсроченности» смерти для самого человека, но это также означает, что в отсроченном достаточно энергии, чтобы вернуться. Наличествую-

щий опыт диалектического перехода и способности к множественной цикличности возникновения моментов удовольствия (Эроса через призму Танатоса), но «удовольствия беспорядка, является пульсацией, рассеянием, расстоянием, а не мгновением смерти» [Там же]. Иначе говоря, Танатос и Эрос – сущность единого познания, ориентированного на трансцендентные категории человеческого бытия. Именно это мы видим в упоминании о «высшем существе», т.е. иерархии ценностей человека в его конструктивном саморазвитии.

Однако одновременно с этим понимание существования сферы «абсолютного существа» здесь выступает как видимость иллюзорности. Мы можем утверждать через опосредствование внешним, что это поворачивает нас к важности сугубо личностного познания – открытию собственного бытия, того, что есть, с фокусом в сторону самой личности, ее трансцендентного опыта переживания бытия, но не с ориентацией на социальные возможности, а только лишь с учетом данностей социально-культурной среды. Познание своей экзистенции есть открытие Самости в самом себе [5].

Понятие человеческого бытия в каждый момент жизни может быть определено через его отношение ко всему сущему в целом. Отношение момента будущего (т.е. перспективы развития и возможностей) опосредствовано отношением субъекта к его отношению к бытию в моменте «сейчас». Можно сказать, что эта взаимосвязь находится на стыке поляристей материального и идеального, опыта мистического переживания мира и научного мировоззрения, любви и смерти и т.д. Таким образом, жизнь человека вступает во взаимодействие с жизнью народа, общества, всего человечества в целом. Возникающие здесь проблемы свободы и необходимости, по мнению С.Л. Рубинштейна, можно охарактеризовать посредством открытого Марксом диалектического противоречия соотношения субъекта и объекта, природы и человека. Подобные отношения можно представить при помощи законов отрицания [6]:

- недостаток чего-то, его констатация субъектом в результате сопоставления, соотношения одного явления с другим и обнаружение неполноты реализации сущности в явлении;
- процесс, закономерный ход которого ведет к его самоотрицанию, переходу в противоположность (жизнь и смерть);
- процесс «саморазвития», где в самом процессе на каждой стадии заключена причина его небытия как перехода в другое;
- в процессе восприятия, осознания «сильного» качества происходит затормаживание как отрицание всех остальных – слабых;
- понятие целостности как производное бытия человека, как того, что восполняет недостаток этого бытия;
- вопрос о противоречиях – это вместе с тем вопрос об отрицании, о небытии: вещь в другой системе отношений не есть то, что она в данной системе отношений;
- свобода не только отрицание данного, но и его использование;
- борьба, разрушение старого и способность человека отвергнуть данное, наличное;
- «не-бытие» – отрицание и время.

В процессе непрерывного изменения и развития собственно жизнь приводит к появлению смерти – само существование чего-либо несет в самом себе собственное отрицание. Выделенные законы отрицания носят более комплексный характер и позволяют говорить о том, что вступление человека в сферу смерти открывает для него необходимость осознания собственного сопричастия к бытию – человек не только часть самой действительной реальности, но и её отражение. Человек – реальность, в которой представлено идеально все то,

что находится за её пределами. Можно сказать, что в данном рассмотрении сфера смерти открывает человеку его собственную сложную, комплексную структуру, соединяя его с опытом культурного наследия. Иницирующая функция смерти создает для человека возможность вхождения в сферу смерти – в состояние перехода, форма которого будет зависеть от культурного фона, свойственного данному субъекту. Если использовать описание взаимодействия человеческого сознания к его бессознательной части, представленное в концепции К.Г. Юнга, то мы можем говорить о том, что сам процесс перехода задает активность сущностной основе личности, которая в активной деятельности создает форму, отражающую «архетипические» способы изменения.

Таким образом, мы видим, что человек, находясь в состоянии символического «умирания», не выступает пассивным следователем каким-либо стихийным силам, а самостоятельно и активно изменяет собственную жизнедеятельность таковым образом, чтобы создать наиболее органичные условия для самоизменения. Указанное Юнгом аффективное переживание симультанного восприятия мира позволяет утверждать, что человек благодаря собственным, скрыто действующим мотивам, создает для себя именно такие условия, чтобы проживание и переживание подобного стало иницирующим для него. Если обратиться к исследованиям С. Грофа [7, 8, 9], то мы увидим, что опыт рождения, который, несомненно, имеет у каждого свою специфику и представлен во всем многообразии, дает индивидуальную форму «смерти-возрождения», однако за всяким новым отражением мы четко видим общую, архетипическую, модель «повторного рождения».

С точки зрения рассматриваемого вопроса, интересным является период подростничества, поскольку именно данный возраст позволяет утверждать о наличии момента перехода в его наиболее оголенной форме. Исходя из этого, нам представляется необходимым обратиться к исследованиям В.Я. Проппа исторической мифологемы сказки. Выделенные им в анализе сказки «Таинственный лес» отправные точки можно перенести на подростковый возраст, опосредствуя понимание одного именно через данную призму [10].

Согласно В.Я. Проппу, инициацию, которая присутствует в обрядово-культурной системе прохождения юношей процесса перерождения, можно определить через несколько точек: задачи, изгнание, безумие, временная смерть, разрубление и оживление, сожжение, волшебный дар. Именно так представляется сам подростковый кризис в русле прохождения становления – момент ДО и момент ПОСЛЕ.

Задачи стоит рассматривать несколько отстраненно и, если использовать круговую схему обозначения, то сама задача лежит на том же рубеже, что и «волшебный дар» окончания. Что такое задача? Это есть «мудрость жизни». В большинстве случаев задача не связана с формально-логическим мышлением, а более апеллирует к пониманию не столько рациональной стороны жизни, сколько к глубокому её переживанию. В связи с этим истинный смысл задачи часто становится ясен только лишь в конце сказки.

Подросток, изменяя самого себя, получает в свой активный набор некоторые задачи, которые должны социализировать и идентифицировать его как полноправного члена общества. Это тот постоянный «экзамен на соответствие», который выдерживает каждый день любой человек: соответствие некоторому коллективному договору о понимании того или иного феномена жизни. Несоответствие же этому, по мнению Й. Хейзинги, расценивается как несоблюдение правил «игры», что влечет за собой либо изгнание, либо уничтожение. Человек, поставивший себя под сомнение, либо не соответствующий нормам той социокультурной среды, в рамках которой он существует, квалифицируется как инородный эле-

мент, и его существование ставит под сомнение как существование самого выбранного строя, так и самого элемента [11].

Подобное понимание подтверждается тем, что мы видим далее. Это изгнание. Изгнание часто связывается с дремучим лесом, что можно понять как изменение структуры окружающей системы отношений. Подросток вступает в мир, который он совершенно не способен понять сразу, пропуском в который являются сами задачи и конечной целью те же самые задачи. В целом – это приобретение понимания жизни и её законов.

Согласно Проппу, детей в определенный период отправляли к существу мифическому, загадочному и потому страшному, таинственному. Если продолжить трактовку перехода в данном ключе, то это можно понимать как: 1) вход ребенка в новый, неизведанный мир; 2) открытие взрослой сущности, когда изменяется отношение к самому ребенку; 3) открытие «мифического» в самом себе как открытие собственной взрослости и собственно-го «Я».

Уход сопровождается либо матерью, либо отцом, т.е. близким человеком. Открытие собственного измененного статуса в рамках социальной системы открывается подростком зачастую в семье: либо сама семья дает ему такое требование, либо это влияние извне, но идущее в семью. Подросток получает измененный статус – личностное чувствование собственной изменчивости: активное и бурное влияние психофизиологических составляющих влечет за собой гипертрофированность чувствительности, а развитие самосознания – активное включение в жизнь рефлексивного компонента, что изменяет его, дает стремление к новому.

Важным уточнением здесь является то, что проводы на посвящение, описанные Проппом, являлись проводами на смерть [10]. Родные, адекватно воспринимающие изменяющегося ребенка, провожали его как ребенка, чтобы вернулась уже качественно иная личность: новый человек с новым видением мира. В сказке всегда подобное изгнание определялось как нечто негативное, но в итоге положительное для самого ребенка, что мы увидим из дальнейшего анализа.

Данный уход трактуется всегда как заслуженный либо самим ребенком, либо старшим поколением: «он заслуживает, чтобы его изгнали» – ребенок изменяется, изменяя собственное поведение, и его требования к себе и к собственному месту в семейных отношениях изменяются. Это является активированием процесса инициации и прохождения всего пути взросления наедине с собой, в новом для него мире. Очень часто подобный уход совершается группой детей, что, если обратиться к работе Ф. Дольто «На стороне подростка», объясняется, во-первых, промежуточностью положения ребенка – вне миров взрослых и детей; и, во-вторых, наиболее успешное прохождение возрастного кризиса определяется наличием круга ровесников [12].

Очень важным в данной системе является категория безумия как состояния реакции ответа. В определении, данном Проппом, присутствуют два вектора – сторона взрослых и сторона ребенка. Этот этап относится к тому, что подросток теряет себя как ребенка; он уже вступил в мир взрослых, активно включен в познавательную теоретико-практическую деятельность, что лишает его того, что было до – т.е. детства; но ещё не данное «взрослое» погружает его в то самое состояние бунтарства, описание которого мы встречаем у всех исследователей данного возраста [13, 14, 15 и др.].

Здесь впервые открывается двойственность пути. Так, безумие в сказках имеет два исхода: физическую смерть иницируемого и успешность, удачливость. Таким образом, данный этап отдается на самостоятельную активность подростка – его воля выбрать свой

дальнейший путь и способ понимания самого себя. Когда пик безумия достигнут, открывается возможность сделать безумие определяющим местом в жизни и понимание оной, либо, достигнув максимума, очиститься от безысходности перед новым и начать конструирование нового, что влечет за собой «временную смерть». Данный феномен можно объяснить тем, что ребенок остается в «закапсулированном» состоянии – он активно обращается к собственному внутреннему миру, он получил знания и опыт от взрослых, и это дает ему возможность осмысления самого себя уже качественно иным, новым существом. Он уже иной, но какой – он пока познает.

Очень важно в дальнейшей работе учитывать присутствие этих стадий – временной смерти и разрубления и оживления. Подросток открывает для себя свое собственное «Я» в его обнаженности – как бы разрубает себя на части, с болью и слезами, но это позволяет ему открыть не только то, что ему явлено как данность, но и то, что есть в нем индивидуально-личностного. Адекватное прохождение данных этапов ведет к оживлению, и здесь уместно вспомнить традиции иницирующих ритуализированных действий. Жрецы, священнослужители «умирали», что их разделяло на части, составляющие, с которыми взаимодействовали те или иные мистические существа, и в итоге собиралось нечто качественно новое, с новыми способами взаимодействия с миром. Подобную линию мы видим и в рамках рассматриваемого нами предмета. Оживление понимается как построение и, как видно из дальнейших стадий, это начало процесса окончания становления.

Отличительной чертой здесь является смещение фокуса извне вовнутрь – «разрубление» происходит только средствами идеального плана. Очень важным представляется понимание места прохождения изменения, которым является лесной дом. То, что присутствует в новом мире, но сохраняет тепло и огонь, подобный домашнему, является для ребенка точкой опоры в мире взрослых. Здесь мы воочию видим естественность смерти и её необходимость – отмирание старого (по Проппу) для перехода в новый мир, при этом получая волшебные дары. Происходит возвращение к месту задачи – ответ найден, и его путь домой, откуда его изгнали в чужой и враждебный мир, уже не рассматривается как негативное явление. Говоря условно, это потеря всего ради понимания, что есть собственно твоё.

Подобный принцип выделяется не только как феномен, сопутствующей модели, но имеет четкое подтверждение, например, в работах того же С. Грофа [7, 8, 9]. Он подчеркивает связь и некоторую параллельность опыта переживания между ощущениями, возникающими в психоделическом состоянии, в голотропном состоянии, в состоянии околосмертного опыта, описанного людьми, перенесшими клиническую смерть. Большого внимания заслуживает именно упоминание о том, что организованные по-особенному мифологические образы активизируют некоторый потенциал человека, заставляя, во многом буквально, проходить этап изменения и преобразования.

Если человек существует как недифференцированный субъект социокультурных отношений и находится в этих взаимосвязях в постоянной активности и выборе, то на время переживания собственного умирания происходит некое отделение, капсулирование личностной структуры от внешнего пространства, но при том условии, что форма переживания собственной смерти уже выбрана, т.е. сделан выбор того, как это будет происходить, явно или косвенно. Созданная отдаленность от общества поворачивает человека к необходимости обращения внимания на свою внутреннюю реальность, т.е. происходит развертывание для самого субъекта самого же себя в сложную систему элементов, находящихся в столь же сложных отношениях, чья образность будет зависеть от уровня развития психологической

культуры. В качестве примера можно привести проективную методику создания «Карты внутренней страны», когда внутренний мир предстает уже объективировано, как нечто многомерное, содержащее координатную сетку, иерархию отношений и аффективную окраску.

Таким образом, первый этап «прохождения смерти» – отдаление, обращение в себя. Второй этап появляется в тот момент, когда в собственном пространстве явственно начинают выделяться противоположные по основе полярности, например, я-желаемое и я-реальное. Важным уточнением этому есть то, что подобная полярность носит не только дуальный характер, но появляется в виде сложных метасистем, где желаемое и реальное могут включать в себя многоуровневую иерархию, касающуюся многих сфер жизни человека. Переживание желаемого в сфере чувственных отношений и необходимость быть жестко прагматичным в профессиональной среде на фоне отношений с партнером; несостоятельность продолжения отношений в старой форме и т.д. – каждая из отдельно взятых сфер жизнедеятельности человека будет носить в себе отражение желаемого в сопоставлении с реальным, однако совершенно не обязательными будут их параллельность и гармоничность. Более чем допустим разлад желаемого в одном, но отрицание или изменение этого же желаемого в другой форме в иной сфере.

Находясь в начале второй стадии в жестком противоречии, переживаемые и эмоционально насыщенные аффективные реакции заставляют достигнуть человека состояния, близкого катарсису, т.е. начинается движение по совмещению – невозможность претворения желаемого в реальное побуждает обратиться к более глубокому проникновению в уже существующее. Процесс поиска и реализация закона отрицания открывает человека изнутри.

Однако происходит изменение и самого желаемого, т.е. в конце второй стадии мы можем констатировать слияние желаемого и реального. Или же осознание недостижимости обращает человека к поиску реально действующего смысла для обоснования своего настоящего. Слияние в моменте здесь и сейчас субъективной картины прошлого и будущего открывает для него качественно иной уровень опосредствования своего настоящего. Слияние двух противоположностей открывает человеку некий промежуточный уровень понимания умирания, и он соединяет внешне два несоединимых объекта.

Если говорить метафорически, данный процесс выступает как отношение чаши к маслу, в нем находящемуся, – ни то, ни другое несоединимо, несоразмерно, но в какой-то отдельно взятый момент времени находится в одной плоскостной точке, в тесных отношениях. Отделенные друг от друга своей природой предметы слиты в целостную систему интегрированных свойств. Подобное мы находим и в данной стадии. Нахождение или, точнее, отражение реального в идеальном, а идеального в реальном создает для человека третичную систему будущего, где реальное и идеальное не отделены сущностно друг от друга, но представляют собой единое: не целостную систему элементов, а однородную, гармонизированную структуру собственной внутренней реальности.

В данном случае мы снова вынуждены обратиться к опосредствованию процесса перехода от целостности к единству наступлением точки катарсиса. Достижение определенного уровня удельного напряжения, переживания своего бытия дает человеку в некоем состоянии, близком к инсайту или измененному состоянию сознанию, видение «проблемы» умирания в совершенно ином свете (так называемый «момент прозрения»). Происходит совмещение и слияние двух противоположностей в некую монадообразную структуру, которая стремительно приближается к основе сущностного «Я» личности субъекта. Также на указанном уровне появляется начало снятия внутреннего жесткого отделения от окружающей

действительности человека ввиду того, что собственная реальность не может дать всех доступных или необходимых средств. Субъект обращается к социальной среде, активно вступая в поиск средства взаимодействия с ней. Подобная активность изначально может носить только познавательный характер, но впоследствии поиск средств выражается в активной общественной позиции – внутреннее напряжение уже не может быть актуализировано в своей критической точке и инициирует обращение личности к внешнему.

Достижение предыдущей стадии создает некий латентный период накопления и апробации собственного, уже иного понимания и видения окружающей действительности. На третьем этапе законы отрицания будут носить ещё более усложненный характер, создавая естественный для процесса умирания эффект измененного состояния сознания – отражение внутреннего во внешнем достигает своего предела, где восприятие реальности на некий промежуток времени меняется, и отражение структуры сущностного «Я» вовне задает систему личностных смыслов. Человек, не понимая, что его влечет в ту или иную деятельность, чувствует, что это «его». Примеры подобного можно увидеть в том, как «случайные» поступки ставят человека в «нужное место в нужное время».

Нахождение себя вовне и открытие собственной экзистенциальной сущности приводят к началу последнего, четвертого этапа прохождения через смерть, а именно – созданию сложного внешнего мира при сложном внутреннем мире. В центральной области находится четко выраженная структура сущностного «Я», которая создает «близлежащую» реальность, где активно действуют внутренние личностные смыслы, находящиеся в общем поле социальной действительности, при внутренней активности самого субъекта, векториально направленной вовне, как в собственно социокультурную среду, так и за нее, в область трансцендентного, что обуславливается пережитыми точками катарсиса.

Выделенные нами стадии занимают место непосредственно в сфере смерти, т.е. описывают сам процесс символического умирания и изменения структуры личности. Рождение Самости происходит лишь после смерти экзистенции, тогда единственно возможной формой человеческого существования становится форма пробужденной Самости, ориентированной на собственные реально действующие мотивы присвоения и активного конструирования собственного бытия.

Таким образом, можно говорить, что переживание опыта символического умирания «включает» в человеке важные механизмы рефлексии и трансцендирования, давая возможность активного сотворения себя иным. Рассматривая внешний и внутренний аспекты сферы смерти, возможно показать процесс перехода от «одной» личности к «другой» в рамках одного человека.

Примечания

1. Платон. Диалоги. Режим доступа: [http://ihtik.lib.ru/philosbook_8dec2005/philosbook_8dec2005_2023.rar].
2. Фрейд З. Избранное. Режим доступа [<http://ihtik.lib.ru/>] .
3. Соловьев В.С. Оправдание добра. Режим доступа [http://ihtik.lib.ru/philosbook_8dec2005/philosbook_8dec2005_1120.rar].
4. Кант И. Религия в пределах только разума. Режим доступа [http://ihtik.lib.ru/philosbook_8dec2005/philosbook_8dec2005_2628.rar].
5. Абышко О.Л. Проблема смерти в научных исследованиях и её отражение в индивидуальном сознании // Фигуры Танатоса – 1993. – №3– С.14-32.

6. Рубинштейн, С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003. – 154 с.
7. Гроф С., Хэлифакс Д. Человек перед лицом смерти. Режим доступа [<http://lib.ru/PSIHO/GROF/death.txt>].
8. Гроф С. Космическая игра. Режим доступа [<http://www.lib.ru/PSIHO/GROF/kosmi.txt>].
9. Гроф С. Путешествие в поисках себя. Режим доступа [http://ihtik.lib.ru/psychology_21dec2006/psychology_21dec2006_564.rar]
10. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2000. – 370 с.
11. Хейзинга И. Homo ludens. Режим доступа: [http://ihtik.lib.ru/philosbook_8dec2005/philosbook_8dec2005_2698.rar].
12. Дольто Ф. На стороне подростка. – СПб.: Педагогика, 1986. – 286 с.
13. Арсеньев А.С. Философские основания понимания личности. – М.: Academia, 2001. – 520 с.
14. Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе // Психология подростка: учебное пособие. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – С. 78-94.
15. Кон И.С. В поисках себя. – М.: Политиздат, 1984. – 351

СООБЩЕНИЯ

НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

В течение двух дней, 22-23 ноября 2007 года, на базе Сургутского государственного университета проходила очередная **VIII окружная конференция молодых ученых «Наука и инновации XXI века»**. В работе конференции приняли очное и заочное участие 637 молодых исследователей из 35 городов России. Из них 280 участников выступили с докладами на заседаниях 16 секций и одного круглого стола. В результате обсуждения были определены лучшие доклады каждой секции. На заключительном заседании оргкомитета были приняты решения о дальнейшем расширении научных связей между молодыми учеными Югры и других вузов России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья. Кроме того, было решено ходатайствовать перед организациями, в которых работают или учатся докладчики, отмеченные на конференции, об их поощрении путем предоставления возможностей стажировок, научных командировок, грантовой поддержки внедрения результатов исследований. По итогам конференции планируется выпустить сборник научных статей участников, выступивших с докладами.

Заметным событием научной жизни округа стала **окружная научно-практическая конференция «Реализация приоритетного национального проекта «Здоровье» в акушерстве и гинекологии»**, которая прошла на базе СурГУ 6-7 декабря 2007 года. Конференция была совместно организована Департаментом здравоохранения ХМАО-Югры, Комитетом по здравоохранению Администрации г. Сургута, Медицинским институтом СурГУ, городской ассоциацией акушеров-гинекологов г. Сургута и региональной общественной организацией «Лига акушеров». Спонсорами конференции выступили известные фармацевтические фирмы, представившие свою продукцию в промежутках между этапами работы конференции. В ходе работы конференции были заслушаны и обсуждены доклады по наиболее актуальным проблемам сохранения репродуктивного здоровья.

Ряд крупных научных форумов международного уровня прошел с участием ученых Сургутского государственного университета. Так, по приглашению Европейской Академии естественных наук и университета имени Лейбница (Ганновер, ФРГ) на **международном симпозиуме EURO-ECO-2007 «Экологические и инженерно-экономические аспекты жизнеобеспечения»**, прошедшем в г. Ганновере 4-5 декабря 2007г., выступил в качестве докладчика и ведущего одной из секций д. филос. н., профессор **В.В. Мархинин**. В контексте обсуждения одной из центральных проблем симпозиума – проблемы экологической политики в условиях современного общества, – выступление В.В. Мархинина на тему «Традиционное хозяйство народов Севера и нефтегазовый комплекс: экологический фактор взаимоотношений», в фокусе внимания которого находились правовые, экономические и нравственные аспекты экологической политики в нашем регионе, звучало весьма актуально.

Симпозиум EURO-ECO-2007 стал, помимо прочего, свидетельством признания научных заслуг Василия Васильевича Мархинина: по решению Европейского научного общества и Научного совета Европейской академии естественных наук ему было присвоено звание «Почетный ученый Европы», а также он был награжден медалью Г.-В. Лейбница «За особые заслуги в научных исследованиях».

Европейская академическая комиссия по наградам так же высоко оценила вклад в развитие науки еще одного замечательного ученого – профессора кафедры морфологии СурГУ **А.Ф. Усынина**, специалиста в области кардиологии и кардиохирургии. По ее решению от 1 октября 2007 г. Анатолий Федорович Усынин был награжден медалью Рудольфа Вирхова «За выдающиеся достижения в теоретической и клинической морфологии» и дипломом Европейской Академии естественных наук.

29-30 ноября в Рязанском государственном университете имени С.А. Есенина состоялась очередная, **IV Международный философско-культурологический симпозиум «Человек в мире культуры: вызовы современности»**, в котором приняли участие представители двадцати вузов из пяти стран мира. В фокусе обсуждения находились проблемы самоидентификации человека в мире современной культуры, в условиях «общества турбулентности», утратившем ориентиры развития. Для аспирантки кафедры философии СурГУ **Т.Ю. Денисовой** выступление на пленарном заседании симпозиума с докладом на тему «Взаимообусловленность самоидентичности и самотрансценденции в контексте проблемы одиночества» и его последующее обсуждение стало возможностью апробации ее диссертационного исследования.

15 декабря в средней общеобразовательной школе №45 состоялась **IX городская научная конференция молодых исследователей «Шаг в будущее»**.

В работе конференции приняли участие 272 учащихся муниципальных образовательных учреждений города. Ими были представлены работы по таким направлениям как инженерные науки в техносфере настоящего и будущего (техносфера), естественные науки и современный мир (физика, биология, медицина, химия), а также математика и информационные технологии (математика, вычислительная техника и программное обеспечение) и социально-гуманитарные и экономические науки (русский язык, литературоведение, иностранный язык, социальные и поведенческие науки, история, обществознание, избирательное право и избирательный процесс, экология, культурология, краеведение, география, экономика, живопись, архитектура, дизайн).

Членами экспертного совета являлись ученые Сургутского государственного университета, Сургутского государственного педагогического университета, Тюменского государственного университета, представители территориальной избирательной комиссии, департамента образования и науки и других организаций города.

На суд жюри молодыми исследователями было представлено 205 работ. Определено 17 победителей и 34 призера конференции. Проекты победителей будут представлены на окружной (Ханты-Мансийск) и Всероссийской научной конференции молодых исследователей «Шаг в будущее» в Москве в 2008 году.

ВЕСТИ ИЗ ЛАБОРАТОРИЙ

Учебно-научная *Лаборатория археологии Приобья* создана как структурное подразделение при историческом факультете СурГУ в 2000 г.

Лаборатория осуществляет научную деятельность в сфере археологии, древней истории и охраны археологического наследия Приобья и участвует в образовательной деятельности СурГУ. Заведующим Лабораторией археологии Приобья СурГУ является доктор исторических наук, профессор **Виктор Николаевич Логвин**.

Ежегодно, на протяжении уже семи лет, сотрудниками лаборатории и студентами исторического факультета СурГУ проводится археологическая экспедиция в составе сотрудников лаборатории на поселении каменного века Пыхты 1. По результатам работ ежегодно составляются отчеты о проведенных работах и их защита в отделе полевых исследований Института археологии РАН, а также публикуются сообщения об экспедиционных работах в ежегодном сборнике «Археологические открытия». Сотрудники лаборатории в 2007 г. участвовали во всероссийской научной конференции «Экология древних и традиционных обществ». Продолжается сотрудничество с университетом Эксетер (Великобритания) в рамках международного проекта с участием университетов России и Казахстана «Коноводство и пастушество в доисторических степях Евразии». В.Н. Логвин является координатором со стороны СурГУ.

Лаборатория социологических исследований является структурным подразделением СурГУ. Открыта в 1997 году. Заведующий лабораторией – доктор политических наук, академик, профессор **Михаил Юрьевич Мартынов**. Лаборатория осуществляет прикладные социологические исследования. Ведущая комплексная исследовательская тема: «Молодёжь: положение, приоритеты жизненных целей, проблема преемственности поколений», в рамках которой проводились исследования по следующим направлениям: жизненные планы и ценностные ориентации молодёжи ХМАО; проблемы этнообразования и образовательные ориентации коренных малочисленных народов Севера; социально-экономические проблемы сохранения и развития коренных малочисленных народов и др.

Заказчиками социологических исследований выступали: администрация Ханты-Мансийского автономного округа; администрация г. Сургута; администрация Сургутского района; комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве Ханты-Мансийского автономного округа.

Среди последних научно-исследовательских разработок могут быть названы следующие: «Реализация приоритетного национального проекта «Образование в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре», «Разработка показателей, индикаторов и форм регионального статистического наблюдения с целью повышения эффективности принятия управленческих решений в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре», «Политические партии в системе местного самоуправления (региональный аспект)», «Права коренных малочисленных народов Севера в условиях развития нефтегазового комплекса, «Источники и причины социальной дезадаптации несовершеннолетних, нарушающих нормы морали и права и допускающих девиантное поведение» (Сургутский район), «Наркомания: зоны риска» (Нижневартовский район).

Всего проведено 37 массовых опросов населения Ханты-Мансийского автономного округа и г. Сургута. Данные результатов проведённых научно-практических исследований регулярно публикуются в научных журналах «Социологические исследования», «Северный регион», в сборниках научных конференций и в других периодических изданиях.

Лаборатория *«Современные миграционные процессы и диаспоры»*, созданная при историческом факультете СурГУ по инициативе ректора СурГУ **Георгия Ивановича Назина**, ведёт важные исследования миграционных процессов в Северо-Западной Сибири. Руководит лабораторией профессор, доктор исторических наук **Виктор Алексеевич Тен**. Основным направлением деятельности лаборатории является изучение процессов адаптации современных мигрантов/

В 2007 году коллектив лаборатории выиграл грант губернатора ХМАО-Югры по программе «Создание, развитие и укрепление научно-педагогических школ» и реализовал проект «Историко-этнографическая школа по изучению процессов интеграции мигрантов в обществе». В этом же году лабораторией была организована и проведена Всероссийская конференция «Современные процессы адаптации и интеграции мигрантов в обществе» и издана коллективная монография «Эволюция этнокультурного облика Югры в конце XX – начале XXI вв.». Она посвящена этническим аспектам постсоветской миграции в ХМАО, истории формирования новых этносоциальных общностей Югры в последней трети XX – начале XXI века, анализу деятельности ряда общественных национально-культурных объединений ХМАО, в том числе города Сургута. Особое внимание авторы уделили этнокультурным аспектам адаптации и интеграции национальных меньшинств в югорский социум.

Лаборатория теплофизических методов исследования была создана в 2006 году научным коллективом кафедры экспериментальной физики СурГУ. Заведующий лабораторией – доктор физико-математических наук, профессор **Виктор Петрович Самсонов**. В стенах лаборатории делают первые шаги в науке студенты и выпускники Сургутского государственного университета. На кафедре экспериментальной физики проводится открытый научный семинар.

Основным объектом исследований является пламя, которое ведёт себя в различных ситуациях по-разному. Научными работниками были разработаны оригинальная методика диагностики параметров пламени по одной лишь цифровой фотографии и резонаторная горелка, сжигающая отработанные горюче-смазочные материалы, а также предложены некоторые другие изобретения. Среди наиболее заметных результатов работы лаборатории – получение патента на полезную модель «Резонансная печь»; две заявки на изобретения: «Генератор акустических колебаний на «обращённом» пламени» и «Дифракционный способ измерения размеров и концентраций дисперсных частиц»; выступления с докладами на научных симпозиумах общероссийского и международного уровня.

В настоящее время оснащение лаборатории приборами и оборудованием производится на средства двух грантов губернатора ХМАО. Первый из грантов получен в 2006 году в результате победы на конкурсе в номинации «Научно-исследовательская деятельность и содействие в развитии фундаментальной науки государственными учреждениями высшего профессионального образования, расположенными на территории автономного округа». Второй грант присуждён научному коллективу под руководством Самсонова В.П. на выполнение научно-технического проекта «Разработка новых энергосберегающих камер сгорания и методов бесконтактной диагностики пламени факелов».

Проблемная лаборатория систем телекоммуникаций и мониторинга окружающей среды входит в состав Научно-исследовательского института природопользования и экологии Севера. Заведующий лабораторией – кандидат технических наук, доцент **Евгений Леонидович Шошин**.

Одним из направлений деятельности лаборатории является *мониторинг электромагнитного фона окружающей среды*. Это изучение проявления резонансов в полости «земля-ионосфера», влияний линий электропередач на электромагнитный фон Сургута, загрязнений на транспортных магистралях. Сотрудниками проводится круглосуточное наблюдение за состоянием электромагнитного фона города. Изучаются механизмы формирования собственных частот альфеновского и шумановского резонансов, с целью выявления закономерностей их изменений, связанных со сложными процессами работы источников излучения, распространением радиоволн в атмосфере, а также влиянием подстилающей поверхности земли в зависимости от времени суток, сезона года и метеорологических условий.

Исследования выполняются в рамках городской целевой программы «Охрана природы и рациональное использование природных ресурсов Сургута» по направлению «Обеспечение экологической безопасности населения». Они включают в себя сбор экспериментального материала, выявление основных закономерностей сезонно-суточных изменений, нахождение взаимосвязей со структурой линий электропередач, подземных высоковольтных проводов, динамикой энергопотребления жителями и предприятиями Сургута.

Другим важным направлением являются *локационные методы контроля характеристик окружающей среды*. Оно состоит из сбора и обработки информации о метеосадаках, обнаружений малоразмерных целей по поляризационным признакам, комплексирования средств радиолокационного и оптического зондирования.

Для дистанционного контроля электрофизических свойств атмосферных образований, промышленных выбросов применяются радиолокационные и лазерные средства зондирования. Проводятся исследования поляризационных характеристик рассеяния объёмно-распределённых и точечных целей искусственного происхождения, которые включают в себя разработку систем нового поколения, эталонных радиолокационных отражателей с изменяющимися поляризационными свойствами, СВЧ - узлов, применение методов моделирования. Разрабатываются принципы функционирования локационных систем, работающих в режиме совмещённого поляризационного преобразования. Сотрудниками лаборатории запатентован ряд технологий, включающий в себя оригинальные конструкции радиолокационных отражателей, сбор и обработку данных о метеообразованиях, обнаружение малоразмерных целей по поляризационным признакам, измерение толщины снежного покрова.

Одним из наиболее перспективных направлений можно назвать *георадарные технологии в нефтегазодобывающей промышленности и строительстве*, включающие контроль и диагностику состояния нефте- и газотрубопроводов, свай и предстроительные изыскания, анализ состояния систем канализации и водоснабжения коммунального хозяйства, асфальтового и бетонного покрытия автодорог ХМАО.

Выполняются работы по контролю и диагностике состояния различных сред и строительных конструкций, включающие в себя создание программно-методического обеспечения поисковой георадарной техники, проведение обследований и составление отчётов. Работы выполняются совместно с конструкторским бюро «Радар». При обследовании действующих и вновь прокладываемых нефте и газотрубопроводов решаются задачи, связанные

с измерением глубины залегания и смещения трубы, определением состояния околотрубного пространства, проведением предпроектных инженерно-геологических изысканий, контролем состояния защитного покрытия трубы. Георадарное профилирование исследуемых участков позволяет построить продольный инженерно-геологический профиль с отображением положения трубы и уровня грунтовых вод. Разработана методика контроля и диагностики состояния кирпичных стен, межэтажных перекрытий из бетонных плит, состояния фундаментов, обнаружения дефектов в строительных материалах, контроля длины устанавливаемых свай.

Научно-исследовательская деятельность *Лаборатории радиофизических методов исследований* ведётся в соответствии с направлением исследований: «Разработка радиофизических методов и создание систем мониторинга окружающей среды, моделей и систем телеметрического сбора и анализа информации для использования результатов предприятиями и организациями города и округа». Заведующий лабораторией – доктор физико-математических наук, профессор **Андрей Владимирович Ельников**.

Лаборатория занимается исследованиями по следующим направлениям:

- определение утечек метана из газопроводов методом дистанционного лазерного зондирования;
- мониторинг атмосферного аэрозоля и озона в регионах СНГ посредством лидарных станций (CIS-LiNet);
- моделирование природных и промышленных выбросов метана и CO₂. Работа проводится в рамках международного соглашения между Российской Федерацией и Японией «Исучение и предотвращение вредных воздействий на окружающую среду».

По первому направлению исследований ведётся разработка и усовершенствование комплексной системы дистанционного лазерного зондирования земной поверхности вблизи газопровода с борта летательного аппарата. Для таких целей был разработан локатор утечек газа, представляющий собой программно-аппаратный комплекс.

В рамках второго направления научных исследований лаборатории производится работа по мониторингу атмосферного аэрозоля и озона, которая является важной предпосылкой для достоверного прогнозирования климатических изменений и решения экологических проблем. Для получения достоверных данных о пространственно-временных изменениях атмосферных компонентов создаются международные глобальные и региональные измерительные сети, основными задачами которых является проведение регулярных измерений и формирование баз данных. В 2004 году в результате совместной деятельности научных организаций Беларуси, России и Кыргызстана, в сотрудничестве с измерительными сетями EARLINET, AD-Net и AERONET, при поддержке Международного научно-технического центра была создана лидарная сеть CIS-LiNet для контроля параметров атмосферного аэрозоля и озона в регионах СНГ. Основной целью CIS-LiNet является проведение координированных наблюдений за состоянием атмосферы Евразии. В проекте участвуют научные группы Беларуси, России и Кыргызстана. Наш университет также участвует в этом проекте. В апреле 2006 года в СурГУ была установлена лидарная станция, предназначенная для измерений оптических характеристик аэрозольного слоя в диапазоне высот тропосферы и стратосферы.

СООБЩЕНИЯ

Сотрудниками *кафедры химии химико-технологического факультета СурГУ* были проведены испытания окисленного атактического полипропилена (ОАПП) в качестве стабилизирующей добавки в щебеночно-мастичный асфальтобетон (ЩМА). Испытание проводилось на дороге Сургут–Нижневартовск. Результаты испытания положительные.

Кроме этого, сотрудниками кафедры был сделан мониторинг асфальтобетонного покрытия автомобильных дорог в Томской области, приготовленных с использованием ОАПП, после 9 и 13 месяцев эксплуатации. Образцы асфальтобетона вырублены на автодорогах «Камаевка–Асино–Первомайское», «Томск–Мариинск», «Мостовой переход через р. Чулым». Все образцы показали высокую сохранность физико-химических свойств асфальтобетона, что позволяет прогнозировать повышенный в 2-3 раза срок службы покрытия дорог без текущего ремонта.

Получено положительное решение о выдаче патента на изобретение «Окисленный АПП с полярными функциональными группами, способ его получения и установка, для осуществления способа» (д.т.н., профессор **В.П. Нехорошев**, аспирант **Н.К. Гаевой**); патента на изобретение «Кинетический способ тестирования антиоксидантов» (к.х.н., доцент **Л.А. Журавлева**, д.х.н., профессор **В.Н. Ушкалова**,); патента «Термопластичный герметизирующий материал и способ его получения»; патента «Способ переработки некристаллических полимеров и устройство для его осуществления».

Ф.Д. Рассказов, А.С. Шевчук

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУПРУЖЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

На протяжении жизненного цикла каждая семья сталкивается с различными трудностями, которые постепенно переходят в семейные нарушения. В целом эти нарушения представляют собой сложное образование, включающее неблагоприятные последствия и реакцию семьи на данные проблемы. Эти обстоятельства прямо или косвенно рассматриваются в работах Н.Н. Нарницына [1], В. Сатир [2], Н.В. Самоукиной [3], Э.Г. Эйдемиллера [4], Н.В. Гришиной [5] и других авторов. В частности, было установлено, что процент неполных семей стремительно увеличивается, от чего в первую очередь страдают малолетние дети, воспитываемые в данных семьях. А это впоследствии негативно влияет на формирование психологической готовности к супружеским взаимоотношениям у детей, то есть накопленный отрицательный опыт, вынесенный из родительской семьи, часто отражается на характере супружеских взаимоотношений в их собственных семьях.

С целью изучения психологических особенностей супружеских взаимоотношений нами было проведено анкетирование, ориентированное на определение уровня благополучия брака испытуемых; выявление их личностных свойств; определение психологической готовности к супружеским взаимоотношениям посредством самооценки. С помощью анкетирования супружеских пар изучались следующие аспекты семейной жизни: совместимость характеров; различия в ценностях; стремление к выраженной независимости; авторитарные действия в поведении; особенности сопереживания по поводу болезни и других проблем; проявление невнимательности и неумение выслушать; преодоление конфликтов; недоверие; принятие решения о рождении детей и их воспитании, а также сложности в удовлетворении интимных потребностей; проявление ревности; подозрение в измене; специфика взаимоотношений с родителями, друзьями и знакомыми; отношение к совместному отдыху; длительным командировкам; стремление к карьере; к выполнению взятых обязательств; проявление неэтичных действий в поведении; согласованность действий при распределении семейного бюджета, устройстве быта, организации питания, употреблении алкоголя и выборе одежды.

В исследовании принимали участие 100 человек (50 женщин и 50 мужчин) в возрасте 23 - 48 лет.

Рассматривая основные моменты, способствующие возникновению и проявлению дисгармонии в супружеских взаимоотношениях (табл. 1), мы пришли к выводу, что ведущие позиции занимают следующие обстоятельства: несовместимость характера (70%); стремление к выраженной независимости (62%); расхождение в семейных ценностях (58%); проявление ревности (53%); невнимательность и неумение выслушать (49%); негативные отношения с родителями (49%); принятие решений о рождении детей (44%); воспитание детей (43%); преодоление конфликтов (42%); отсутствие совместного отдыха (41%); несогласованность в распределении семейного бюджета (36%), а также неудовлетворенность интимными отношениями (32%).

Анализ данных, представленных в табл. 1, позволил выделить среди представленных трудностей ряд таких, которые способствуют значительному усложнению процесса взаимо-

СООБЩЕНИЯ

Таблица 1

Распределение трудностей, характерных для супругов (в %)

№ п/п	Наличие трудностей в семье*	Средние значения	Жен.	Муж.
1.	Несовместимость характера	70	72	68
2.	Расхождение в семейных ценностях	58	62	54
3.	Стремление к выраженной независимости	62	66	58
4.	Авторитарные действия в поведении	54	54	54
5.	Недостаточное сопереживание по поводу болезни и других проблем	22	38	26
6.	Невнимательность и неумение выслушать	49	46	52
7.	Сложности в удовлетворении интимных потребностей	32	24	40
8.	Проявление ревности	53	52	54
9.	Подозрение в измене	30	36	24
10.	Принятие решения о рождении детей	44	44	44
11.	Воспитание детей	43	46	40
12.	Негативные отношения с родителями	49	56	42
13.	Взаимоотношения с друзьями и знакомыми	28	30	26
14.	Совместный отдых супругов	41	48	34
15.	Преодоление конфликтов	42	44	40
16.	Недоверие.	25	32	18
17.	Невыполнение взятых обязательств	28	30	26
18.	Проявление незтичных действий в поведении	32	34	30
19.	Длительные командировки	22	18	26
20.	Непринятие стремлений к карьере	31	32	30
21.	Распределение семейного бюджета	36	34	38
22.	Устройство быта (жилье)	31	32	30
23.	Организация питания	17	22	12
24.	Употребление алкоголя	24	22	26
25.	Выбор одежды	29	30	28

* В дальнейшем в таблицах приводится лишь порядковый номер содержания трудностей.

действия между супругами в семье. У женщин данные проблемы связаны с тем, что супруг не проявляет достаточного сопереживания по поводу болезни ее или детей; дает повод для подозрения в изменах, в связи с чем развивается недоверие; наблюдается конфликтность в отношениях с родителями мужа и жены; отсутствует совместный отдых и нарушается организация питания. Мужчины, в отличие от женщин, отмечают свою неудовлетворенность интимными отношениями и непринятие длительных командировок супруги.

Указанные выше сложности, возникающие в супружеских отношениях и угрожающие жизнедеятельности семьи, также можно разделить по силе и длительности их воздействия на две группы. К первой отнесены трудности, которые проявляются в период адаптации супругов. Это авторитарные действия в поведении одного из супругов; проявления ревности и подозрение в измене; принятие решения о рождении детей и их воспитание; негативные отношения с родителями, друзьями и знакомыми; преодоление конфликтных ситуаций, а также длительные командировки, устройство быта, организация питания, употребление алкоголя и выбор одежды. Ко второй – проблемы, прогрессирующие после восьми-десяти лет совместной жизни, в частности, несовместимость характера, недостаточное сопереживание по поводу болезни, невнимательность и неумение выслушать, отсутствие совместного отдыха, невыполнение взятых обязательств.

Был также прослежен генезис различий в характере восприятия семейных трудностей между мужем и женой, в связи с увеличением цикла жизнедеятельности семьи (см. табл. 2). У мужчин они выражены в неудовлетворенности интимными отношениями, проявлении неэтичных действий в поведении и другие. А у женщин данные различия характеризуют расхождение в семейных ценностях; стремление к выраженной независимости; недостаточное сопереживание по поводу болезни; невнимательность и неумение выслушать; недоверие и другие показатели.

Было также выявлено, что до вступления в брак 33% испытуемых считали, что они будут в состоянии преодолеть семейные неурядицы, совместно искать пути по их преодолению. Установлено, что мужчины (38%) более готовы к решению конфликтных ситуаций, чем женщины (28%). В то же время 38% мужчин и 42% женщин оказались не совсем готовыми к различным сложностям, возникающим в супружеских взаимоотношениях – неготовыми считают себя 30% женщин и 22% мужчин.

После вступления в брак, уровень психологической готовности супругов к решению различных семейных трудностей имеет тенденцию к повышению (44%). Кроме того, было выявлено, что 40% женщин и 48% мужчин, по завершению периода адаптации к семейной жизни, стали более гибкими по отношению к своему партнеру.

Что касается возрастных критериев психологической готовности к супружеству, то было выявлено следующее:

- в 16 лет были готовы лишь 2% от общего числа респондентов;
- в 18 лет – 6%;
- в 20 лет – 24%;
- в 23 года – 36%;
- в 25 лет – 54%;
- в 30 лет – 80%.

В этом плане наблюдаются определенные отличия уровня психологической готовности к супружеским взаимоотношениям между мужчинами и женщинами. Отмечено, что у женщин в 23 года уровень готовности намного выше, чем у мужчин (44% у женщин и 24% у мужчин), но после тридцати лет у мужчин она значительно повышается (78% женщин и

СООБЩЕНИЯ

Таблица 2

Характер выраженности трудностей в зависимости от длительности брака (в %)

Длительность брака № п/п	от 1 – 3 лет		от 4 – 7 лет		от 8 – 10 лет		свыше 10 лет	
	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.
1.	44	42	30	18	18	10	20	20
2.	28	32	20	12	12	12	24	10
3.	30	32	18	18	16	16	24	18
4.	28	30	20	30	20	14	20	16
5.	14	14	14	10	4	12	20	12
6.	14	26	20	10	16	14	24	22
7.	10	10	12	16	8	12	10	18
8.	42	42	10	22	12	10	6	6
9.	26	14	12	6	10	6	6	4
10.	28	38	10	10	-	2	6	2
11.	26	22	18	18	22	8	14	14
12.	36	26	24	26	22	14	28	14
13.	14	20	8	8	10	6	8	8
14.	20	12	22	8	8	8	20	14
15.	20	22	18	18	14	12	16	14
16.	10	6	8	8	12	4	12	6
17.	20	16	6	6	8	10	10	8
18.	20	12	14	12	14	6	14	16
19.	8	16	8	8	6	4	6	4
20.	20	20	10	10	-	4	8	6
21.	16	16	16	22	12	10	8	8
22.	22	16	16	14	10	12	12	8
23.	14	2	10	4	6	4	8	4
24.	12	12	2	6	-	4	8	8
25.	18	18	4	10	10	10	10	10

82% мужчин). Из этого следует, что мужчины к тридцати годам достигают более высокого уровня психологической готовности, чем женщины. Очевидно, это связано с тем фактором, что женщины слишком эмоциональны и подвержены романтичности в отношениях, а мужчины более рассудительны в выборе партнерши и принятии взятых на себя обязательств.

В то же время анализ особенностей удовлетворенности супружескими отношениями, показал, что примерно 65% испытуемых рассматривают свой брак как благополучный. При этом мужчины более удовлетворены своими супружескими отношениями (72%), чем женщины (58%). Эти результаты косвенно подтверждаются данными, полученными в исследованиях Л.Я. Гозмана, Ю.Е. Алешиной, Е.М. Дубовской [6], Д.Д. Еникеевой [7], Н.В. Самоукиной [3], В.А. Сысенко [8], и указывают на то, что женщины чаще всего являются инициаторами развода, а мужчины сопротивляются разрыву отношений и склонны терпеть неурядицы в семье.

При анализе личностных особенностей, которые, по мнению испытуемых, способствуют прочности супружеских взаимоотношений, было установлено, что определенных различий между мужчинами и женщинами не наблюдается (табл. 3).

Таблица 3

Ранжирование личностных особенностей мужчин и женщин, необходимых для развития стабильных супружеских взаимоотношений (в %)

пол	Женщины		Мужчины		
	№ п/п	Личностные особенности	Личностные особенности		
	1	Взаимопонимание	48	Взаимопонимание	44
	2	Ответственность	40	Доверие	34
	3	Уважение	30	Уважение	20
	4	Порядочность	20	Доброта	16
	5	Взаимопомощь	20	Ответственность	16
	6	Доверие	18	Целеустремленность	16
	7	Терпение	14	Терпение	16
	8	Чувства	14	Чувства	12
	9	Внимание	10	Снисходительность	12
	10	Доброта	10	Умение прощать	8
	11	Эмоциональная близость	10	Честность	6

Как следует из данных, представленных в таблице 3, для мужчин и женщин в семейных взаимоотношениях наиболее значимыми оказались такие личностные особенности, как взаимопонимание, взаимопомощь, ответственность, уважение, доверие, терпение, доброта, порядочность, целеустремленность и другие. Причем следует обратить внимание на тот факт, что показатель любви уже не играет для супругов существенной роли, что, очевидно, связано с охлаждением глубокой и страстной влюбленности, имеющей место в начале семейной жизни, которая, в свою очередь, как утверждает В.И. Зацепин [9], плавно переходит в стадию привыкания.

Обобщая результаты проведенного исследования, можно сделать следующие выводы:

Установлено, что на момент вступления в брак примерно 33% обследуемых (38% мужчин и 28 % женщин) осознавали себя психологически готовыми к различным семейным трудностям. Однако за период совместной жизни степень психологической готовности супругов к преодолению проблем в семье имеет тенденцию к повышению.

Обнаружено, что психологическая готовность к супружеским взаимоотношениям у женщин после 20-ти лет, по сравнению с мужчинами, находится на более высоком уровне. Но по мере достижения супругами возраста 30 лет у мужчин отмечается ее большая выраженность.

Выделены наиболее существенные трудности, значимо определяющие характер супружеских взаимоотношений. Это несовместимость характера; стремление к выраженной независимости; расхождение в семейных ценностях; проявление ревности; невнимательность и неумение выслушать; негативные отношения с родителями и т.п.

Установлены определенные различия между мужчинами и женщинами в характере восприятия и оценки проблем семьи. Для женщин в данном аспекте важными факторами выступают: отсутствие сопереживания, подозрение в измене, негативные взаимоотношения с родителями и другие, а для мужчин – неудовлетворенность интимными отношениями, неприятие длительных командировок.

Показано, что между мужчинами и женщинами, при оценке ими личностных особенностей, значимо обуславливающих, по мнению супругов, их психологическую готовность к семейным взаимоотношениям, существенных различий не наблюдается. Важными для представителей как слабого, так и сильного пола оказались такие особенности, как взаимопонимание, взаимопомощь, терпение, доверие и т.п.

Примечания

1. Нарлицын Н.Н. Свадьба – развод и наоборот. – М.: Махаон, 2001. – 416 с.
2. Сатир В. Как строить себя и свою семью. – М.: Педагогика – Пресс, 1992. – 190 с.
3. Самоукина Н.В. Мужчина глазами женщины, или О мужской психологии. – М.: Изд-во Института психотерапии, 2001. – 192 с.
4. Эйдемиллер Э.Г. Системная семейная психотерапия. – СПб.: Питер, 2002. – 368 с.
5. Психология конфликта. /Под ред. Гришиной Н.В. – СПб.: Питер, 2001. – 448 с.
6. Алешина Ю.Е. Гозман Л.Я., Дубовская Е.М. Социальные психологические методы исследования супружеских взаимоотношений. - М.: МГУ, 1991. – 145 с.
7. Еникеева Д.Д. Счастье на двоих, или Психология брака. - М.: Центрполиграф, 2001. - 627 с.
8. Сысенко В.А. Устойчивость брака: проблемы, факторы, условия. – М.: Мысль, 1993– 189 с.
9. Зацепин В.И. Семья. – М.: Педагогика, 1989. – 254 с.

НАШИ АВТОРЫ

ВАСЕНИЧЕВ Сергей Александрович – студент факультета психологии Сургутского государственного университета

ГАНЕЕВА Леся Дмитриевна – аспирант кафедры политологии, ассистент кафедры связей с общественностью Сургутского государственного университета

ДЕНИСОВ Сергей Александрович – научный сотрудник Лаборатории по изучению традиционных систем жизнеобеспечения народов Севера Сургутского государственного педагогического университета

ЗУБАРЕВА Светлана Леонидовна – профессор кафедры общегуманитарных дисциплин Филиала Тюменского государственного университета в Сургуте, доктор педагогических наук

ИВАНЧИХИНА Елена Викторовна – заведующая кафедрой связей с общественностью Сургутского государственного университета, кандидат психологических наук

КОРНЕЕВ Виталий Владимирович – доцент кафедры философии Сургутского государственного университета, кандидат философских наук

КРАВЧУК Галина Владимировна – младший инспектор по досмотру Сургутского Управления внутренних дел на железнодорожном, воздушном и водном транспорте

МАСЛЮЖЕНКО Денис Николаевич – заведующий кафедрой культурологии, заместитель декана исторического факультета по учебной работе Курганского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

ПЛЕХАНОВА Наталья Павловна – старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии Сургутского государственного университета

РАССКАЗОВ Филипп Дементьевич – заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, заведующий отделением педагогического образования Сургутского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор

САМОЙЛОВА Майя Владимировна – заведующая кафедрой клинической психологии Сургутского государственного университета, кандидат психологических наук

СОВЕРТКОВ Петр Игнатьевич – доцент кафедры высшей математики Сургутского государственного университета, кандидат физико-математических наук

СОЛОДКИН Яков Григорьевич – заведующий кафедрой истории России Нижневартского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор

НАШИ АВТОРЫ

СОРОГИН Евгений Игоревич – аспирант кафедры отечественной истории Курганского государственного университета

СОТНИКОВА Светлана Владимировна – доцент кафедры всеобщей истории Тобольского государственного педагогического института, кандидат исторических наук

ТАШЛЫКОВА Марина Ивановна – старший преподаватель кафедры истории России Сургутского государственного университета, кандидат исторических наук

ТОПКАЕВ Денис Анатольевич – аспирант Кемеровского государственного университета, преподаватель общественных дисциплин Новокузнецкого экономико-отраслевого колледжа

ФЕДОРОВ Роман Юрьевич – младший научный сотрудник Института криосферы Земли СО РАН, г.Тюмень

ХОЗИЕВ Вадим Борисович – профессор кафедры клинической психологии Сургутского государственного университета, доктор психологических наук

ШЕВКУНОВ Александр Николаевич – доцент кафедры связей с общественностью Сургутского государственного университета, кандидат педагогических наук

ШЕВЧУК Александр Сергеевич – доцент кафедры педагогики Сургутского государственного университета, кандидат психологических наук

ШИЛОВ Степан Николаевич – доцент кафедры всеобщей истории, заведующий археологической лабораторией Курганского государственного университета, кандидат исторических наук

ШМАКОВ Владимир Сергеевич – заведующий сектором Института философии СО РАН, доктор философских наук, профессор

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Представляя материалы к публикации в журнале «Северный регион: наука, образование, культура», просим руководствоваться следующими требованиями:

1. Объем статьи не должен превышать 10-12 с., сообщения, рецензии – 2-3 с., сообщения для рубрики «Вести из лабораторий» – 1-2 абзаца (1000 знаков).

2. Материалы принимаются только в электронной версии.

Шрифт Times New Roman 12, интервал – 1,5, только с расширением .rtf или .doc.

Не следует производить табуляцию, разделять абзацы пустой строкой, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона и с установкой «только для чтения», форматировать текст и расставлять принудительные переносы.

При подготовке иллюстративного материала следует учесть, что рисунки, графики, диаграммы, фотографии должны быть только черно-белыми, без цветных элементов и мелких заливок. Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls). Рисунки могут быть выполнены только в форматах .gif .jpg .tif .cdr.

3. Построение материалов:

В начале материала – инициалы и фамилия автора (полужирным курсивом), ниже – заглавие без сокращений, прописными буквами. Нумерация ссылок на источники в тексте – сплошная, список источников по порядку (только тех, на которые есть ссылки в тексте) – в конце материала, т.е. в тексте указывается номер источника (например, [2]), в примечаниях указывается страница источника. Постраничные сноски не допускаются.

Библиографическое описание источника включает:

- фамилии и инициалы авторов,
 - полное название работы,
 - название издания, в котором опубликована работа (для статей),
 - город,
 - название издательства или издающей организации,
 - год издания,
 - том (для многотомных изданий),
 - номер, выпуск (для периодических изданий),
 - объем работы (количество страниц – для монографий, первая и последняя страница – для статьи).
- страница, на которую производится ссылка.

4. К материалу прилагаются данные об авторе: полное имя и отчество, фамилия, почтовый адрес, электронный адрес, телефон, место работы, должность, ученое звание и степень (если имеются).

5. Рукопись должна быть выверена и датирована. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае несоответствия требованиям к содержанию и оформлению.

Материалы для публикации, отклики и пожелания, заказы на уже вышедшие номера могут быть присланы по почте (на диске или дискете), либо по электронной почте (e-mail: denisovasever86@bk.ru, копия — на e-mail nreg@surgu.ru).

СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Научный и культурно-просветительский журнал
№2 (16) / 2007

Главный редактор В.В. Мархинин
Ответственный редактор Т.Ю. Денисова

Оригинал-макет подготовлен в редакции журнала
«Северный регион: образование, наука, культура»
☎ 8-912-813-72-91

Подписано в печать 24.12.2007 г. Формат 70×100/16 Печать трафаретная
Усл. печ. л. 16. Уч.-изд. л. 16. Тираж 200 экз. Заказ № 135

Отпечатано в полиграфическом отделе издательского центра СурГУ
Ул. Лермонтова, 5, Сургут
т./ф. (3462) 32-33-06

Сургутский государственный университет ХМАО
Ул. Энергетиков, 14, г. Сургут Тюменской обл., 628412
Тел.: (3462) 52-47-00, 52-47-29